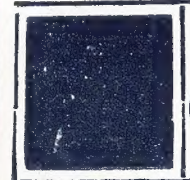
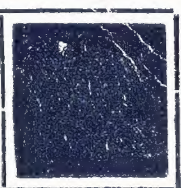

نمره ۲ آذربایجانی تدقیق و تتبع جمعیتنك اخباری

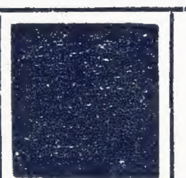
ИЗВЕСТИЯ

Об-ва ОБСЛЕДОВАНИЯ и ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2-й

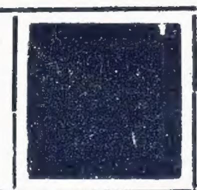

BULLETINS
DE LA SOCIÉTÉ SCIENTIFIQUE
D'AZERBAIDJAN.

ИЗДАНИЕ
Об-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1926.

آذربايجانى تدقيق و تتبع ايدن جمعيتك
اخبارى
نومرو ٢

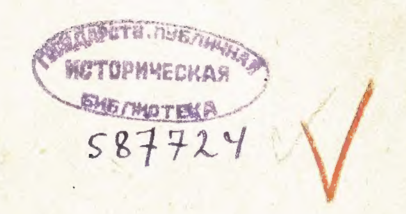
ИЗВЕСТИЯ
О-ВА ОБСЛЕДОВАНИЯ и ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2.

Bulletins de la Société Scieutifique d'Exploration et Ed'tude d'Azerbaidjan.

ИЗДАНИЕ
Об-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1926. باكو

Напечатано во 2-й Государственной типографии
Азполиграфтреста ВСНХ.
Азлит № 598. — Зак. № 5396.
Тираж 2000 экземпляров.

Привет I-му Всесоюзному Тюркологическому С'езду.

Пленум Организационной Комиссии по созыву Всесоюзного Тюркологического С'езда 3—4 января 1926 года.

Фот. А. Алекперова.

А. Самойлович.

Кавказ и турецкий мир.

„Несмотря на успехи, сделанные в последние десятилетия кавказоведением, лингвистические и этнографические вопросы, связанные с изучением Кавказа, еще далеко недостаточно выяснены“.

В. В. Бартольд.

Совершенно не имея времени для того, чтобы написать по просьбе редакции свежую статью для текущего выпуска «Известий О-ва обследования и изучения Азербайджана», я решаюсь предложить читателям этого нового журнала по Кавказоведению главу первую из своей составленной в годы гражданской войны для Кавказского Отдела Комиссии по изучению племенного состава СССР при Всесоюзной Академии Наук и доселе ненапечатанной справочной работы «Азербайджанские турки» (к этнографии Кавказа), некоторые данные коей использованы в труде председателя названного отдела, акад. Н. Я. Марра «Племенной состав населения Кавказа» (Ленинград, 1920 г., стр. 39). Переписывая ныне главу первую для „Известий“, я внес в нее некоторые исправления и дополнения.

I.

Кряжистый Кавказский перешеек между морями Черным и Каспийским входит в пределы расселения турецких племен своими северной и южной частями. Существующие историко-этнографические данные позволяют более или менее определенно говорить о появлении турецких кочевых орд в степях Северного Предкавказья ранее, чем со стороны Ирана. Первые турки, проникшие из Азии в степи юго-восточной Европы, принадлежали, можно думать, к гунским полчищам IV века нашей эры. Часть этих гунских турков вошла, как многие допускают, в состав турецко-булгарского народа, давшего своих поселенцев и Северному Кавказу, именно Прикубанью[1]). Нельзя, однако, умалчивать о том, что принадлежность гуннов к турецкому миру до сих пор не является в науке общепризнанной[2]) и что в наши дни снова появляются сторонники монголизма гун-

[1]) Marguart, Osteuropäische und ostasiatische Streitsüge (Leipzig, 1903), стр. 16,

[2]) См. сноску 4 на стр. 398 „Сборника музея антропологии и этнографии Акад. Наук С. С. С. Р.„ т. I, вып. 1 (1918 г.). Готовится второе издание работы К. А. Иностранцева с обзором теорий по гунскому вопросу, напечатанной в первый раз в журнале „Живая старина“ 1900 г., вып. III.

нов, как Ширатори и Пельо. Догадка Хвольсона о присутствии турецкого элемента в юго-восточной Европе, в частности на Крымском полуострове еще до нашей эры не вошла и не могла войти в строго-научный обиход[3]). Вопрос о принадлежности к турецкому миру хазаров разработан еще менее, чем гунский, что необходимо учитывать при пользовании работами Надеждина, И. И. Пантюхова[4]) и др. Турецкие этимологии названий „хазар“ и „казак“, предложенные Гомбоцем[5]), обладают небольшой силой убедительности, чем народные осмысления типа «Барклай де Толли»—«болтай да только». Особенно слабой является гипотеза о турецком происхождении аваров. Мне представляется, что «результаты, добытые исследованием остатков прототюркских наречий», и теперь еще столь незначительны, что современного турколога не может не удивлять решительный тон некогда высказанного Куником и Радлоым[6]) утверждения: «Эти прототюрки составляли главную массу аваров, были господствующим племенем в Хазарии», если, впрочем, не видеть в этом утверждении пророческого предвосхищения современных нам взглядов яфетитологии и не ставить знака равенства между «прототюрками» и «яфетидами».

Все туркоязычные племена Северного Кавказа: карачайцы, балкары (малкары), кумыки являются в большей или меньшей степени племенами смешанного, яфетическо-турецкого происхождения, *возникшими в результате* отуречения дотурецкого населения края[7]). Древнейшие турецкие элементы в наречиях названных племен обнаруживают связь с языком племени кыпчаков (иначе: куманов, половцев), появившихся в юго-восточных степях Европы из Азии в XI веке нашей эры[8]). Приветствуя заявление молодого, многообещающего турколога из крымских татар, проф. Чобан-заде, что «основываясь на языке кумыков, никак нельзя согласиться с предположением, что эти тюрки занимают Дагестанское плоскогорье и побережье Каспийского моря со времен хазар (т. е. приблизительно с VIII в. христ. эры)“, мы не можем согласиться с другим его утверждением, будто «кумыкское наречие, как видно из предыдущих §§, не отличается архаизмами», ибо даже в заметке[9]) самого проф. Чобан-заде находим два архаических элемента, роднящих кумыцкое наречие с кыпчацким языком (огар, шугар; келебиз, китебиз).

---

[3]) Achtzehn Hebräische G r a b s c h r i f t e n aus dem Krim (Mêm. del'Akad. VII série, t. IX, № 7, 1865 г.) стр. 120. См. мою заметку „К вопросу о наследниках хазар и их культуры“ (Еврейская Старина, т. XI, 1924 г.), стр. 208.

[4]) Надеждин, „Кавказский край. Природа и люди“ (Тула, 1895), стр. 144. И. И. Пантюхов „О кумыках“ (Зап. Кавк. Отд. Р. Геогр. Общ. XVIII) стр. 92—93 („хозарская или кумыкская народность“).

[5]) Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen sprache (M. S. F.—Ou XXX, 1912), стр. 196. См. нашу вышеупомянутую статью „К вопросу о наследниках хазар“, стр. 209.

[6]) Рецензия академиков Радлова и Куника на монографию П. Голубовского „Печенеги, тюрки и половцы“. (Отчет о 29-ом присуждении наград графа Уварова, 1887 г.).

[7]) Марр. Племенной состав населения Кавказа, стр. 26.

[8]) Записки Восточн. Отд. Р. Археолог. Общ. XXI, стр. 0155. Ср. Надеждин, 200—202.

[9]) Предварительное сообщение о кумыкском наречии. Известия О-ва обследования Азербайджана, № 1, 1926 г., стр. 39, 38.

Ошибочность отожествления кыпчаков с гузами, допущенного кроме Аристова[10]) и других, также и Вамбери[11]), раз'яснена давно В. В. Бартольдом[12]).

Гузы (огузы, узы), проникшие в южно-русские степи из Средней Азии до кыпчаков, в IX веке, могли быть отчасти поглощены кыпчаками, но существенного влияния на кыпчацкий язык, в смысле перехода его из одной группы наречий в другую, не оказали.

Карачайское, балкарское и кумыцкое наречия определенно входят в «северо-западный» или «кыпчацкий» под'отдел «тау» моей классификации в его переработанном заново виде[13]), причем кумыцкое наречие кроме того обладает некоторыми дополнительными чертами переходного характера в сторону принадлежащего к «юго-западному» или «туркменскому» отделу «калан» наречия азербайджанского[14]).

Ногайцы северно-кавказских степей, особенно близкие по происхождению и языку к казакам Степного Края (Казакистана) и к части степных крымских татар, относятся к этническим новообразованиям, возникшим в связи с монгольским (татарским) нашествием на Европу в XIII веке[15]), которое в этническом отношении было преимущественно, как известно, не монгольским (татарским), а турецким (или, как некоторые упорно продолжают говорить и писать, «тюрко-татарским»[16]). У ногайцев только имя монгольское („нахай" по-монгольски значит собака; это имя носил один из монгольских начальников).

Ставропольские туркмены, по одежде сильно отличающиеся от главных туркменских племен Закаспия (Туркменистана): йомудов, текинцев, сарыков, пришли в северо-кавказские степи в XVIII веке через Астрахань с Мангышлака[17]) и находятся в ближайшем родстве с мангышлацкими и хивинскими туркменами, как это явствует из их рядовых делений.

По названиям дней недели кумыки занимают среди всех турецких племен, за исключением сирийских туркменов, совершенно особое место, определяемое их вхождением в число разноплеменных народностей Дагестана, где особое распространение получил арабский язык: все дни недели, за исключением субботы (шабат или сонгыкун), у кумыков называют-

---

10) Живая старина, 1896 г., вып. III—IV, стр. 127, 401, 411.

11) Das Türkenvolk (Leipzig, 1885 г.), стр. 382.

12) Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ. XI, стр. 346—347.

13) В этом новом виде моя классификация представляется Первому Всесоюзному Туркологическому С'езду, а в первой редакции напечатана отдельной брошюрой „Некоторые дополнения к классификации турецких языков" (Ленинград, 1922 г.).

14) См. мою статью „К вопросу о наследниках хазар", стр. 204.

15) Надеждин, 199. Западн. Восточ. Отд. XXI, протоколы заседаний, 19 декабря 1912 г.

16) В некоторых работах по Кавказу ногайцы ошибочно относятся к монголам, а не туркам.

17) Надеждин, 202. Мой отчет „Среди ставропольских туркменов и нагайцев и у крымских татар" (Изв. Русск. Ком. по изучению Средней Азии, серия II, № 2, 1913 г.).

ся по-арабски, причем название воскресенья „катты-кун“ восходит[18]) к арабскому, „ahad“.

Название дней недели у карачайцев и балкаров частично обнаруживают знаменательную связь с названиями дней недели у крымчаков и караимов, с одной стороны, и у чувашей с башкирами с другой, как далекий отзвук культурных (а не языковых) отношений в эпоху хазарского царства[19]).

II.

Старо-турецкие насельники северно-кавказских степей проникали на юг, в Закавказье и далее, можно предполагать, со времен гуннов для совершения набегов и вносили туда турецкие элементы в виде пленных, наемных военных отрядов и рабов, доставлявшихся купцами. Значительное проникновение в Закавказье турецких элементов с Северного Кавказа, как можно судить по наличным историческим данным, начало совершается только из среды кыпчаков, после XI века, когда в Азербайджане имелось уже свое турецкое население, пришедшее в XI веке под предводительством сельджукидов. В Азербайджан, например, бежала часть кыпчаков-половцев после первого вторжения на Северный Кавказ монгольских (татарских) полчищ. Имя кыпчаков поныне сохранилось в названиях некоторых населенных мест Закатальского Округа.

Как северно-кавказские турецкие элементы всегда являлись частью турецких элементов степей юго-восточной Европы от Урала до Дуная, так южно-кавказские турецкие элементы неразрывно связаны преимущественно с турецкими элементами Ирана и Малой Азии.

Вамбери, говоря о прошлом иранских турков, неудачно вспоминает[20]) парфян и скифов, которые современной наукой с турками отнюдь не связываются. Далекими временами Вамбери веет и от начальных строк книги[21]) проф. Чобан-заде „Введение в туркологию“ (Баку, 1924 г.), в которых (стр. 3) „тюрко-татары“ отожествляются со скифами и сарматами. Турецкие элементы начали проникать в Иран века с VI-го нашей эры[22]). Первыми турками в Персии были пленники обоего пола, приводившиеся персидскими войсками из походов против кочевников туркестанских и южно-русских степей, затем рабы, приобретавшиеся покупкой, и, наконец, дружины, добровольно поступавшие на службу к иранским правителям. До вторжения в Персию в XI веке огузских (гузских, туркменских) орд сельджукидских завоевателей в этой стране, насколько известно, значительного турецкого населения не было. Первой турецкой династией в восточной части Персии, нынешнем Авганистане, были Газневиды, вышедшие из турецких рабов (XI в.). Монгольское вторжение в Персию, приведшее к образованию Хулагидского удела (XIII в.), увеличило количе-

---

[18]) Мои статьи „Название дней недели у турецких народов“ и „Название дней у азербайджанских турков“ (Яфетический Сборник, выпуска II и III). Проф. Чобан-заде, вышеупомянутая заметка о кумыцком наречии, стр. 38.

[19]) Моя статья „К вопросу о наследниках хазар“, стр. 209—10.

[20]) Türkenvolk, 569—70.

[21]) На турецком языке. Изд. Азерб. Гос. Издательства.

[22]) См. мою заметку „Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана“ (Афганистан. Сборник статей. Москва, 1923 г.), стр. 100.

ство турецких элементов в персидском населении осколками разнообразных турецких племен, входивших в состав монгольских полчищ, но огузы-туркмены возобладали над остальными своими родичами[23]), что совершенно определенно явствует из современных говоров персидских турков, в какой бы провинции они ни обитали. Господствовавшие в Персии со времен тимуридов до недавно сверженных каджаров династии также были преимущественно турецкого происхождения, включая и знаменитую династию сефевидов.

Турецкие говоры Персии и Азербайджанской Сов. Соц. республики, относясь по основным своим признакам к „юго-западному“, или „туркменскому“ отделу „калан“ моей классификации на ряду с туркменскими анатолийско-турецкими, балканско-турецкими, южно-бережно-крымским и гагаузским наречиями, вместе с тем поныне обнаруживают, как это особенно за последнее время выясняется для Закавказского Азербайджана, разнообразные признаки своего крайне смешанного происхождения из осколков турецких наречий, существующих в настоящее время в составе совершенно иных групп, включая до „северо-восточной“, или „уйгурской“ (ог-„дом“). Это дробление азербайджанско-турецкого наречия, но в высшей степени интересные говоры, совершенно ускользнуло от внимания автора единственной крупной статьи об азербайджанском наречии, покойного Карла Фой[24]) и, будем надеяться, выявится в полной мере трудами Общества исследования Азербайджана, так удачно начатыми проф. Н. И. Ашмариным (описание говоров города Нухи и его окрестностей). О пестроте туркоязычного населения Закавказского Азербайджана свидетельствует также разнообразие в названиях дней недели[25]).

Несмотря на то, что оседлая часть азербайджанских турков утратила свои племенные и родовые названия, все-же по названиям населенных пунктов этнического происхождения и по племенным и родовым названиям, сохраняющимся у полукочевого населения можно судить о том, какие древние и позднейшие племена и рабы участвовали в образовании азербайджанцев.

Литература по Закавказью и Персии накопила по вопросу о племенных и родовых названиях некоторый материал, и этим материалом необходимо было воспользоваться глубокоуважаемому В. М. Сысоеву[26]) при составлении статьи „Тюркское население Азербайджана в XVII веке“, чтобы стоять на более твердой почве при освещении вопроса об этническом составе населения в XVII в. к северу и к югу от Куры и Аракса. Из перечисленных на стр. 52 родов, например, род „халедж“, несомненно—турецкий, носит имя одного из древних турецких племен[27]) „калач“, род

---

[23]) Türkenvolk, 571. Аристов, Заметки, 413.

[24]) Azerbajganishe Studien (M. S. O. S. B., IV, Abtheil. II und VII, Abtheil II).

[25]) Моя вышеупомянутая заметка в выпуске III „Яфетического Сборника“.

[26]) Известия О-ва обследования Азербайджана, № 1-й, стр. 49.

[27]) Моя заметка „Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана“, стр. 101—103

„каран“ тоже несомненно турецкий, иначе именуемый „кыран“, обитает в ряде пунктов Персии[28]), да и остальные родовые названия, оканчивающиеся в большинстве случаев турецкой приставкой „лю“, могут не в меньшей мере относиться к населению, „повидимому, тюркскому“, чем, как это предпочитает автор. к „повидимому, персидскому или арабскому“ (стр. 52—53). Нам представляется, что при критике привлеченных В. М. Сысоевым материалов необходимо прежде всего попытаться выяснить, в каком смысле в них (у Олеария и Стрюйса) употреблено, в согласии с тогдашней закавказско-персидской практикой, название „турок“, или „тюрк“, которое—надо это знать—не всегда и не везде употребляется в чисто этниическом значении. Некоторые шиитствующие элементы населения Малой Азии, например, пользуются словом „турок“, не в экономическом, а в религиозном смысле: „суннит“.

Проникшие в Персию и на Кавказ в XIII в. монголы отуречились и омусульманились[29]), а вся туркоязычная масса Персии и Восточного Закавказья в большей или меньшей степени об‘иранилась, что не мешало и не мешает ей отуречивать соседних иранцев или иранизованных яфетидов. Туркоязычное население, в частности, Закавказского Азербайджана является крайне смешанным не только потому, что образовалось из осколков различных турецких племен, но и потому, что впитало в себя и нетурецкие элементы: иранские, арабские, монгольские и яфетические, причем последние особенно. Как туркоязычные племена Северного Кавказа, так и азербайджанских турков невозможно углубленно узучать в лингвистическом и иных отношениях вне связи с кавказскими, прежде всего, яфетидами, и для турколога-кавказоведа несомненно знание яфтических языков во всяком случае не менее важно, чем каких-нибудь финских.

Среди вопросов, ожидающих своего освещения со стороны туркологов-кавказоведов, необходимо отметить вопрос о туркоязычных „мугалах“ Закатальского Округа.

Со стороны Карса и Батума Кавказ соприкасается с малоазиатскими турками тоже огузского (туркменского) происхождения и тоже по своему этническому составу представляющими многоразличные смешения, или скрещения, определяемые этнической историей Малой Азии.

III.

Присутствие турецких элементов на Кавказе не ограничивается с пределами туркоязычного его населения, а прослеживается в качестве языковых и иных заимствований, до сих пор надлежащим образом еще неизученных, и в среде иноязычных кавказских племен на севере и на юге[30]). Если, таким образом, с одной стороны турколог-кавказовед нуж-

[28]) Моя книга „Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев“, стр 0113, со ссылкой на Керзона.

[29]) О монгольском языке на Кавказе в XVII веке, см. статью В. В. Бартольда „К вопросу о происхождении кайтаков“ (Этнограф. Обозрение, кн. 84—85).

[30]) Турецких элементов в татском языке горских евреев я коснулся в статье „К вопросу о наследниках хазар и их культуры“.

дается в яфетитологических познаниях, то с другой стороны и яфетитолог-кавказовед и иранист-кавказовед не могут обойти без познаний туркологических.

В некоторых районах Закавказья азербайджанско-турецкое наречие является междуплеменным языком, и такую же роль среди части горцев Дагестана, на ряду с арабским, выполняет кумыцкое наречие[31]).

Содержание 1-го выпуска «Известий О-ва обследования и изучения Азербайджана» свидетельствует о том, что Общество не ограничивает своих задач в области изучения турецкого мира Кавказа одним Азербайджаном. Пожелаем, чтобы изучение кавказско-турецкой части турецкого мира, как со стороны Бакинского научного центра, так и исследовательскими организациями и отдельными учеными других мест велось в единственно приемлемом с точки зрения об'ективных, истинно-научных требований, как вытекают из реального и живого положения вещей, направлении: в неразрывной связи с Кавказом, как особым целым.

Ленинград, 19 января, 1926 г.

---

[31]) Пантюхов „О кумыках", стр. 95.

Вл. Гордлевский.

Переходная пора Османской литературы.

(По поводу книги Кепрюлю—задэ М. Фуада).

Кепрюлю—задэ Мехмед Фауд, бесспорно, одна из крупных фигур новой Турции. Он—молод, ему всего лет 35, но он давно уже выдвинулся критическими статьями, заслужив хвалу тонкого ценителя,—поэта Реджаи-задэ Экрема, который, „в гроб сходя, благословил его“,—и перед мировой войной (в конце 1913 года) занял в Константинопольском университете кафедру истории турецкой литературы. Он хорошо образован, с восточной и с европейской точки зрения; в нем сочеталась богатая начитанность, общая (историко-литературная) и специальная (востоковедная, главным образом, туркологическая) и научный метод,—качества, в Турции редкие. Облеченные в изящную форму, труды его заитересовывают и новизной темы (суфийско-религиозные отголоски в османской литературе, ашицкая поэзия и др) и представляют большое значение, не только местное (для соотечественников), но и общее (для европейского исследователя) М. Фуад, должно-быть,—один из лучших знатоков в Европе истории турецкой, не толькой османской, литературы.

Дорожит талантливым профессором и министерство просвещения. Воплощение культур Востока и Запада, М . Фуад успешно представляет молодую Турцию, рвущуюся к свету, на международных ученых с‘ездах; так, в 1923 году он был командирован в Париж на международный конгресс по истории религий и прочел там доклад о бекташи,—эксцерпт из большой монографии. А осенью 1925 года он был на юбилейных торжествах Академии Наук, и русские востоковеды могли тогда узнать ученого потомка славного рода везирей Турции XVII века. Когда в министерстве закипела работа по преобразованию центральных органов и по реформе школьного образования,—был привлечен для консультации и М. Фуад.

Поэт, публицист, ученый (литератор и историк),—М. Фуад всюду сохраняет горячность человека, любящего и верящего в отечество *). Он постоянно призывает соотечественников отбросить вековую лень, отбросить

*) См. о нем: M. Hartmann. Dichter der neuen Türkei. Berlin 1919, стр. 91-95: Aus dem Osmanenreiche (Österreichische Rûndschau, Band XLVI (1916), Heft 6 перевод туранистического стихотворения „Молитва туркам“ Der Jslam. B. VIII – реферат M. Hartmann‘а об ашицкой поэзии,—исследовании, напечатанном в сборнике „Милли тетеббюлер“. У меня в „Очерках по новой османской литературе“. М. 1912, стр. 144 по описке он назвал Кепрюлю-задэ М. Тевфиком.

средневековые, схоластические, представления. Вернувшись из России, он поднял в университете мысль о создании кафедры истории революционного движения в Турции, потому что видит здесь оплот свободному развитию страны. М. Фуад олицетворяет собой в Турции гуманитарные науки, и когда нет его,—останавливаются и лекции на словесном факультете.

Книга „Сегодняшняя османская литература“ (Константинополь. „Игбал“ 1924—8-о 329 стр.) заключает статьи, об‘единенные в три отдела: первый (вводная часть, наиболее обширная) посвящена обсуждению вопросов, теоретико-методологических и социологических, обсуждению условий, способствующих или мешающих созданию национальной литературы; вторая часть—так сказать, практический, конкретный ответ: рецензии и разбор литературных произведений (романов, стихов, драм) под углом соответствия их требованиям литературной критики, как она вычерчена в первой части *); третья часть, „тени прошлого“—некрологи—небольшое собрание красиво набросанных портретов литературных деятелей, так или иначе подготовлявших грядущий приход национальной литературы. Статьи написаны на протяжении 1913-1922 г. г. Но хронологические даты заметок второй части (гл. обр., начала 1919 года) подчеркивают бледность и скудность современной, сегодняшней, литературы. Насколько картина, нарисованная М. Фуадом, отражает реальное убожество,—трудно сказать, когда книги из Турции медленно и случайно добираются до Москвы; однако, автор обходит, напр., прозаиков талантливых—Якуба Кадри и Рефика Халида, хотя раз, вскользь и упоминает их; показательно умолчание о Мехмеде Эмине **), авторе „Турецких стихотворений“, „сердце пантуркистов“, раставрировавшем в османской литературе слоговой, стих, за который ратует М. Фуад (очевидно, доброкачественность поэтического дарования М. Эмина и для него сомнительна); в третьей части режет умолчание об Ахмеде Мидхате, Омере Сейф—эд-дине. Подбор, определивший „круг чтения“, искусственен, и это, конечно, отнимает долю доверия. Словом, элементы суб‘ективности—налицо. Обращенные к публике османской очерки трактуют иногда темы знакомые; но что портит впечатление, это —поучительно—наставительный тон человека, взирающего сверху вниз. Помню, когда М. Фуад только начинал литературную карьеру в обществе „Феджр-и ати“ („Грядущая Заря“),—сотоварищи отмечали (в 1911 году) резкость и задорность его письма.

Ученик основоположника туранизма, Зии Гек-Алпа, восторженного поклонника Дюркгейма, переводивший Лебона („Психология толпы“), М. Фуад и на литературу смотрит с эволюционной точки зрения; для него литература, это—предмет жизни общества. Вычитанное из иностранных книг (Ипп. Тэн, Сент-Бев, Фагэ, Гроссэ, Зиммель) он переносит и применяет к османской литературе, чтобы доказать единство литературных законов. Иногда он насилует факты, но, несомненно, об‘яснение хода литературной

*) Значительное количество страниц второй части отведено полемике с Хюсейном Данишем, автором «Истории персидской литературы» (популярно-компилятивного очерка),

**) Вл. Гордлевский, стр. 103-108.

жизни историческими условиями—правильно: история литературы превращается, таким образом, в историю общественных идей.

I.

Ислам обезличил турок; народная поэзия, когда-то понятная и „кагану“ (хану), и простолюдину, уступила место искусственно-построенным газелям и касыдам.

Характерно, хотя литературные формы, навязанные арабами, были одинаковы,—персы сумели все-таки уберечь национальное обличье, а турки, воспринимая ислам, всюду поддались арабо-персидскому культурному влиянию. Национальная турецкая литература удержалась в Турции только в народных низах да в „теккэ“, среди представителей народного духовенства (среди сект). „Теккэ“ новое религиозно-философское содержание укладывали в старый народный стих. Литература образованного класса воспроизводила исключительно персидские оригиналы, и насколько чужда и непонятна была народу,—показывает анекдотический вопрос, заданный Гермиянским беем, „меценатом литературы“, поэту Шейхи (XV века), который прочел ему касыду: „Что, этот человек хочет меня хвалить или ругать?“ Чувство выправлено было из поэзии; его заменили шаблонные образы: поэты бесконечно, из века в век, воспевали красавицу, „стройную, как кипарис, с бровями дугой или луком, с глазами газели“, как-будто она испила живой воды из источника Хызра, и так, неизменно сохраняла прелести. Но то было вычурное слово—и стихотворчество, а душа народа молчала. Эпоха реформ XIX века в Турции («танзимат») повернула страну на Запад; старые традиции были порваны. Источник поэзии перенесен, так сказать, был из Шираза в Париж в школу родоначальников новой литературы, которые повели борьбу за новые европейские формы (Шинаси и Кемаль). Но уже в XV веке смутно тяготел османец к Западу. Несчастный царевич Джем, один из первых поклонников Запада, попав в Ниццу, игриво замечал, что человек, очарованный, не знает, что ему и делать („не—итсе“).

Западник М. Фуад понимает, что спасение Турции лежит на Западе, состоит в приобщении к западной культуре; он убежден, что, как результат обновления общества на основе реформ, социально-экономических, религиозных, правовых, и т. д.,—и в Турции создается здоровая национальная литетарура, отвечающая потребностям народа. Но, пока, это было только внешнее подражание. Подражательность, раз‘едающая литературу, происходит от духовной лени интеллигентной молодежи,—этой застарелой болезни, осуждающей на бесплодие национальный дух.

Современная литература от народа стоит еще дальше, чужда ему еще больше, чем старые поэты, слагавшие газели. Подражая Ренье, Сомэну, Роденбаху, поэты напоминают собою только театральные декорации; они живут мертвой иллюзией, в душе у них—пустыня. Наблюдательные французы сразу чувствуют в османце-интеллигенте родного себе человека. Мне попался отчет о публичной лекции, читанной в 1923 году Пьером Бенуа, автором „Атлантиды“, в Константинопольском университете о новой

французской литературе. Пьер Бенуа, начал с комплиментов османцам. Встреченные им в Лозанне два османских литератора напомнили ему Францию; он увидел, какая притягательная сила скрыта для османцев во французской культуре и какое внутренне понимание протянулось между писателями, французскими и османскими.

М. Фуаду тяжело ставить приговор; в литературном диалоге он прячется за спину друга—собеседника, который, зло критикуя современную поэзию, говорит, что только заглавие и подпись различны, а содержание трафаретно: все на один лад воспевают женщину; лица встречные, пляж, место прогулок, туалет метресы—все—точная копия с французского оригинала. Как человек, слышащий на чужбине хулу родины вспыхивает, так и М. Фуад горячо полемизирует с Дженабом Шехаб-эд-дином, старым, поэтом, после июльской революции 1908 года променявшим лиру на перо публициста, который, в интервью с Р. Эшрефом, решительно осудил современную литературу. В спокойную минуту М. Фуад, конечно, должен признать, что—так оно и есть. Еженедельно все вновь и вновь выходят журналы литературные, обдающие читателя ароматом гульливой эпохи султана Ахмеда III. Они беспечно щебечут, как пташки, между тем как нация переживает тягостные невзгоды (писано в 1919 году), после Мудросского перемирия *), и если кто замечает им о неуместности радости, они заявляют, что искусству законы не писаны, что оно выше преходящей политики. Подражатели французов, они могли бы однако взять пример с французских писателей, они увидали бы, что там литература и жизнь тесно связаны, и что война вызвала во Франции глубокий патриотический под‘ем.

Для того, чтобы приблизить литературу к народу, необходимо вернуть ей национальную словесную форму. Отказ от арабо-персидской метрики; очищение языка от арабо-персидских элементов, заполнивших речь —вот первые условия для создания литературы национальной. Медленно, но непрерывно этот националистический процесс и совершается. Несмотря на вопли упрямых сторонников старой метрики давно уже осужденной. А Джевдет-пашей и Зия-пашей,—слоговой стих пробивает себе дорогу в современной литературе. **) Силу это естественное течение, возвращающее языку его прелесть, должно почерпать, как заметил Зия-паша, из народной поэзии. Фольклор может возродить литературу, развеять тлетворный дух искусственности. „В этом и состоит“ хождение в народ, „образующее главную основу русского романтизма и породившее Пушкина и его школу“, —бросает М. Фуад замечание. Оно любопытно, как образец спутанности

*) Эротика—этот конек поэзии османской—украшает страницы изданий, и в 1924 году в альманахе женского журнала „Сюс“ „Невсал-и Эдеби“ Ахмед Ферид, например, напечатал стихотворение, обращенное к „Русской девушке“. Описывая ее вызывающую физическую красоту.

**) Впрочем, поэт—профессор Яхья Кемаль пытался недавно реформировать учение об арабской метрике („аруз“), т, ск. потурчить его. Он говорит: „Как некогда Балтаджи“ -паша был очарован и одурачен русской женщиной (Екатериной I во время Прутского похода), так теперь потомки его бросают к ногам твоим, русская дева, драгоценности. „Наполни нам кубок: мы привыкли к вину обмана! Твои глаза превратили Стамбул в город любви!“

и вздорности суждений, когда заходит речь о русской литературе. Османцам более или менее знакома современная русская литература, (у М. Фуада упоминаются вскользь имена Льва Толстого и М. Горького), но экскурсы вглубь сразу обнаруживают поверхность. Таким образом, османская литература должна пойти путем, проложенным европейскими народами (М. Фуад ссылается на немцев и на русских); отсюда и призывы к изучению турок Алтая (родина, безоговорочно, турецкого племени); призывы к собиранию и исследованию народной поэзии малоазиатских равнин, явственно доносящиеся со страниц книги турколога М. Фуада.

М. Фуаду дороги слабые отзвуки тяги к народу среди сотен старых поэтов, завороженных персами, и он охотно ловит их всюду. Уже в X веке хиджры поэт Махреми (ум. в 942 г. X—1584 г., написавший знаменитый „бенд“ адмиралу Барбаросе Хайр-эд-дину, грозе Средиземного моря („Пришел момент. Пора, Пора! Разверни паруса, Хайр-эд-дин-паша!)—сочинил „Басит-намэ“ („Простую книгу“). Автор био-библиографического словаря—антологии „Тезкерей-ий-шуара“, Али-Челеби (ум. в 1599 году) отмечает, что слова и сравнения в этом произведении поэта Махреми все турецкие, и нет там ни арабских, ни персидских слов. Значение народной стихии смутно понимал и поэт Наби (ум. в 1712 году), воскликнувший однажды, что „диван газелей“—собрание стихотворений поэта—отнюдь не есть экземпляр арабского словаря. Он осудил погоню за губительной мишурой,—арабо-персидским покровом османской поэзии. Постепенно поэты (как. напр., Недим, Сабит, Васыф, Фазил), чувствуют красоты языка османского. Смысл народной поэзии отчетливо раскрыл, уж лет сто тому назад, Эс‘ад-эфенди в предисловии к переводу (с арабского языка) сборника „Мустадраф“. И его слова тем более ценны, что это говорит человек образованный, знающий хорошо литературу „трех языков“,—арабскую, персидскую и турецкую.

Литературная школа, группировавшаяся около журнала „Сервет—и Фюнун“, завершила поворотный пункт, закрепив европейские формы творчества, в поэзии это—Тевфик Фикрет, в прозе—Ушаки-задэ Халид-Зия. Значительный участник того литературного движения, „последний маэстро забытой турецкой прозы“, Дженаб Шехаб-эд-дин пытался ограничить безудержные похвалы, которые расточались в Турции по адресу Тевфика Фикрета. Затушевывая богатые природные дарования, инстинктивное чувство красоты и меры, Дженаб видит у Т. Фикрета только хороший язык и изящный вкус. Безусловно человек малообразованный, литературные статьи которого слабы,—Т. Фикрет испытал на себе влияние старшего товарища, Ушаки-Задэ Халиды Зии, автора романа „Мави ве Сиях“ („Голубая и черная ночи“) *), знатока французской литературы. Среди сотрудников журнала „Сервет—и Фюнун“ были еще талантливые поэты и прозаики (напр., Сюлейман Назиф, последователь Кемаля, или младший брат его, поэт Фаик Али, подражавший Абд-ул-Хакку Хамиду и, отчасти

*) История бесплодно прожитой жизни журналиста (Ахмеда Джемиля),—крушение блестящих надежд, которые расцвели под алмазным дождем голубой ночи и хоронятся под дождем черного жемчуга.

Дженабу Шехаб-эд-дину); однако громадное большинство слепо шло за потоком, возглавляемым Т. Фикретом и Халид Зией; они были ничтожны и безличны; прозаики представляли сколок с П. Бурже; это были новички безграмотные, и лишь у Хюсейна Джахида, после восстановления конституции 1908 году изменившего литературе художественной (он издавал долго—до 1925 года газету «Танин»),—сквозила оригинальность. Литературная эпоха Шинаси и Кемаля больше отражала жизненные интересы и, несмотря на то, что и Т. Фикрет, и Халид-Зия превосходили их талантливостью, сыграла большую роль в развитии общества.

Между тем, поколение Т. Фикрета и Х-Зии, томившееся под гнетом абдулхамидовской цензуры, должно было равнодушно взирать на страдания народа и описывать исключительно личные переживания и настроения. Естественно, вся литература носила пессимистический отпечаток. Отрезанные давно от народа, представители современной литературы также утратили чуткость, они закрыли глаза и слепо равнодушны к тому, что творится вокруг них: „А воздух наполнен слезами сирот и их старых нянек, которые бродят по свежим могилам; деревни охвачены огнем, разорены мечами диких четников, герои—солдаты умирают, как сказочные «дивы»". И автор умоляет поэтов забыть личные чувства и прислушаться к стонам нации и влить в ее больную душу пылкую надежду и веру.

Гипноз школы „Сервети Фюнун" все еще господствует над современной литературой, которая хочет сбросить чары. Когда это случится, наступит эпоха литературы национальной или, как говорит Дженаб, „жизненной". Разница между ними та, что М. Фуад видит уже просвет, а для Дженаба современная литература—пустое место, шаг назад по сравнению с "Сервет и Фюнун", с титаном той эпохи,—Ушаки-Заде Халид-Зией. „Поэт,—патетически восклицает М. Фуад (затемняя красоты мусульманского искусства),—железное "куббэ", под которым в течение долгих лет томились наши сердца, рушилось; покинь же мраморные колонны; отделанные жемчугом и золотом, кожаные переплеты; разукрашенные рукописи, куда вложен бесконечный труд; шолковые ковры, с ограниченным рисунком; блестящий голубой фаянс,—покинь все это; оставь и ту шестиструнную лиру („шештар") принесенную девятьсот лет тому назад караванами с иранских равнин. Сломай все это! Как резвый ребенок, только-что раскрывший миру свои глаза, обойди взором горы своей родины, долины, луга там у старого очага найдешь ты золотой "саз", сохранившийся от дедовских времен. Но играя на нем, говори только то, что ты видишь и чувствуешь. Вот тогда под высоким голубым небесным сводом раздастся новый голос, божественная песнь, которую звезды не слышали уже годы. И на тот голос сбегутся с Алтайских гор, бесчисленные толпы!

И, чтобы ускорить зарю, М. Фуад нападает на вековые литературные предрасудки, мешающие росту: формальный (старый размер) и органический (подражательность). Размер для М. Фуада—вопрос кардинальный, он не устанно обращается к нему и доказывает гибельность его для османской литературы, ибо он разорвал понимание между образованным классом (двором и медресэ, питавшими новую культуру) и народом, он

исказил родной язык; в угоду арабскому размеру, поэты выискивали вычурные арабские слова, а слова османские подчиняли правилам арабского стихосложения, устанавливая долготу слоговую, которая в языке османском отсутствует. Поэт Вейси (ум. в 1628 г.) остроумно высмеял это в полустишии: "Виною порчи мира одни „аги" и „паши" (намек на то, что в словах „ага" и „паша" поэты удлиняли звуки „а"). Заслуга Т. Фикрета заключается в том, что он ясно увидал непригодность арабо-персидской метрики. Когда развенчивает старую метрику М. Фуад,—читатель понимает, что это говорит не зависть, не надутое высокомерием пииты, которому чужда, потому что незнакома, старая османская поэзия; нет, М. Фуад знает и ценит старых поэтов (Бакы, Недима, Шейха Галиба).

Подражательность была издавна свойственна османцам; схватить форму и дух так, чтобы неузнаваема была разница между оригиналом и пародией,—этим османская литература всегда была богата. Эти литературные фокусы („Назиреджилик") показывают и поэты современные. Но когда османцы переживают период бесшабашного увлечения французской литературой,—старое словесное паясничанье несет и зло, убивает самостоятельность творчества.

И резче всего страдает от этого драма. Переделки („адаптасион") заполняют театр и составляют до 90% драматических пьес. Страсть публики к пьесам „adaptéс" так велика, что писатели лепят иногда этот ярлык на произведения оригинальные—так поступила, напр., Сюад Дервиш, написавшая комедию „Япышкан" ("Банный лист"), чтобы только угодить низменным вкусам. Конечно, основоположники современной литературы, Шинаси и Кемаль, корнями вросли в старую литературу, которой драма была чужда, от того драмы их эпохи обнаруживают неопытность, и только А. Вефик-паша, с детства усвоивший композицию театральную, удачно переделал для османской сцены Мольера („Врач поневоле", „Невольный брак" и другие пьесы). Драмы Абу-з-Зин Тевфика, Сами-паша Заде Сезаи, Монастырлы Рифата, *) Али, Ахмеда Мидхада, Шемс-эд-дина Сами—безусловно выше современных драм. „Я, говорит М. Фуад, предпочитаю старомодные, наивно построенные пьесы—современным переделкам." Защитники переделок говорят, что у османцев слабо техника, поэтому переделки необходимы. Так, они поощряют лень, легкость эфемерного успеха на сцене. Виноваты и театры: „Дар-ульбедаи" (городское учреждение) и „Новый театр", которые увлекаясь сборами, плодят невежественные пьесы. Скороспелые драматурги берут легкие французские произведения Э. Брие Г. Кайяве, А. Биссон и др. (и надев на головы героев фески, думают, что выполнили все требования, дешевыми средствами хотят они угодить людям, пропитанным насквозь нездоровым левантинским духом. Слов нет, драматургия—сложна; но, если отсутствуют оригинальные произведения, лучше сначала познакомиться с переводным, классическим и современным репертуаром, и М. Фуад называет Софокла, Шекспира, Корнейля, Расина, Мольера, Шиллера, Ибсена, Анри Бека, Бьернсона. Суждения М.

*) Один из составителей большого драматического сборника в 2-х томах „Темаша"

Фуада глубоко справедливы; их разделяют все, кто любит литературу. Так, Рефик Нури, рецензируя пьесу „Теща“, совместно написанную Махмудом Эс‘адом и Халидом Фахри, отмечает ее легкость на сцене, заставляющую забывать, что это—переделка (пьесы А. Биссона „Les surprises“), но подчеркивает ту плохую сторону, что переделки удерживают от сочинения оригинальных произведений.

А публицист-националист Хашим Нахид, разбирая как-то в газете „Игдам“ свойства национального характера, находил, что народный театр „Карагез“, commedia dell'arte—„орта-ойну“ или анекдоты о шуте Насрэд-дине показывают и раскрывают устремление к комическому,—к смеху. Учитывая это османские писатели должны создавать комедии, а не драмы или трагедии, ибо у каждой нации—определенный уклон (у англичан в трагедию—Шекспир; у французов в комедию—Мольер; у немцев в драму—„Фауст“-Гете). Все, что пока написано османцами, ничтожно, все это носит подражательный характер: или это—перевод, или-переделка, и второй еще хуже и вреднее; под „феской“ и „чаршафами“ изображаются нравы и чувства, чуждые османцам.

М. Фуад тактично умалчивает об именах; там, в Турции, все ясно, но для того, чтобы эти положения были наглядны, я приведу содержание драматической сценки, „Преследование“ („Таакиб“) Решада Нури. Решад *Нури—популярнейший* прозаист (поставщик легкого учения), он написал большой роман „Королек“ „Чалы Кушу“,—историю душевной жизни девушки, сколок или подражание роману не то А. Додэ, не то Халида Зии („Запретная любовь“); как заметил Якуб Кадри, и роман этот—драматизованное произведение; так сразу у Решада Нури бросается уменье держать напряженно внимание читателя. Есть у него и сборники легких рассказов, веселых и игровых, якобы оригинальны, но то ли переведенных, то ли изображающих быт местных христиан, только не турок; и популярность их автора—показатель падения литературных вкусов или их низменности. Язык у Решада Нури—живой, легкий, действие—быстрое, скользит и захватывает неожиданностью положений; но, увы! все это—бесцветно, и должно бы фигурировать, как перевод, а не как оригинальное произведение.

Вот краткое содержание „Преследования“. Молодые супруги где-то на даче, только что позавтракали. Входит слуга и подает Сермеду письмо: приятель его Джемиль пишет, что он сплавил тещу из дому и ждет... Сермед вспоминает уговор, что, как только будет это возможно, Джемиль предоставит ему дом для рандеву. Он волнуется и спешит в город, хотя жена упорно его удерживает. Вторая сцена переносит в дом Джемиля. Легкомысленный Сермед и его метресса Муаззез весело болтают; Сермед рассказывает, как он обманул жену, которая послала арабку выследить его, куда он пойдет. Действительно, хитрость, употребленная Сермедом, выхвачена из кинематографической ленты. Вдруг (начинается третья сцена) раздается стук, и перебивает смех и шутки. У двери стоит арабка. Сермед волнуется, а Муаззез спускается вниз. Арабка молча передает письмо для бея. Сермед переживает тяжелые минуты: очевидно, жена-таки выследила,

и требует развода. Он просит Муаззез прочесть письмо: „Дорогой Джемильчик, читает она, при первом же нашем свидании я надеру тебе уши. Впредь будь осторожнее и пересылай письма только через арабку, а то сегодня твое письмо попало Сермеду, и кажется, хотя он у меня дураковат, однако он догадался и хочет поймать нас у тебя в доме. Поэтому, чтобы не возбуждать подозрений, нам придется с неделю не видатся.— Месрурэ“. Немая сцена!.

Трудно, конечно, думать, что жизнь в Турции за время войны так изменилась, чтобы муж и жена одновременно обманывали друг друга, а литература спокойно воспроизводила распущенность нравов. Очевидно, это—легкомысленная переделка изящного французского водевиля.

Но кризис театральный все продолжается. На столбцах периодической печати (в газете „Вакыт“) Ведад Урфи вновь поднимал больной вопрос и, вскрывая безграмотность и зло, наносимые переделками иностранных пьес, приветствовал намерение театра „Дар-уль-бедаи“, который хотел подобрать для сезона хороший переводный репертуар. Опираясь на примеры из настроений французов, чтущих и интересующихся литературой и музыкой врагов-немцев, автор предлагал создать специальную переводческую комиссию для оздоровления театра.

II.

Вторая часть книги открывается анализом романа Халиде Эдиб ханум (род. в 1883 году).—„Обещанное решение“. (воспитанницы американской школы, она хорошо знает английкий язык, переводит с него. Литература давно уже захватила ее: 15-летней девочкой подростком перевела она французский роман, и удостоилась награды от султана Абдул Хамида II. Горячий, искренний человек, Халиде Эдиб занимает крупное место как в литературе, так и общественной жизни страны вплоть и в националистические идеалы в утопическом романе «Новый Туран»,*) и, конечно, в списке новых произведеиий, указующих зорю национальной литературы, первые строки должны были быть отведены ей,—пантуркистке, поборнице женского образования, „матери отечества“, во время освободительной войны на фронте облегчавшей страдания героев соддат, а в мирную пору, неустанно возвышающей голос за реформу воспитания. О. Хахтман называет ее гиниальной писательницей;**) здесь—большая доза преувеличения; Халиде Эдиб не столько романист, сколько поэт, «самый значительный, говорит М. Фуад, и может быть, единственный, родившийся за последние десять лет», т. е. со времени июльской революции 1908 года. Она слагает песни—поэмы сильным женщинам. В ее романах изображены женщины, личная жизнь которых несчастна; судьба к ним немилостива, жизненные бури их ломают, они гибнут, но не сгибаются, забывая о себе во имя общественных или национальных идеалов. Внутренние душевные переживания их оторваны от реальной обстановки; они—космополитичны, и нет в

---

*) См. мою рецензию в „Востоке“, № 5, стр. 263—264.

**) O Hachtmann, Die türkishe Literatur des zwanztigsten jar houdert s. Leipzig. 1916, стр. 38.

них турецких черт. Как и в повести „Хандан", и здесь отрицательные портреты мужские (офицер—кутила; старый стамбульский чиновник) очерчены рельефно, и это происходит оттого, что ничтожество было обычно для забитого общества эпохи султана Абдул-Хамида II. Но психология женской души Халиде Эдиб (переживавшей тоже, очевидно, тяжелые драмы) удается. „Обещанное решение"—женский психологический роман, где события играют второстепенную роль, это—служебная рамка, плохо отделанная, не прилаженная к действующим лицам.

Центральная фигура романа „Обещанное решение"—Сара, женщина пылкая, унаследовавшая от матери болезненную нервность. Она замужем за пустым офицером, который прокучивает семейное состояние в Пере (европейской части Константинополя). В это время в Константинополь возвращается, закончивший в Париже образование, доктор Касим Шинаси. Народник, мечтающий о благе народа, он тратит капитал на устройство „диспансера", лечит в округе больных (и это дает автору повод впервые нарисовать в романе быт константинопольской бедноты). Муж Сары, ударившийся в разврат, заполучает нехорошую болезнь, от него заражается жена; благодаря уходу Касима Сервери поправляется, однако он снова начинает кутить, и организм, надломленный болезнью, не выдерживает, и он умирает. Напуганная смертью мужа, Сара, боясь, что сифилис скажется на ней расстройством умственных способностей,—берет с Касима клятву, что он не оставит ее одну. Касим, между тем, успел полюбить Сару, и они, естественно, женятся. Но они разно подходят к жизни: Касим—человек нетронутый, он любит впервые и отдает жене весь пыл чувства, а Сара, уже уставшая, чувствует, что ее привязывает к Касиму не столько любовь, сколько благодарность к „спасителю-доктору". Вскоре в доме супругов появляется брат покойного ее мужа, Кями; увлеченный таинственной прелестью Сары, он плачет перед ней от любви. Сара видит, что молодой красивый Кями ей, как-будто, нравится, и она резко отвертывается от него; и постепенно чувство ее к мужу крепнет и превращается в безграничную любовь; но теперь она уже боится, что Касим женился на ней из сострадания, что он только жалеет, но не любит ее, и эта мысль терзает ее. Разражается Балканская война. Касим, готовящийся к от'езду в Адрианополь, пишет завещание; жена в соседней комнате лежит в постели и все думает о муже; но почему-то, когда он, покончив дела, приходит к ней, она притворяется спящей, и у Касима рождается подозрение, что жена его не любит. И эта странная недоговоренность влечет за собой несчастия. Муж уезжает. А жена, чтобы стать достойной мужа, развертывает диспансер в больницу, куда с войны привозят раненых; там работает и доктор Кями, единственно из желания видеть божественную Сару, к которой он питает благоговейное братское чувство. Но старшая сестра Сары, возненавидевшая сестру за то, что она отняла у нее надежду на счастье,—Касима и Кями,—как злой демон раздувает недоразумение между супругами, и небольшая трещина разростается в пропасть. Мужу кажется, что жена забыла его ради Кями, а жена удивляется, почему он молчит на ее горячие письма. Но вот, Адриано-

поль взят обратно турецкими войсками, кончается вторая Балканская война. Касим летит в Стамбул, и, исполняя обещание (какое?), дает жене морфий, и она умирает.

Роман Халидэ Эдиб написан в 1919 году; с того момента она шагнула вперед. Там зарисованы у нее, главным образом, верхи общества,—образованные классы, кающиеся интеллигенты, совершающие хождение в народ; в сборниках рассказов: „Волк, поднявшийся в горы (1922 г.)*) или „Огненная рубашка“ (1923 г.) Халидэ Эдиб спускается на землю и раскрывает душу и сердце простого народа,—анатолийских турок, изведавших ужасы войн. Халидэ Эдиб—как-будто на пути к созданию художественного национального романа.

За редкими исключениями художественное творчество в Турции витает в заоблачных сферах. Литература оторвана от жизни, или жизнь может быть, так низменна и пошла, что человек хочет забыть о ней. Пантуркистка Халидэ Эдиб, автор «Нового Турана», мечтает о светлых днях родины; Мюфидэ Ферид, автор романа „Ай-Демир“, увлеченная пантуркистским идеалом, который один, по ее мнению, только и несет туркам спасение,—изобразила российского татарина Ай-Демира, героя-пропагандиста, будящего национальное чувство у угнетенных российских среднеазиатских турок. Общество встречает роман благосклонно, ибо, как замечает М. Фуад, Мюфидэ показывает, что „турки, живущие вне Турции,—наши братья, она расширяет горизонт действенной жалости нашего национального турецкого духа“.

И М. Фуад приветствует второй национальный роман, написанный женщиной. Ее роман так сказать история современных «Лейлы и Меджнуна» которые, осужденные на разлуку, жертвуют личным чувством во имя любви к туркам. Ай-Демир, националист, когда-то давал уроки Хазин, дочери паши—конституционалиста, сторонника младотурецкой партии. Потом они встречаются в Париже друзьями и опять расстаются: она возвращается в Константинополь, он уезжает к себе в Туркестан; но после восстановления в Турции конституции (в 1908 году), снова появляется в Константинополе. Здесь Ай-Демир узнает, что старая ученица его насильно выдана замуж за молодого офицера, получившего образование в Германии. Однажды, сидя в Сан-Стефано в саду, Хазин и Ай-Демир открывают друг другу душу. Ай Демир поверяет ей затаенные думы. Они видят, что любят друг друга, но закон их разделил, и Ай-Демир, подробным письмом из‘яснив, как он жил, как сделался националистом, и почему, наконец, он хочет быть от нее подальше,—навсегда покидает Турцию, даже не попрощавшись с Хазин.

Он едет в Туркестан, чтобы спасать несчастный народ, изнывающий от гнета царей и от фанатизма мулл. Жизнь Ай-Демира в Туркестане—сплошная цепь подвигов. Как Махди, возвещает он наступление новых дней, переходя из одной деревни в другую; добрый ангел, он помогает всем: безработному отыскивает какое-нибудь дело, безграмотного учит

*) Оттуда по-русски переведен неполно А. Д. Субнером рассказ „Эфэ“ („Звезда Востока“, 1924, № 1).

читать; бедным дает деньги; голодному—хлеб, тому, кто жаждет духовной пищи,—находит он книги, и обо всех он думает, всех он любит; всем говорит о близком освобождении. Молодой мулла из Ургенча, националист, наслышавшийся об Ай-Демире, отзывается о нем восторженно: „Если бы враг его был болен, он будет сидеть у изголовья его, пока тот не выздоровеет, он сам открывает двери тому, кто хочет его убить; впрочем, на дверях у него нет и замка; он делится куском хлеба со всеми, чтобы помогать бедным, он отказывает себе во всем и спит на холоду. Ему ведомы все тайны и знания". Постепенно в Туркестане пробуждается оживление общественно-национальное. В это время Ай-Демир получает из Константинополя письмо, что муж Хазин умер, и она—свободна. В нем происходит жестокая борьба, но, подавив в себе любовь, он решается продолжать начатый подвиг. Когда раз его спросили, где его родина и семья, он дает возвышенный ответ: „Моя родина—там, где живут турки, а моя возлюбленная или семья—все люди, у кого на душе скорбь". Ай-Демир развивает лихорадочную деятельность в Самарканде. Реформирует медресэ, открывает земельный банк, издает газету, организует рабочих; но тут у него об'является враг—ахун Омар, который ведет против него агитацию и старается всячески затормозить работу Ай-Демира. Больной, осужденный на смерть, Ай-Демир лежит в медресэ „Улуг-Мирза" (т.е. Мирза-Улу-бек), около него одни только его ученики ближайшие, верные его „апостолы". Из медресэ пишет он письмо Хазин: он зовет ее в Туркестан, к себе на помощь. Вспыхивает мировая война. Измученный народ хочет воспользоваться случаем и восстает против тирана, русского царя, врага султана, но Ай-Демир отговаривает от бесполезного шага, убежденный, что железная лапа царя раздавит народ. Однако, благодаря честолюбивым муллам (гл. обр., благодаря ахуну Омару) волнения все-таки выливаются наружу, но Ай-Демир силой своего влияния опять все успокаивает. Подстрекателя, ахуна Омара, ожидает наказание; и вот, невинная жена его, с пятью детишками, приходит к Ай-Демиру, „этому великому мужу", и просит спасти ахуна Омара. В голове Ай-Демира быстро созревает план—он берет на себя всю вину. На площади Ригистана устанавливаются виселицы, и беззаветный друг народа видит сперва, как преданные ученики его шествуют на смерть радостно, словно на праздник. Черед приходит и Ай-Демиру, он умирает, восклицая: „Да здравствуют турки!".

Через некоторое время из Константинополя приезжает Хазин и на могиле учителя клянется, что любовью к нему будет озарена та борьба за освобождение народа, которой она отдаст все силы.

Жена—друг политического младотурецкого деятеля (Ферида), Мюфидэ Ферид все внимание устремила на Ай-Демира на мужчину; в ней нет той, быть может, разочарованности, какая проглядывала иногда, как-будто, у Халидэ-Эдиб: герой романа «Новый Туран» Огуз (пантуркист)—тень какая-то, отвлеченная мысль: на жизненном пути Халидэ Эдиб встречались жалкие эгоисты. В романе «Ай-Демир» удачно изображен быт туркменских племен, туркестанская обстановка—видно, Мюфидэ использовала пребывание в Константинополе российских мусульман, толпами стремив-

шихся в Турцию для образования. Но все-же чувствуется не столько писатель-художник, сколько поэт-мечтатель; это—политический роман, или утопия.

Двумя романами женщин-пантуркисток Халидэ-Эдиб и Мюфидэ-Ферид и ограничивается обзор современной прозы. Стихотворству—росту слогового стиха М. Фуад—Савл, превратившийся в Павла, придает огромное значение, и естественно, разбору подвергнуты у него, главным образом, стихи (поэзия), потому что здесь-то и намечается тот благоприятный перелом, который должен взрастить национальный дух литературы. Впрочем, современная поэзия—бледна и худосочна; османские поэты живут как-бы вне времени и пространства, они—эстеты.

Единственным поэтом, откликнувшимся на сильные потрясения отечества, исполнившим, так сказать, национальный долг, был Сюлейма̀н Назиф, человек вчерашнего поколения. По происхождению полу-араб, сын поэта и историка, Диарбекрского Саида-паши, внук поэта (Ибрагима Джехди), Сюлейман Назиф всосал литературные традиции и хорошо понимает восточную культуру; поклонник старой поэзии, но почитатель и Намыка Кемаля; великолепный стилист,—он и между поэтами, и между прозаиками—заметная величина. Как литературный критик, он вносит арабскую страстность: прямой и резкий, он безоговорочно превозносит то, что ему нравится (поэта Абдул-Хакка Хамида, творчеству которого посвятил монографию, или „великого учителя" своего, прозаика классика, Дженаба Шехаб-эддина—турецкого Вольтера) и осуждает то, что ему противно (его давнишние нападения на пуристов языка, уже в газете „Тасвир--и Эфкяр"—в реформе языка ему чудилась угроза будущности османского народа—шестисотлетней его культуре). Его готовы были упрекать во фразерстве, но и восточный критик (Абдулла Джевдет) и немецкий ориенталист (М. Хартманн)*)—ошибались. За внешним увлечением формой скрывается у Сюлеймана Назифа горячее чувство—чувство патриота—романтика**). Он живет глубокой внутренней жизнью и жизнь эта—благородна и изящна. Уже во время Балканской войны из раненого его сердца вырывается обращение к Анатолии; в полудремоте закрывает он глаза и представляется ему, что Анатолия, истощенная, измученная, потеряла, наконец, терпение и требует отчета у надменной, развратной столицы. И эти строки показывают, что Сюлейман Назиф не только поэт, но и дальновидный политик.

Крохотный сборник, озаглавленный „Вдали от Ирака" („Фирак-и Ирак") льет бальзам на больные сердца османцев.—здесь Сюлейман Назиф напечатал разбросанные в различных периодических изданиях стихотворения за время мировой войны. Сборник посвящен матери ее «более несчастным сыном», «ибо он—сирота, и нет у него родины, нет у него истории». Он воспевает родную ему раскаленную почву Месопотамии, он стонет о землях, обагренных кровью турецких „шехидов". „О земли, страны, которые мы вот уже сто лет непрерывно теряем"! Если вы нас

*) См. M. Hartmann—стр. 42-47.
**) См. „Восток", книга 4, стр. 208.

прощаете, не очиститься все-же нам от позора перед Аллахом и историей!"—восклицает поэт. В то время, когда города турецкие стонут в руках врагов веры,—равнодушие соотечественников и падение, глубину которых предки не могли-бы и вообразить,—его поражают. Но его трогают, конечно, и несчастья, обрушившиеся и на Кавказском фронте: скорбь о падении Эрзерума он искусно и красиво передает обращением, своего рода сожалительным письмом от имени поэта Фузули Багдадского к сатирику Неф'и, уроженцу Эрзерума. Они встречаются все там, на том свете. Личные обиды, скорби—забыты, и Неф'и казненный Мурадом IV, великодушно прощает своему врагу, ибо велики заслуги султана перед родиной—он завоевал Багдад.

Перед чувствами Сюлеймана Назифа смиряется и суровый критик М. Фуад. Строгий, когда речь заходит об языке,—он прощает Сюлейману Назифу вычурность оборотов,—устарелость языка, а, главное, его преклонение перед арабской метрикой, ибо видит, как учащенно билось сердце поэта во время войны.

Среди позорного молчания голос старого поэта прозвучал отрезвляюще. И все, в ком жива была любовь к отечеству, оценили сборничек. Похвалил Сюлеймана Назифа и литературный критик Кемаль эд-дин Ками, находивший, что среди литературного кризиса, порожденного утомлением от мировой войны, только два произведения отразили великую борьбу—Сюлейман Назиф («Вдали от Ирака» и Фелик Рифки)*), писавший о страданиях солдат в пустынях сирийско-египетских («Огонь и солнце»)

Профессор Яхья Кемаль, анализируя на публичных лекциях в Ангоре понятие об „отечественной литературе“ указал, что в эпоху Намык-Кемаля литература носила военно-политический характер; он подчеркнул значение освободительной войны в Анатолии, пробудившей в молодежи чувство любви к родине. Но эта любовь, пока сокрыта и не получила художественного выражения. О прелести народного духа говорит только народная турецкая поэзия.

Размер, это—магическое слово для М. Фуада, и обольщенный тем, что Юсуф Зия (уже зарекомендовавший себя хорошим знанием стихотворной техники) написал драму „Бинназ“ слоговым стихом—первый опыт слогового стиха в драматическом произведении,—он регистрирует эту квази—историческую стряпню (из эпохи султана Ахмеда III). Очевидно, драма Юсуфа Зии близка ему потому, что отчасти подрывает те французские пьесы и переделки, от которых тошнит М. Фуада.

В течение столетий царила арабская метрика, и, конечно, не может и не хочет она так скоро сойти со сцены. Образованные поэты,—представители старого и старшего поколения (Абдул-Хакк Хамид, Али Экрем) отдают должное и стиху, основанному на чередовании долгих и кратких гласных, и слоговому стиху. Характерно мнение старика Хамида: арабо-персидские размеры под пером османцев подверглись коренной обработке, и было бы странно отказываться от них и уступать персам. В литерату-

*) Талантливый и остроумный публицист—националист, отстаивающий республиканские лозунги.

ре османской легко могут ужиться обе системы: арабская и турецкая. Он лично предпочитает арабские размеры. Однако, к драматическим произведениям больше подходит стих слоговой, ибо он приближается к прозе,—к разговорной речи.

Среди поэтов нового поколения, черпающих вдохновение из французских книжек в желтой обложке, М. Фуад выделяет Орхана Сейфи. Поэт любви, О. Сейфи, недавно убедившись на опыте, перешел от арабского стихосложения на слоговое, и М. Фуад надеется, что он сумеет создать, если не грандиозное что-нибудь, то, во всяком случае, и не банальное. В сборнике „Буря и снег“ собраны давнишние стихотворения, написанные в период между 1910--1913 г. г.—стихотворения, на которых чувствуется веяние Тевфика Фикрета и Абдул-Хакка-Хамида. Общий тон стихотворений—грустно-мечтательный. Красиво стихотворение „Буря и снег“, изображающее тоску зимы по весне.

Тематически оно напоминает старые стихотворения о борьбе времен года, но композиция его—свежа, а искренность и непосредственность чувства—эти лучшие черты поэта—подкупают читателя. Под завывание бури, нарушающей уют комнатки, слышится стук. Поэт открывает дверь, и его охватывает дрожь, перед ним стоит старый-престарый дервиш, на плечи которого ниспадают седые кудри, в руках у него ледяной посох, а под мышкой—„ней“ (флейта); то идет из неведомых стран Зима, которая ищет возлюбленную—Весну. Но Весна давно уже ушла, и старик печальный, выбившийся из сил, опускается, чтобы удовлетворить недоумение поэта, Зима поет сказку любви. Везде,—у птиц, у цветов, у звезд, у крестьянок спрашивала Зима о возлюбленной. „Я обошла все места, обыскала все, превратилась в бурю, и только напрасно утомилась; я увидела только одно, я нашла только одно, и только одно чувствую я неизменно: тоска, тоска, тоска! Когда утром поэт просыпается,—дервиш скрылся: на решетках окна—обломки ледяного посоха, а у открытой двери лежат седые волосы. Прелестное стихотворение Орхана Сейфи нашло доступ уже и в школьные хрестоматии.

Литературный первенец Шюкуфэ Нихаль „Звезды и тени“ заключает стихотворения за 1913—1918 г. г.; теперь поэтесса отказывается от арабской поэзии, сковывающей полет мысли. Мертвящее бессилие формы лежит на сборнике; впрочем, характерно это не для одной Шюкуфэ Нихаль; эта черта усматривается и у старых поэтесс, от Фитнет, Лейлы и до Нигяр. Искренность чувства служит М. Фуаду порукой, что из Шюкуфэ Нихаль образуется поэтесса, которая пойдет путем национальным. Чем заслужила одобрение Шюкуфэ Нихаль,—плохо видно; характерно, что все это, собственно, поэты старые, публикующие старые стихотворения, написанные старыми размерами (и Шюкуфэ Нихаль и Орхан Сейфи); им уже за тридцать лет, когда человек определился, но, очевидно, кругом пусто, и надеется М. Фуад не на тех, сокрытых в тайниках жизни, кто должен придти на смену, а на тех, кто уже действует и сумеет высвободиться из-под тлетворного господства старых арабских традиций. Печально глядит на современное поколение М. Фуад.

В цикл избранных поэтов включает М. Фуад и сатирика Халиля Нехада. Сатирическое направление зашло от арабов и персов, но и в османской литературе есть высокие представители этого рода поэзии. Во главе стоит, конечно, Неф'и (XVII века), автор „Стрел судьбы" („Сихами Каза"), удавленный всесильным пашей султана Мурада IV, Байрамом. Сравнительно, все-таки, османцы бедны сатириками. На протяжении веков только изредка попадаются отдельные произведения, отмеченные насмешкой над современной неурядицей (Харчнамэ-Шейхи), сочинение, описывающее в художественных образах зло, испытанное им от врагов; полигистор Али-Челеби, изобразивший беспорядки при раздаче „улуфов" (военного жалованья натурой).

XVII век оставил и знаменитую касыду Вейси „Увещание, обращенное к Стамбулу", которую поэт так начинает:

Жизнь бедняков-ученых протекает в униженьи,
Будь взяточник, хоть и невежда—ты найдешь себе почет.
Коль рыба тухнет с головы, то знаем, кто глава всех зол.
Кто смеет ныне делать ссылку: „Так гласит, мол, книга Божья".*)

В эпоху „танзимата" сатира прозябала (впрочем, Зия-паша, автор Зафер-Намэ и, отчасти, Али-паша). Режимом султана Абдул-Хамида II, ревниво оберегавшего незыблемость устоев, насмешка была изгнана, и только поэту Эшрефу удавалось кое-как продолжать старые традиции. Со времени конституции, один за другим, рождаются сатирические журналы: Часть большая быстро заглохла, часть (напр., Карагез) благополучно существует и поныне. Юмористико-сатирическими тонами проникнуто творчество и отдельных писателей, первостепенных: Фазыл-Ахмед, опальный Рефик-Халид (жало которого долго направлено было и на политических противников—младотурецкий комитет).

Сюда же относится и Халил-Нехад, автор „Стрел вдохновения" („Сихам и Ильхам"), 1921 г. Редкий знаток османской литературы, старой и новой (издатель прекрасного „дивана" Недима), Халил-Нехад значительную часть сборника (обширного) заполнил пародиями на стихотворения Фузули, Бакы (Наили, Неф'и, Недима и др.) вплоть до Тавфика Фикрета, выдерживая строго размер и письмо оригинала. Его перо колет благородно, и не ядовитой слюной, а тонкой изящной насмешкой над общественными пороками веет от сборника. У него встречаются и выпады глухие на ничтожные злобы дня, и конечно, все это скоро забудется, и канет в лету сборник Халил-Нехада. Одно стихотворение („Туран") говорит о любви к родине, но критик (Абдул Хакк-Шинаси, друг Тевфика Фикрета) находил, что образы могли-бы быть ярче и глубже. Отголоском недавних переживаний, когда в Турции, обессиленной войной царил голод, служит стихотворение „Хлеб по карточке" („Весика экмей")—пародия на „Землю" Тевфика Фикрета, „Какая-то липкая, черная, пречерная масса, мы в народе называем это „продуктом пропитания" и, подавая старику ребенка, всем, всем, говорим: „Кушайте на здоровье, поправляйтесь!"

*) В. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы (Всеобщая история литературы—Корша-Кирпичникова, т. IV, стр. 502)

Оставьте метафоры поэтам и назовите это просто землей. Это все, что дает нам комиссия по продовольствию, именно—отрава, темная, безусловная. Да, хлеб, питая нас день и ночь, ты уморил нас; скажи, ты ли это та пища, которую я знаю. Ты, мазь, сделанная из грязи, это не черный хлеб, наша пища, а яд. Ловко, ловко, продовольственная комиссия! „Юмор, усмешечка—природная стихия Халиль-Нехада. Ему принадлежит и перевод „Тартарэна“ А. Додэ.

Убога современная поэзия, хорошо это знает и М. Фуад, и невольно озирается он назад, на вчерашнее поколение—на Нестора османской поэзии, Абдул-Хакка Хамида *).

Имя Хамида окружено в Турции почетом. Когда поэт, вернувшийся во время освободительной войны в Константинополь из Вены, испытывал сильную нужду,—группа ученых и литераторов адресовала Великому Турецкому Национальному Собранию ходатайство о назначении пенсии „восточному гению“, которому отечество должно было бы давно воздвигнуть памятник. Между двумя крупными писателями, Сюлейманом Назифом и Дженабом Шехаб Эддином, возгорелся литературный спор, и третейские судьи (Фалих Рифки и Якуб Кадри) нашли, что безапелляционное решение может вынести один только Абдул-Хакк Хамид. Старый Хамид высоко стоит и в глазах молодежи.

Корифеи современной османской литературы—детища Хамида. Как остроумно говорили на юбилее 75-ти летие поэта, Дженаб Шехаб-эд-дин—законный сын его, от законной жены, Т. Фикрет рожден от одалиски-черкешенки, а Халид Зия—от любовницы-француженки. Здесь переданы доминирующие черты творчества их.

Пользуясь окончательным (вторым) изданием элегической поэмы „Макбер“ („Могила“) М. Фуад отмечает эволюцию литературных вкусов в Турции. Когда лет пятьдесят тому назад Хамид впервые выступил, старая османская поэзия представляла жалкое здание, готовое развалиться. Происходя из высообразованной семьи, Хамид рано полюбил поэзию. Ребенком, в Тегеране, где отец его был посланником, перечитал он персидских поэтов Низами, Саади, Хафиза; из османских поэтов очарован он был шейхом Галибом; у него одного усмотрел он проблески искреннего чувства. Во время долголетней дипломатической службы за-границей (в Европе и в Индии) он поддался воздействию европейской культуры, и чарам природы Индии, и это отразилось на его творчество.

В его произведениях высоко-интеллектуальных, ощущается благородная теплота жизни, это—певец любви к человеку и к природе, а мысли его нередко облекались в европейские размеры и даже в народный слоговой стих (Сборник „Сахра“). На два десятка лет упредил он поэта—пантуркиста Мехмеда Эмина, реформировавшего (очистившего) и лексику поэтическую.

Как вспоминают старые современники Абдул-Хакк Хамида, „Макбер“ произвела в обществе фурор. Было это в 1885 году, вскоре после Филип-

*) См. о нем M. Hartmann, Unpolitische Briefe aus der Türkei· Leipzig. 1910 (по, указателю) его же Dichter der neuen Türkei, стр. 17—25, P. Horn. Geschichte der türkschen Moderne, Leipzig 1902, стр. 34—37. E. Gibb, A. History of Ottoman Poetry. London 1900, vol I, стр. 133 (сборник „Сахра“ 1879 „epoch making“).

попольского переворота, но и это, конечно, показательно для аполитичности османцев,—разговор шел не об ущербе, нанесенном государству болгарами, а о литературной новинке. „Макбер“ расколола общество на-двое: большинство (во главе с Намиком Кемалем) восхищалось новым произведением, а часть (Муаллим Наджи, Саид-бей) встретила его насмешливо; они набросились на „Макбер“—остроумно замечает М. Фуад, - как гиены“.

„Макбер“—длительный стон, глубокая мучительная скорбь, разрешающаяся (путем мистико-суфийских размышлений) спокойной верой в вечность бытия, и это вносит успокоение в душу поэта, потерявшего жену (первую) Фатиму, вдохновительницу творчества его. Турчанка, уроженка Константинополя, она скончалась на чужбине, в Бейруте, на обратном пути из Индии. В „Макбер“ изображена семейная идиллия, обрывающаяся смертью. Написанное так просто, что захватывает всякого человека, когда-либо испытавшего горе.

И это человечность, подчеркнутая автором в предисловии, дает поэме длительность на земле. Есть в ней может быть, композиционные ошибки, беспорядочная планировка, но все это искупается жизненной искренностью, вложенной в элегию. И люди, высоко образованные, и непосредственные души,—все перечитали „Макбер“, все по-своему выразили поэту восторг. Поклонник поэта из Бейрута известил недавно Хамида, что он поправил могилу Фатимы, а поэт Фаик-Али написал ему в Вену письмо, где говорил: „Ты сгорел от тоски по звезде Венере-Зюхрэ—(эпитет Фатимы, дочери Мохаммеда). Твое тело, как и дух, продолжал он, не будет знать старости, никаких болезней. «И он прав: Абдул-Хакку Хамиду уже за семьдесят лет, но он бодр духом; он написал ряд поэтических произведений, напечатал в газете «Вакыт» воспоминания; космополит, как большинство османцев, теперь он сильнее, чем прежде, почувствовал, как близка ему родина, как близки ему турки. В „Духах“ („Рухлар“) он говорит: „Виной нравственного падения турок вовсе не то, что они турки; если они и страдают недугом, по-моему, их болезнь, это—невежество или недостаток знания. А поклонник Хамида апостол секты поклонников Хамида,—как заметил Джеляль Нури, Сюлейман Назиф упорно защищает тезис о национальности поэта; народность искони была заложена в поэзию Хамида. Да, Хамид—художник, он творил ради искусства; но он помнил и о родине, и во время русско-турецкой войны 1877—78 г. г. призывал к защите ее: „Подходит враг,—предупреждал он,—и цель его—сокрушить мощь нашего отечества!“.

III.

А «тени прошлого», бросающие из третьей части книги М. Фуада рельефные силуэты на фоне безвременья, красноречиво говорят о тяжести утрат, которые османская поэзия понесла за последние десять лет,—Тевфик Фикрет, Реджаи-заде Экрем, Нигяр*).

*) Там помещены еще некрологи: старого журналиста, поклонника эпохи Шинаси-Кемаля, типографа-издателя. Абу-з-Зии Тевфика бея (умер в 1913 г.) и стилиста Али-Нусрета (умер тоже в 1913 г.). О Тевфик-бее см. В. Смирнов, очерк стр. 541, 544—550 (содержание пьесы „Роковая смерть“. (произведшей в свое время сильное впечатление на Хамида), Вл. Гордлевский, стр. 37—46.

Ученик Абдул-Хакка Хамида и Режаи-задэ Экрема, Тевфик Фикрет сберег лучшие традиции османской поэзии; в редакции журнала „Сервет и Фюнун“ узнал он современную французскую поэзию, и все это он претворил в себе, и цельный законченный образ дала его муза *). Автор «Разбитой лютни» («Рубаб и шикестэ»), введший в османкую поэзию и новые сюжеты, и новые размеры, все неслыханные,—Т. Фикрет чутко откликался и на все то, что волновало общество османское. В «Древней истории» изобразил он жизнь человеческую - «долину несчастий», полную потоков крови. Он видел, как от родины его одна за другой, отделялись провинции,—Триполи (Африканское), Балканы, Египет, как во время мировой войны с севера наступали русские войска, с востока англичане, и глубокая неизбывная скорбь охватила его, и преждевременно свела в могилу.

Зия Гёк Алп, пантуркист, отзывался сдержанно о Т. Фикрете и осуждал тяготение к иностранным словам и отсутствие национальных тем. „Будем чтить память его,—говорил Зия Гёк Алп,—но не подражать ему!“.

По поводу годовщины смерти Т. Фикрета (19-го августа 1915 года), превратившейся в день национального траура, М. Фуад напоминает о Т. Фикрете, не столько, как о великом поэте, врожденное чутье которого подсказало ему, что нужно для османской поэзии, сколько об образце безупречной чистоты. В момент нравственного разложения, когда товарищи Т. Фикрета не только молчали при виде безобразий, совершавшихся кругом, но даже «отдавались служению безумной войне, которая расточала кровь и достояние народа, и не останавливались перед жалким обманом, чтобы убедить народ в мнимых победах лживых вождей»,—Тевфик Фикрет следовал исключительно внутреннему голосу. Тевфик Фикрет в Турции был народной совестью. И понятно, что благоговением окутала его молодежь, хранящая нерушимо завет поэта-гражданина.

В годы национального унижения газета „Тефхиди Эфкяр“ устами Хайри Мухи-Эддине заявила, что в Константинополе с его 700 минаретов свобода исходит только из могилы Т. Фикрета; свободой дышит только поэзия. Мы, османцы, гордимся им не только как поэтом, но и как идеалом турка, глубоким патриотом. Он метал гром и молнии на невежество, на тупость; он лил раскаленное пламя на сердца людей, и у него научились османцы любить свободу. И ежегодно, как только ослабли строгости, введенные оккупационными войсками, собираются 19-го августа почитатели Тевфика Фикрета на могиле поэта в Эйюбе и в доме его в Бебеке, где любящая рука устроила уголок его имени.

„Маэстро“ („устад“) Реджаи-заде Экрему (1847—1914) М. Фуад посвятил красиво написанный этюд, где не столько характеризует меланхолическую музу Экрема, поэта-минидитюриста, сколько его „облик человеческий, благородство и воспитанность этого старца **).

И когда я читал строки, на которых запечатлелась горечь об утрате старого друга,—передо мною также воскресла фигура Экрема, вспомни-

*) См. о нем: P. Horn, стр. 59—61, Вл. Гордлевский, стр. 119—122.

**) P. Horn, стр. 37—38, M. Hartmann, стр. 52—54, Вл. Гордлевский стр. 54—57.

лась медленная походка, тихая печаль, застывшая на его лице. Впрочем, грусть сродни была Экрему, она—сродни натуре Константинопольского османца. Уже в ранних стихотворениях, глядя на чарующий серебристый свет на водах Босфора, Экрем проливает тихие слезы, радость-ли то бытия, или предвидение преходимости счастья?. Знакомство с Западом почерпнутое им от Намыка Кемаля и его единомышленников, расширило горизонт Экрема, но опять-таки для перевода отбирал он только то, что близко было его мечтательной, сантиментальной душе. И когда жизнь положила на него тяжелую лапу и отняла у него опору старости,—„отпрыск Экрема", он совершенно ушел внутрь, и инстинктивное предрасположение к печали нашло бесконечную живую пищу: „элегические тона поэзии сконцентрировались выпукло в „Нижади Экрема",—сборничке, переполненном тоски по рано умершем сыне.

Но Экрем понимал и новые веяния, он был чуток к новым литературным течениям. Преподаватель теории словесности, он определенно отверг старые ложно-классические традиции, господствовавшие в османской поэзии, и примеры брал из современных поэтов—поэтов европейской школы—Зии-паши, Абдул-Хакка Хамида, который чувствовал себя обязанным Экрему, Намыка Кемаля и даже М. Наджи, впоследствии литературного своего противника, больше смотревшего на Восток, чем на Запад. Когда Ахмед Ихсан задумал создать из еженедельного иллюстрированного журнала „Сервети-Фюнун" литературный орган,—редактирование было поручено сперва Экрему, но он указал на своего ученика Тевфика Фикрета, которому суждено было начать новую эру в османской поэзии.

Наконец, третья большая утрата, постигшая османскую поэзию; это Нигяр-ханум (1871—1918) *).

Число поэтесс у османцев невелико. Михри, Зейнеб, Лейла, Фитнет, Шереф—вот имена, достойные упоминания; но укрытые за «кафесами» (решетками) в гаремах, оторванные от реальной жизни, они не только со стороны стиля, но и со стороны содержания—рабские подражательницы застывших форм османской поэзии; они бесжизненны, ибо подлинные чувства у них завуалированы. Единственное, быть-может, исключение составляет Михри (умер около 1514 г.), которая в обстановке, пышной и литературной, османских царевичей в Амасии,—пела о любви к христианину-ренегату Искендеру.

Эпоха «танзимата» внесла незначительные изменения; все так же женщина была вдали от жизни, все так же излишне было для нее образование.

Уже конец XIX века увидел поэтессу—Нигяр-бинт-Осман, поэзия которой впервые раскрыла женскую душу. Дочь венгерского ренегата,

---

*) P. Horn, стр. 63—65. В еженедельном журнале „Звезда" (1892, № 5, стр. 141), за подписью В. С. Д. (В. Д. Смирнов?) помещена была заметка о „Нигяр-ханым" (с портретом), где, между прочим, отмечены были ее переводы (по немецким переводам) из русских писателей—Пушкина, Лермонтова, Жуковского и Крылова; неудачная формулировка мысли в газете „Переводчик" (1892, № 6) ввела меня в заблуждение (см. („Восток", № 5, стр. 209).

**) Но не героя Плевны, Османа-паши, как ошибочно сказано у меня в „Очерках", стр. 117, примечание.

Османа-паши **), преподавателя Военной Школы, женатого на образованной девушке, Фатима Нигяр получила тщательное воспитание. Семи лет отдана была она во французский пансион (в Кады-кёе). Она знала языки: французский, немецкий и ново-греческий: читала и османскую поэзию (Фузули, Недима, Галиба, Намыка Кемаля), а из западно-европейских поэтов—Ламартина, Мюссэ, Гюго и Гейне). От отца—музыканта унаследовала она склонность к музыке (до Вагнера) и, между прочим, любила Чайковского. Увлекаясь полу-искусственными песнями европейского происхождения— «канто», она отшлифовала их, а отец потом перекладывал их на ноты. И раз'езжая на каике по Сладким водам, она слышала часто, как воздух оглашался звуками сочиненных ею песен. На ее творчестве заметна зависимость от Хамида и Экрема; впоследствии она вошла в литературный кружок «Сервети Фюнун» и поддалась обаянию поэзии Дженаба Шехаб-эддина, Тевфика Фикрета (сборник «Эхо»—«Акс-и сада»). У нее было тяготение к обществу литературно-образованному, стены ее дома были увешаны портретами знаменитостей, западных, лично ей знакомых (Кармен—Сильва, Пьер Лоти, П. Бурже, Сюлли Прюдом), и восточных.

Противоречие между внутренними стремлениями и общественными условиями турецкой жизни наложила печать грусти на склад ее поэзии. И даже, когда Нигяр переживает минуты счастья, она уже думает о разлуке, которая ее подстерегает завтра. Так, отравленная, утратившая непосредственность, она среди красот природы не может забыться от горя Ее дух томится, и она жаждет смерти. Конкретность ее скорби—ее человечность придает прелесть ее стихотворениям. С годами Нигяр тоскует по-прежнему; но она успела полюбить жизнь, источник страдания или: полюбила страдания, которые дает ей жизнь, и смерть ей страшна. Поэзия была врожденная стихия Нигяр, это—дар ее матери, которая любила народные песни, а во время болезни постоянно читала стихи. Девочкой 12 лет написала она на смерть брата элегию, и грусть—основной мотив ее поэзии. Очарованная небом, морем, солнцем, лунным светом Босфора, она здесь находила стимул для вдохновения, но не природу, а человека — его переживания, печальные переживания женской души поет Нигяр. Тихо писала она для себя, но однажды отец показал ее стихотворения приятелям—сборник был, собственно, готов, нужно было тольки озаглавить его, так явилась первая часть «Эфсус» («Вздохи»). Нигяр было только 18 лет, и так редко было участие женщины в литературной жизни, что сначала и верить никто не хотел, что Нигяр не псевдоним мужчины, а подлинное имя молоденькой девушки.

В неудовлетворенности,—в скорбных тонах ее музы большую роль сыграли (М. Фуад почему-то об этом умалчивает) семейные несчастья; она рано, и неудачно, вышла замуж и, скоро разведясь, вернулась в дом родителей, посвятив себя воспитанию детей. Надломленная жизнь, Нигяр—женщина, мать—охвачена страхом одиночества, и он нашептывает ее поэзии. В одном из своих стихотворений Нигяр говорит: «Когда я умру, пусть друзья мои, знающие о скорби, которая меня угнетала, скажут: «Да, незавидна была доля бедной Нигяр, ни на один миг не испытала она сладо-

дости бытия, и успокоила эту несчастную черная земля». Но у нее были и высокие планы, она думала о создании «Союза женщин Востока и Запада».

На оскудение османской литературы жалуются все. Раиф Неджет, автор литературно-критических очерков, «Литературная жизнь», застой, охвативший и литературу, об'ясняется ужасами мировой войны. Но есть и внутренние длительные причины: это—национальная лень, порождающая необразованность. Все говорят о божественном вдохновении, но оно, справедливо замечает М. Фуад, не может дать навыков, заменить школу, литературные традиции, которые вырабатываются только ученьем. Сумеет ли османская литература выбраться из кризиса? Сумеет ли она, усвоив западно-европейские литературные формы, вычертить национальный узор, который один может сообщить ей мировую ценность? Иначе будет она похожа на стертую монету романского чекана. Конечно, прогресс литературы зависит от кардинальной общей проблемы, насколько разовьется на европейской технике, заимствование которой безусловно необходимо,— национальная турецкая цивилизация.

Проф. В. П. Смирнов-Логинов.

II. Почвы Юго-Восточной части Нагорного Карабаха.

Материалы по изучению физико-химических особенностей почво-грунтов Азербайджана.

Почвенные исследования, организованные Обществом Обследования и Изучения Азербайджана летом 1924 года, коснулись совершенно не изученного в этом отношении района Нагорного Карабаха, захватив при этом лишь часть его, лежащую к востоку от линии Степанакерт-*Шуша*.

Район этот, примыкая на севере к т. н. Карабахской степи, представляет собою типичную горную страну с целым рядом постепенно повышающихся к югу хребтов, тянущихся с северо-запада на юго-восток и отходящих от горных узлов Большого и Малого Кирса (2724 м. и 2224 м.) и горы Богурхана (1614 метров). Таковы хребет Гюллюдаг и Мавас-Хирханские высоты, начинающиеся от г. Богурхан, а параллельно последним к югу от них проходят Чинахчи-Тагавертский, Думинский и Кирс-Зиаратский (Тизапайдский) хребты.

В связи с постепенным поднятием местности стоит определенное изменение климатических условий района, сказывающееся в повышении количества годовых осадков и уменьшении средней годовой температуры, что видно, например, из сравнения метеорологических данных по Агдаму и Шуше.

	Т. лета	Т. зимы	Сред. годов	Осадки
Агдам (на высоте 350 метров над ур. м.) .	21,6	4,7	13,2	483 мм.
Шуша (на высоте 1403 метра над ур. м) .	15,8	0,7	8,3	652 „

Для г. Степанакерта, лежащего на высоте 900 метров, среднее годовое количество осадков составляет около 600 мм.

На основании многочисленных метеорологических наблюдений, произведенных в различных горных областях, в настоящее время считается, что понижение температуры на каждые 100 метров выражается, в среднем, цифрой 0,58°С и в странах с холодными зимами варьирует, в зависимости от времени года, от 0,45° до 0,70°С, являясь наименьшим зимою и наибольшим летом.

Проф. В. П. Смирнов-Логинов.

II. Почвы Юго-Восточной части Нагорного Карабаха.

Материалы по изучению физико-химических особенностей почво-грунтов Азербайджана.

Почвенные исследования, организованные Обществом Обследования и Изучения Азербайджана летом 1924 года, коснулись совершенно не изученного в этом отношении района Нагорного Карабаха, захватив при *этом лишь* часть его, лежащую к востоку от линии Степанакерт-Шуша.

Район этот, примыкая на севере к т. н. Карабахской степи, представляет собою типичную горную страну с целым рядом постепенно повышающихся к югу хребтов, тянущихся с северо-запада на юго-восток и отходящих от горных узлов Большого и Малого Кирса (2724 м. и 2224 м.) и горы Богурхана (1614 метров). Таковы хребет Гюллюдаг и Мавас-Хирханские высоты, начинающиеся от г. Богурхан, а параллельно последним к югу от них проходят Чинахчи-Тагавертский, Думинский и Кирс-Зиаратский (Тизапайдский) хребты.

В связи с постепенным поднятием местности стоит определенное изменение климатических условий района, сказывающееся в повышении количества годовых осадков и уменьшении средней годовой температуры, что видно, например, из сравнения метеорологических данных по Агдаму и Шуше.

	Т. лета	Т. зимы	Сред. годов	Осадки
Агдам (на высоте 350 метров над ур. м.)	21,6	4,7	13,2	483 мм.
Шуша (на высоте 1403 метра над ур. м)	15,8	0,7	8,3	652 „

Для г. Степанакерта, лежащего на высоте 900 метров, среднее годовое количество осадков составляет около 600 мм.

На основании многочисленных метеорологических наблюдений, произведенных в различных горных областях, в настоящее время считается, что понижение температуры на каждые 100 метров выражается, в среднем, цифрой 0,58°С и в странах с холодными зимами варьирует, в зависимости от времени года, от 0,45° до 0,70°С, являясь наименьшим зимою и наибольшим летом.

дости бытия, и успокоила эту несчастную черная земля». Но у нее были и высокие планы, она думала о создании «Союза женщин Востока и Запада».

На оскудение османской литературы жалуются все. Раиф Недждет, автор литературно-критических очерков, «Литературная жизнь», застой, охвативший и литературу, об'ясняется ужасами мировой войны. Но есть и внутренние длительные причины: это—национальная лень, порождающая необразованность. Все говорят о божественном вдохновении, но оно, справедливо замечает М. Фуад, не может дать навыков, заменить школу, литературные традиции, которые вырабатываются только ученьем. Сумеет ли османская литература выбраться из кризиса? Сумеет ли она, усвоив западно-европейские литературные формы, вычертить национальный узор, который один может сообщить ей мировую ценность? Иначе будет она похожа на стертую монету романского чекана. Конечно, прогресс литературы зависит от кардинальной общей проблемы, насколько разовьется на европейской технике, заимствование которой безусловно необходимо,— национальная турецкая цивилизация.

С другой стороны, более низкая температура высоких областей вызывает конденсацию водяных паров воздуха и усиленное выпадение осадков, что наблюдается однако лишь до известной высоты, не одинаковой для различных географических районов и изменяющейся также от времени года.

Ясно, что в тесной связи с климатическими изменениями находятся как растительный, так и почвенный покров Азербайджана, в котором, как в каждой горной стране, наглядно проявляется т. н. закон вертикальной зональности, впервые установленный в конце прошлого столетия проф. В. В. Докучаевым. Представим себе местность, поднимающуюся отвесными уступами или террасами на все большую и большую высоту. В зависимости от относительной высоты этих террас мы будем наблюдать на них постепенную смену одних почвенных зон другими, переходя от южных к более северным. В действительности, конечно, подобный рельеф наблюдается сравнительно редко и обычно горы поднимаются в виде более или менее непрерывных горных склонов с отдельными небольшими площадками-террасами.

Формирующиеся на этих склонах почвы, по морфологии своего разреза, несколько отличаются от обычных зональных почв равнинных районов, являясь несколько засоленными и характеризуясь большим, относительно, содержанием гумуса. Эти особенности горных почв обусловливаются сравнительной близостью грунтовых вод, которые, стекая по склонам, поднимаются по капиллярам вверх, увлажняя верхние горизонты почвы и принося с собою растворенные минеральные вещества, преимущественно бикарбонаты щелочей и щелочных земель. Само собою разумеется, что в тех районах, где выпадает значительное количество осадков (более 600 мм. в год) при наличности древесной растительности мы встречаем, при аналогичных условиях залегания, разности подзолистых и болотных почв, нередко занимающих значительные пространства.

Относительно геологического строения описываемого района мы имеем в литературе лишь самые общие указания.

Так Валентин указывает на определенное (NW—SO) простирание складок и поперечные долины рек.

Ф. Освальд отмечает, что область Нагорного Карабаха разбита вторичными сбросами на ряд отдельных обломков. Если двигаться с востока (от степи) к Шуше, то сначала мы встречаем приподнятую юрскую глыбу Кыз-Каласи, ограничиваемую на западе сенонскими и туронскими отложениями Гюлаплы. Далее следует Шушинский обломок с известняками титонского яруса и байосскими песчаниками, залегающими на метаморфических сланцах. Этот обломок опускается ступенчато к долине Акер-чая, соприкасаясь с Центрально-Карабахским плато, с его вулканическими вершинами Ишишлы (3600 метров), Кызил-богаз (3653 м) и др.

Проф. Богачев добавляет, что в ядрах карабахских хребтов сильно развиты массивно-кристаллические породы семейства габбро в теснейшем контакте с известняками. Образцы змеевика и змеевикового азбеста с перевала близ Лысогорска напоминают, по его мнению, змеевиковый пояс

северо-восточного берега озера Гокчи, где возраст интрузии следует считать уже после—меловым, т. к. метаморфизованы, вплавлены в габбро и змеевиковую массу глыбы белого известняка с радиолитами (верх. меловые).

На основании изучения палеонтологического характера известняков из окрестностей Шуши, Степанакерта и Кешишкенда, образцы коих находятся в б. Кавказском музее, проф. Богачев относит их к сеноману.

Карабахская степь, по мнению того же автора, могла быть сформирована абразией Каспийского моря в верхне-плиоценовый период (акчагыльский век). Таковы те отрывочные данные относительно геологического строения местности, кои до сих пор имеются в специальной литературе. Ввиду того, что одновременно с почвенными исследованиями предполагалась специальная геологическая экспедиция Закавказской Научной Ассоциации, я лишь попутно останавливался на некоторых своеобразных чертах геологического строения, о чем и будет упомянуто при нижеследующем описании моего маршрута.

Маршрут Степанакерт, Шушикенд, Сигнах, Б. Чанахчи, Апаманц-Гомер, Чагацнер, Н. Сизник, В. Сизник, Красное село (Кешишкенд), Гавахан, Хачмач, Дагдаган, Дашкенд, Степанакерт.

От Степанакерта дорога постепенно поднимается кверху, проходя по каменистым склонам с обнажениями известняков, слои которых сильно дислоцированы и прорваны изверженной породой порфирового строения, дающей местами формы лакколитов.

Последняя в некоторых поверхностных участках окрашена в яркие зеленые, синие и фиолетовые цвета, зависящие, повидимому, от присутствия в ней меди и марганца.

Более пологие задернелые склоны начинают встречаться у Шушикенда, где почвенный разрез дает следующую картину (обр. № 1):

Гор. A — темнокоричневый с сероватым оттенком, мелкозернистый со слабо-намечающейся слоистостью, довольно рыхлый, слабо вскипающий с кислотой, мощность 18 см.

Гор. B_1 — темнее предыдущего, мелкоореховатый, более плотный, с заметным вскипанием, мощн. 24 см.

Гор. B_2 — Светлобурый, крупноореховатый, плотный, мощн. 24 см.

C — лессовидный комковатый суглинок с белыми выделениями углесолей, плотный, бурно вскипающий с кислотой.

По дороге все время бросается в глаза резкое отличие северных и южных склонов, как по характеру своей растительности, так и по почвенному покрову. Первые обычно облесены, более пологи и почвы формируются здесь на мягких песчано-глинистых или лессовидных наносах. Вторые заросли различными кустарниковыми породами, поверхность их усеяна обломками материнской породы, а почвы характеризуются сильной скелетностью и обладают незначительной мощностью.

Описанный выше тип почвы сохраняется и далее, вплоть до селения Б. Чинахчи, где на склонах последняя приобретает меньшую мощность и

в ней замечается выпадение плотного комковато-столбчатого горизонта и появление конкреционных форм углекислой извести и гидратов окиси железа. Образец № 2, взятый на вершине склона с направлением на СЗ (участок Аваскот) отличается следующим морфологическим строением:

Гор. А — каштанового цвета, мелкоореховатый, плотного сложения, слабо вскипает с кислотой, мощность 15 см.

Гор. B_1 — Желтобурый, ореховатый, рыхлее предыдущего, заметно вскипает с кислотой, мощность 15 см.

Гор. B_2 — светлопалевый с темными выделениями гидратов окиси железа и белыми конкрециями углекислой извести, рыхлый, мощность 25 см.

С — лессовидный суглинок.

Выше, по склону, обращенному на север и покрытому лиственным лесом, появляются уж невскипающие почвы типа лесных слабоподзолистых суглинков, залегающие на желтобурой влажной и вязкой глине и дающие на разрезе следующую картину (обр. № 3):

Гор. А — темносерый с буроватым оттенком, мелкоореховатый, мощность 15 см.

Гор. В — бурый с желтоватым оттенком, ореховатый, влажный, мощность 25 см.

С — желтобурая вязкая глина.

На широком плато у Чагацнера (Демур-Чиляг), изрезанном отдельными пологими ложбинами, мы встречаем вновь появление комковато-столбчатой структуры в горизонте В, отличающимся кроме того выделением гидратов окиси железа. Общая картина разреза представляется в следующем виде (обр. № 4):

Гор. А — коричневато-бурый с серым оттенком, с мелкой комковато-ореховатой структурой, довольно плотным сложением, вскипающий с поверхности, мощность 20 см.

Гор. В — темнее предыдущего с краснобурым оттенком, заметны выделения гидратов окиси железа, очень плотный, в верхних частях характеризуется комковатой стуктурой, переходящей книзу в столбчатую, бурно вскипает с кислотой, мощность 45 см.

С — лессовидный суглинок.

В окрестностях селения Сизник, в юго-западной его части, на плато с легким скатом на СВ встречаются мощные невскипающие почвы довольно оригинального строения, указывающего на явления заболачивания, что видно из описания разреза образца № 5.

Гор. А — серо-черный, зернистой структуры, рыхлого сложения, мощность 20 см.

Гор. B_1 — такого же цвета, но с буроватым оттенком, мелкоореховатый, плотнее предыдущего горизонта, мощность 35 см.

Гор. B_2 — стальночерный с синеватым отливом, плотнокомковатый, влажный, мощн. 22 см.

С — серобурая глина.

Южные склоны близ этого селения заняты обычными вышеописанными солонцеватыми разностями. Эти два вида почв продолжаются и да-

лее до сел. Кешишкенд (Красное село), где почвы приобретают, в общем, более темную окраску, что стоит, повидимому, в связи с выходами известняков, обломки коих встречаются уже в верхних горизонтах.

Разрез у Дерин-родника под горой Богурханом (на восточном склоне) представляется в следующем виде (обр. № 6):

Гор. A — серочерный с бурым оттенком, мелкозернистый, плотного сложения, вскипает с поверхности, мощность 15 см.

Гор. B_1 — немного темнее предыдущего, крупно зернисто-комковатый, более плотный, мощность 28 см.

Гор. B_2 — желтобурый с выделениями и примазками углекислой извести, с обломками известняка, рыхлее предыдущего, мощность 17 см.

C — известняк.

На северо-восточном склоне между горой Богурханом и Хачмачьхутом на влажной вязкой краснобурой глине формируются невскипающие почвы следующего строения (обр. № 7).

Гор. A — темнобурый с сероватым оттенком, зернисто-ореховатой структуры, плотного сложения, мощность 16 см.

Гор. B — черно-бурый с желтоватыми прожилками и сизоватым оттенком, комковатый, очень плотный, мощность 35 см.

C — вязкая краснобурая глина.

Южнее сел. Даш-кенд, по дороге в Дагдаган, на южном склоне наблюдаются богатые углесолями почвы, характеризующиеся, согласно образцу № 8, следующими морфологическими особенностями:

Гор. A — светлокаштановый, с зернистой структурой, бурно вскипает с поверхности, мощность 13 см.

Гор. B_1 — бурый с белыми выделениями углесолей, плотноореховатый, мощность 28 см.

Гор. B_2 — буровато-желтый, комковато-столбчатый, плотный, мощность 30 см.

C — лессовидный светлопалевый суглинок.

У Степанакерта, вблизи С.-Х. Техникума, на юго-восточном склоне залегают более темноцветные почвы, вскипающие с поверхности, что можно видеть из описания разреза № 9.

Гор. A — темнокоричневый с сероватым оттенком, мелкозернистый, рыхлый, мощность 11 см.

Гор. B_1 — бурый, зернистоореховатый, плотноватый, мощность 20 см.

Гор. B_2 — светлобурый с белыми выделениями извести и псевдомицелиями, ореховатый, плотный, мощность 50 см.

C — лессовидный суглинок.

II. Маршрут Степанакерт, Дашкенд, Красное, Джамиат, Хорошен, Гиши, Котляровка (Муганлу-Пир-ах-булаг), Хунушинак, Вейсали, Чартаз, Суз, Шехер, Трахтиг, Доммы, Тагаверт, Сухтурашен, Тергер, Завадых, Гиши.

Вышеописанные (см. разрезы за №№ 8 и 9) почвы сохраняются и далее к востоку до сел. Красное, встречаясь также на склонах перевала к Джамиату. Вблизи источника на этом перевале наблюдается естествен-

ное обнажение, где на глубине 1 сажени от современной поверхности отлично виден мощный (85 см.) слой погребенной почвы (см. фотографию 1).

Механический анализ, произведенный по способу проф. Сабанина, показывает следующее различие в составе как современной подпочвы (1) так и отдельных горизонтов погребенной почвы и подстилающей ее древней материнской породы.

№ образца и гориз.		>0,25 мм.	0,25—0,05	0,05—0,01	<0,01 мм.	Формулы	
						Двухчл.	Трехчл.
№ 25	C совр.	8,92	5,28	10,14	75,66	1 : 0,32	1 : 0,13 : 0,19
	A погр.	6,73	5,05	13,66	74,56	1 : 0,34	1 : 0,18 : 0,16
	B_1 погр.	13,16	6,52	14,71	65,61	1 : 0,53	1 : 0,22 : 0,31
	B_2 погр.	2,33	5,51	12,22	79,94	1 : 0,25	1 : 0,15 : 0,10
	C древн.	4,66	11,48	12,68	71,18	1 : 0,40	1 : 0,17 : 0,23

Содержание гумуса и углекислоты в современной подпочве и в верхнем горизонте погребенного слоя дает резкое расхождение, что видно из следующих цифр:

	I) совр. C	II) погр. A.
Гумус	0,14%	1,04%
CO_2	6,20 „	5,70 „

Ближе к Джамиату почвы приобретают более темный оттенок поверхностных горизонтов, который заметно светлеет по мере приближения к Хонашену. Меняется также постепенно и топография местности, характеризуясь более открытым волнистым рельефом с пологими склонами, образованными частью тонкочастичными белыми слоистыми рухляками и известняками, выходы которых особенно хорошо выделяются за сел. Джамиатом, частью песчано-глинистыми наносами, порою содержащими значительное количество гальки.

Окрестности с. Гиши заняты слабосолонцеватыми бурыми почвами общей мощности от 48 до 65 см., изменяющейся в зависимости от рельефа. Разрез, сделанный на ровной площадке пологого восточного склона, дает следующую картину морфологического строения (обр. № 10 и см. фотографию 2).

Гор. A — светлобурый с зернистой структурой, рыхлого сложения, вскипает с поверхности, мощность 14 см.

Гор. B_1 — немного темнее и плотнее предыдущего, ореховатый, мощ. 11 см.

Гор. B_2 — желтобурый, постепенно светлеющий книзу, крупноореховатый, плотный, мощность 27 см.

C — лессовидный палевый суглинок мощностью в 82 см., сменяемый ниже, на глубине 134 см. от поверхности, погребенной почвой следующего строения:

А. погреб. — буроватожелтый, зернистый, довольно рыхлый, вскипающий с кислотой, мощность 47 см.

В. погреб — краснобурый с темными прослойками и подтеками, с ясными кротовинами, ореховатой структуры, уплотненный, мощностью в 33 см., подстилается лессовидною глиною. (Д)

Для химической характеристики данного разреза привожу результаты определений по горизонтам общего содержания гумуса и углекислоты:

Горизонты	A	B_1	B_2	B_3	C	А. погр.	В. погр.	Д
Гумус	1,77⁰	1,80	1,65	1,29	0,08	0,59	0,14	0,06
CO_2	8,65	8,34	8,05	6,34	6,68	6,40	6,66	10,53

К востоку, за перевалом к Карабахской степи, близь д. Котляровки (Пир-ах-булаг) общая мощность гумусовых горизонтов понижается до 40 см., почвы заметно светлеют, приобретая буровато-серый оттенок. На разрезе мы наблюдаем следующую картину (обр. № 11).

Гор. А — светлобурый с сероватым оттенком, слоисто пылеватый, рыхлого сложения, вскипает с поверхности, мощность 9 см.

Гор. B_1 — темнее предыдущего, бурый, ореховато-комковатый, плотный, мощность 10 см.

Гор. B_2 — желтобурый с белыми выделениями углесолей, ореховатый, менее плотный по сравнению с вышележащим, мощность 22 см.

С — палевый лессовидный суглинок.

Наоборот, к западу и юго-западу от сел. Гиши почвы становятся более темноцветными и мощными с колебаниями от 65 до 80 см. В некоторых местах на глубине 1½—2 метров мы вновь встречаем темный погребенный горизонт значительной мощности, что видно, например, на следующем разрезе (обр. № 14 и см. фотографию 3), сделанном близь сел. Хунушинак.

Гор. А — темносерый с буроватым оттенком, зернистый и слабослоистый, рыхлый, слабо вскипающий с поверхности, мощность 12 см.

Гор. B_1 черно-бурый, ореховатый, более темный, мощность 20 см.

Гор. B_2 — желбурый с темными гумусовыми подтеками, ореховато-комковатый, мощность 34 см.

С — светложелтый, столбчато-комковатый лессовидный суглинок с конкрециями и псевдомицелием углекислой извести, мощностью в 64 см., сменяемый книзу, на глубине 130 см. от поверхности, погребенной почвой следующего строения.

А. погр. — чернобурый, зернисто-ореховатый, мощностью более 85 см., т. к. до конца его разрез не был доведен.

Распределение гумуса и углекислоты в данной почве видно из следующей таблицы:

Горизонты	A	C	А. погр.
Гумус. . .	2,52	0,43	1,07
CO_2	3,70	9,10	2,46

На перевале из Чартаза в Суз (Гянлу-гядук) в верхних горизонтах почвы наблюдается едва заметное вскипание, усиливающееся на глубине 40 см. Мощность гумусовых горизонтов здесь достигает 95 см., что можно видеть из следующего разреза (обр. № 16):

Гор. A — сероватокоричневый, крупно-зернистый, рыхлого сложения, мощность 13 см.

Гор. B_1 — несколько темнее А, ореховатый, более плотный, мощность 25 см.

Гор. B_2 — желтобурый, ореховато - комковатый, плотный с выделениями углесолей, бурно вскипает с кислотой, мощность 58 см.

C — палевая лессовидная глина.

На склонах к долине Амарас (за Сузом) резко бросается в глаза изменение почвенного покрова на северной и южной ея сторонах. Почвы первой отличаются более темной окраской поверхностных горизонтов, залегая на красно-бурой глинистой подпочве, тогда как почвы южного склона развиты на лессовидных палевых суглинках и характеризуются более светлой буроватой окраской верхнего горизонта.

На разрезе пологого склона второй террасы левого берега реки, направленного к югу, мы наблюдаем следующую картину (обр. № 17 и см. фотографию 4).

Гор. A — пепельносерый с буроватым оттенком, зернистый, слабослоистый, рыхлый, бурно вскипающий с поверхности, мощность 23 см.

Гор. B_1 — немного темнее, ореховатый, плотный, мощность 20 см.

Гор. B_2 — буроватожелтый, крупно-ореховатый, вертикальными трещинами разбивается на ряд ореховато-комковатых отдельностей, менее плотный, чем B_1, мощность 22 см.

C — палевый лессовидный суглинок.

Разрез противоположного правого склона, обращенного на север, характеризуется следующими морфологическими особенностями (обр. № 18).

Гор. A — буроваточерный с серым оттенком, зернисто-комковатый, вскипает с поверхности, мощность 10 см.

Гор. B_1 — темнее предыдущего, ореховато-комковатый, уплотненный, мощность 13 см.

Гор. B_2 — желтобурый, ореховато - комковатый, уплотненный, мощность 27 см.

C — краснобурая вязкая глина.

Двигаясь далее на юго-запад легко заметить, помимо общего потемнения окраски верхних горизонтов, увеличение мощности гумусовых горизонтов, доходящей до 90 см., что можно видеть из описания следующего разреза, сделанного близь дер. Шехер (Авшары) выше мельницы, на пологом склоне (обр. № 19).

Гор. A — серокаштановый, крупно - зернистый, вскипает с поверхности, мощность 15 см.

Гор. B_1 — темнобурый с желтоватым оттенком, ореховатый, мощность 40 см.

Гор. B_2 — буроватожелтый, ореховатый. мощность 27 см.

C — сероватопалевый лессовидный суглинок, сменяющийся книзу на глубине 120 см. от поверхности темным погребенным горизонтом.

На более высоких местах перевалов, где барометрическое давление падает до 655 мм. и ниже, наблюдаются либо невскипающие слабоподзолистые лесные суглинки, либо почвы с заметно пониженным горизонтом вскипания, как, например, на перевале к сел. Доммы в лесу (обр. № 21).

Гор. A — темносерый с буроватым оттенком, мелко-зернистый, рыхлый, мощность 9 см.

Гор. B_1 — темнобурый, угловато-зернистый, несколько плотнее, слабо вскипающий с кислотой, мощность 20 см.

Гор. B_2 — серобуроватожелтый, плотный, ореховатый, мощность 21 см.

В этом районе мы сталкиваемся с чередованием определенно подзолистых почв со вскипающими с поверхности солонцеватыми почвами и с появлением целого ряда переходных связующих модификаций, придающих почвенному покрову местности крайне пестрый характер, стоящий в тесной связи как с рельефом и относительной высотой местности, так и с господствующими растительными сообществами, с направлением долин и склонов, с их крутизной и пр.

Те-же явления наблюдаются и в районах Тагаверта, Сухтаршена и Гергера, что можно видеть из следующих описаний разрезов за №№ 23 (склон на СВ ниже Сухтаршенских садов) и 24 (на восточном склоне ниже новых гергерских садов).

У первого:

Гор. A — темнокоричневый с сероватым оттенком, крупно-зернистый, рыхлый, вскипает с поверхности, мощность 21 см.

Гор. B_1 — бурый, ореховатый, мощность 20 см.

Гор. B_2 — желтобурый с белыми выделениями углесолей, ореховато комковатый, уплотненный, мощность 50 см.

У второго:

Гор. A — сероватобурый, с мелкозернистой частью пылеватой структурой, рыхлое сложение, мощность 18 см.

Гор. B_1 — темнобурый, крупно-ореховатый, плотный, на глубине 33 см. от поверхности замечается слабое вскипание, мощность 18 см.

Гор. B_2 — желтобурый с белыми прожилками углесолей, комковато-ореховатый, плотный, мощность 31 см.

C — краснобурая песчанистая глина.

III. Из вышеприведенных описаний моего маршрута и главнейших почвенных разрезов ясно вырисовывается крайняя изменчивость почвенного покрова обследованного района.

Поэтому мне казалось необходимым выяснить более детально влияние такого важного фактора почвообразования, как рельеф. Недостаток времени, находящегося в моем распоряжении, не позволил мне произвести наблюдения в различных растительных зонах, как это я предполагал сделать первоначально, желая проследить влияние этого фактора в условиях степной, лесной и альпийской флоры. Пришлось ограничиться изучением лишь одного из наиболее земледельческих районов Нагорного Карабаха,

а именно Варандинского, где в окрестностях сел. Гиши была произведена моим помощником студентом-агрономом *С. Тер-Грегорьяном* барометрическая нивеллировка по определенному направлению на расстоянии 1-го слишком километра.

Прилагаемый профиль наглядно рисует общий волнистый рельеф предгорий и показывает места закладки почвенных разрезов, приуроченных к склонам, низинам и вершинам.

Несмотря на незначительность колебаний относительных высот местности (разница между низшей точкой профиля и высшей составляет всего 44 метра) химический и физико-механический характер исследованных почв, принадлежаших к типу бурых тяжелых суглинков, указывает нам на резкие различия среди рядом лежащих почв.

Морфологическая картина разрезов дает постепенный переход от более темноцветных и мощных (до 1 метра) разностей пониженных частей рельефа к светлобурым более песчанистым почвам вершин. Не останавливаясь здесь на подробных описаниях их, укажу, что по склонам нами были встречены на глубине 1¹/₂—2 метров горизонты погребенных почв, как, например, в яме № 2.

Механический анализ горизонтов А, произведенный по способу проф. Сабанина, указывает на обычное явление обеднения почв повышенных частей рельефа илом и обогащения мелким и средним песком, что видно из следующих данных:

№№ образцов и гориз.	> 0,25 мм.	0,25 - 0,05	0,05—0,01	<0,01 мм.	Формулы	
					двучленная	трехчленная
1 A	1.82	3,98	18,08	76,13	1 : 0,31	1 : 0,24 : 0,08
2 A	1,62	8,63	20,78	68,97	1 : 0,45	1 : 0,30 : 0,15
3 A	5,00	12,47	18,26	64,27	1 : 0,55	1 : 0,28 : 0,27
8 A	2,82	7,01	19,14	71,03	1 : 0,41	1 : 0,27 : 0,14
13 A	2,19	9,07	27,46	61,28	1 : 0,63	1 : 0,45 : 0,18
14 A	0,69	6,60	17,80	74,91	0 : 0,34	1 : 0,24 : 0,10

Химические особенности почв выясняются приводимыми данными анализов водных вытяжек и определений общего содержания гумуса и углекислоты. Цифры показывают %%, отнесенные к почве, высушенной при 100—105° С.

№№ почв. образц.	Горизонты	Общее содерж. углекисл. CO_2	Общая щелочн. водн. вытяж. в ионах HCO_3	Содержан. гумуса	Растворим. гумуса	Раствор. гумуса в долях всего гумуса	Хлор-ионов	Серной кислоты в ионах SO_3
1	A	1,84	0,0659	1,74	0,0160	1/108	0,0035	Серно-кислого бария (Ba SO_4) во всех верхних горизонтах в 200 кб. см. вытяжки едва заметные количества, в нижних горизонтах—заметнее, но все же ничтожные количества.
„	B_2	7,87	0,0600	1,24	0,0166	1/74	„	
2	A	4,11	0,0659	1,57	0,0187	1/81	В 50 кб. см. водной вытяжки почти во всех случаях уже от первой капли 1/10 норм. Ag. NO_3 показывалось красноватое окрашивание и лишь в нескольких—после 2-й капли.	
„	B_2	4.59	0,0659	1,19	0,0098	1/121		
„	A погр.	5,41	0,0659	0,59	0,0104	1/57		
„	B погр.	1,93	0,0660	0,64	0,0083	1/77		
3	A	7,54	0,0830	1.38	0,0202	1/53		
„	B_2	17,77	0,0600	0,33	0,0140	1/23		
5	A	2,52	—	1,29	—	—		
„	B_2	11,26	—	0,11	—	—		
7	A	7,03	—	1,20	—	—		
„	B_2	24,79	—	0,25	—	—		
8	A	7,85	—	0,92	—	—		
„	B_2	8,56	—	0,12	—	—		
12	A	5,18	0,0830	1,28	0,0466	1/27		
„	B_2	10,96	0,0600	0,28	0,0207	1/13		
13	A	5,44	0,0830	1,03	0,0487	1/21		
„	B_2	7,71	0,0600	0,16	0,0228	1/7		
14	A	0,17	0,0933	1,80	0,0487	1/37		
„	B_2	2,12	0,0933	0.60	0,0140	1/43		

Мы видим, что кривые содержания гумуса и углекислоты (см. прилагаемый профиль) расходятся в обратные стороны в зависимости от высоты залегания почвы, а именно—количество углекислоты с высотою увеличивается, количество-же гумуса, наоборот, убывает. Далее интересны сопоставления растворимости гумуса, являющейся минимальной для почв пониженного рельфа (1/108) и максимальной (1/27) для вершинных разностей.

В общем этот пробный профиль дает нам ясное представление о комплексе почвенных разностей в районе предгорий.

IV. Переходя теперь к вышеописанным почвенным разрезам моего маршрута, следует указать, что, несмотря на всю видимую пестроту почвенного покрова, последний всецело укладывается в рамки последовательной вертикальной зональности.

Приводимые ниже данные химических анализов и сделанная мною выше характеристика морфологических особенностей местных почв позволяют выделить следующие почвенные типы, приуроченные в общем к определенной высоте местности, а именно:

500 - 600 метров—бурые суглинки —с 2% гумуса и 5% углекисл.
700 - 800 „ —каштановые суглинки—„ 3% „ „ 3% „
900-1000 „ —горные черноземы —„ 4% „ „ 1% „
1100-1700 { лесные почвы (серые и коричневые) серочерные скелетные перегнойно-карбонатные почвы } с 3-5% гумуса
>1700 м.—горнолуговые почвы.

Сводная таблица общего содержания гумуса и углекислоты в верхних горизонтах местных почв рисует в этом отношении вполне определенную картину, что видно из следующих данных:

№№ ям, из коих взяты образцы для анализа	Горизонты	CO_2 (углекислота) в %-х	Гумус в % (по хромовому методу)	Растворимость гумуса
1	A	0,71	2,26	1/132
3	A	0,40	3,79	
5	A	0,27	1,92	1/119
6	A	9 53	2,54	1/149
7	A	0,17	2.26	1/182
8	A	6.71	1,90	1/114
9	A	1,22	4,60	1/489
10	A	8,65	1.77	1/106
„	B1	8.34	1,80	
„	B2	8,05	1,65	
„	B3	6,34	1,29	
„	C	6,68	0,08	
„	A (погреб)	6,40	0,59	
„	B (погреб)	6,66	0,14	
„	Д	10,53	0,06	
11	A	5,40	1,97	1/112
13	A	1,69	2,97	1/204
14	A	3,70	2,52	1/124
„	C	9,10	0,43	
„	A (погреб. почвы)	2,46	1,07	
15	A	0,27	2,55	1/214
16	A	1,35	3,10	1/35
17	A	5,11	1,97	
18	A	3,57	2,06	1/20
19	A	6,90	3,07	1/37
20	A	0,10	1,33	1/18
21	A	0,43	5,36	1/36
22	A	0.10	2,15	1/20
23	A	3,82	3,26	1/29
24	A	0,40	1,60	1/28

Если обратить внимание на цветовые оттенки поверхностных горизонтов, то в них можно подметить три основных тона: черный, коричневый (каштановый) и серобурый.

Соответственно этим основным тонам все образцы располагаются в следующие ряды с постепенно ослабевающей к правой стороне ряда окраской, представляющей естественный переход к следующему ряду.

Черный—№№ 9, 6, 15, 1, 13, 21, 7, 5, 18, 16, 23 и 14;

Коричневый—№№ 2, 3, 4, 20 и 22;

Серобурый—№№ 17, 11, 8, 10 и 19.

На основании химико-морфологических особенностей, выяснившихся как из вышеприведенных описаний почвенных разрезов, так и лабораторного изучения образцов, мы можем отнести местные почвы к следующим типам:

1) Тип бурых почв полупустыни—№ № 8, 10, 11 и 17;

2) Тип каштановых почв—№ № 13, 14, 19 и 23;

3) Тип горных черноземов (южных) № 9;

4) Переходные разности между каштановыми почвами и черноземами № № 1, 15 и 18;

5) Тип горных лесных почв—№ № 3, 5, 7, 20, 21 и 22;

6) Тип высокогорных перегнойно-карбонатных почв—№ 6.

В этой последовательности мы и рассмотрим их физико-химические свойства.

1. По своему механическому составу *бурые почвы* принадлежат к тяжелым суглинкам, что видно из механического анализа по способу проф. Сабанина, произведенного лаборантом А. Н. Изюмовым.

№№ образцов и горизонты	>0,25 мм.	0,25—0,05	0,05—0,01	<0,01 мм.	Формулы	
					двухчленная	трехчленная
№ 10 гор. A	15,18	9,40	18,25	57,17	1 : 0,75	1 : 0,32 : 0,43
„ A (погр.)	11.33	10,11	21,46	57,10	1 : 0,75	1 : 0,37 : 0,38
№ 11 „ A	3,61	9,59	27,68	59,12	1 : 0,69	1 : 0,46 : 0,23
№ 17 „ A	5,89	6,75	19,98	67,38	1 : 0,48	1 : 0,29 : 0,19
„ B_1	6,13	6,51	18,78	68,58	1 : 0,46	1 : 0,27 : 0,19
„ B_2	4,37	7,11	19,56	68,96	1 : 0,45	1 : 0,28 : 0,17
„ C	6,13	17,35	23,30	53,22	1 : 0,88	1 : 0,43 : 0,45

Значительное содержание частиц от 0,05 до 0,01 мм. в диаметре указывает на лессовидный характер данных почв, а полный анализ образца за № 17—на отсутствие заметного передвижения (вмывания) иловатых частиц в нижележащие горизонты.

Водные вытяжки из верхних горизонтов тех же почв дают нам следующие результаты (Аналитик проф. Смирнов-Логинов).

№ № образцов	8	10	11	17
Щелочность в HCO_3	0,0508	0,1137	0,0770	0,1229
Сумма раств. вещ.	0,1005	0,1265	0,1075	0,7500
Раствор. гумус	0,0166	0,0166	0,0176	—
Серн. кислота (SO_3)	0,0037	0,0082	0,0061	0,0248
Хлор (Cl)	0,0035	0,0065	0,0035	0,0028

Мы видим, что степень засоленности местных бурых почв сравнительно невелика, что и позволяет вполне определенно проектировать их под сельско-хозяйственную культуру. Увеличение количества иловатых частиц в образце № 17 вызывает соответственное увеличение общего ко-

личества воднорастворимых веществ и, в связи с этим, несколько повышенную щелочность и большее содержание сернокислых солей.

Сравнивая местные почвы со светло-каштановыми суглинками Ганджинско-Шамхорского района *) мы замечаем общее увеличение щелочности водных вытяжек и уменьшение количества растворимого гумуса, представляющего собою лишь 1/106, 1/112 и 1/114 общего содержания его в почве.

2. Залегающие выше *каштановые почвы* являются немного грубее по своему механическому составу, как это видно, например, из анализа образца за № 14.

№ образца и горизонт	>0,25 мм.	0,25—0,05	0,05—0,01	<0,01 мм.	отношение <0,01 : > 0,01	отношение <0,01 : 0,05 : > 0,05
№ 14 гор. А	12,56	17,08	21,13	49,23	1 : 1,03	1 : 0,43 : 0,60

Результаты водных вытяжек из каштановых почв сведены в следующую таблицу (аналитик Смирнов-Логинов).

№№ образцов	13	14	19	23
Щелочность в HCO_3	0,0385	0,0157	0,0829	0,0866
Сумма раств. вещ.	0,0950	0,1215	0,4180	0,5130
Раств. гумус	0,0145	0,0202	0,0829	0,1119
Серн. кислота (SO_3)	0,0056	0.0071	0,0078	0,0113
Хлор (Cl)	0,0035	0,0065	0,0028	0,0057

На этих образцах можно хорошо проследить различную степень засоленности местных каштановых почв, обусловливаемой преимущественно бикарбонатами щелочей и щелочных земель.

3. Представителем типа *горных черноземов* является образец за № 9, механический состав которого представляется в следующем виде:

№ образца и горизонт	1,00—0,25	0,25—0,05	0,05—0,01	<0,01 мм.	Формулы двухчлен.	Формулы трехчлен.
№ 9 гор. А	12,83	17,61	19,45	50,11	1 : 0,99	1 : 0,39 : 0,60

В связи с этим водопроницаемость гор. А, определенная лабораторным опытным путем, определилась в 1,4 куб. см. в 1 минуту.

Характер водной вытяжки виден из следующих данных:

Щелочность в HCO_3	0,0406
Сумма раствор. веществ	0,0797
Раств. гумус	0,0094
Серная кислота (SO_3)	0,0046
Хлор (Cl)	0,0017

Цифры анализа указывают на крайне незначительную засоленность местных черноземов и на ничтожную растворимость гумуса, а именно 1/489 общего его содержания в почве.

4. В качестве *переходных разностей* между двумя вышеописанными типами каштановых почв и черноземов, являющихся как-бы связующим звеном между этими двумя резко обособленными типами, я остановлюсь здесь на образцах за №№ 1, 15 и 18.

*) См. В. П. Смирнов-Логинов. Материалы по изучению физико-химических особенностей почво-грунтов Азербайджана.

1. Почвы долины р. Куры и Апшеронского полуострова.

„Научные известия Азербайджанского Политехнического Института" за 1925 г

По механическому составу они представляют собою обычно сильно глинистые разности, что видно, например, из следующих данных анализа.

№ образца и горизонты	>0.25 мм.	0,25-0,05	0,05-0,01	<0,01 мм.	Отношения <0,01:> 0,01	<0,01:0,05:> 0,05
№ 18 Гор. А	2,50	11,95	22.26	63,29	1:0,58	1:0,35:0,23
Гор. B_1	2.56	5,67	18,81	72.96	1:0,37	1:0.26:0,11
Гор. B_2	5,11	8.87	15,97	70,05	1:0,43	1:0,22:0,21
С	4.38	5,07	17,84	72,71	1:0.38	1:0,24:0,14

Поэтому водопроницаемость этих почв является сильно замедленной, выражаясь для гор. А № 18 числом 0,9 куб. см. в 1 минуту и для гор. B_2 --0,2 куб. см., а для гор. А образца № 1 числом 0,3 куб. см. и для B_2--0.6 куб. см. в 1 минуту.

Водные вытяжки из верхних горизонтов данных почв дают нам следующие цифры (аналитик Смирнов-Логинов).

№№ Образцов	1	15	18
Щелочность в HCO'_3	0,0406	0 0385	0,0717
Сумма раствор. веществ	0,1050	0,0795	0,3700
Раствор. гумус	0,0170	0,0119	0,1015
Серная кислота (SO_3)	0,0031	0,0077	0,0056
Хлор (Cl)	0,0035	0,0070	0,0021

Действительно, цифры общей щелочности и суммы воднорастворимых соединений и гумуса приближаются то к одному, то к другому из вышеописанных типов, а морфология их разрезов дает нам черты строения, свойственные обоим типам, что и позволяет мне выделить их в качестве переходных разностей.

5. Значительным распространением в районе пользуются лесные почвы, приуроченные к высотам более 1000 метров.

По цветовым оттенкам поверхностных горизонтов их можно разбить на две группы: группу коричневых, частью карбонатных, лесных суглинков и группу серых слабо подзолистых суглинков.

Все они являются сильно глинистыми, в чем можно убедиться при рассмотрении данных механического анализа, произведенного лаборантом Изюмовым.

№№ образцов и горизонты	<0.25	0,25-0,05	0,05-0.01	<0,01 мм.	Отношения (<0,01): (>0.01)	(<0,01):(0,01-0.05:>0,05)
№ 3 Гор. А	5,20	12,16	16,10	66,54	1:0,50	1:0,24:0,26
Гор. В	5,77	9,65	13,63	70,95	1:0,41	1:0,19:0,22
С	3.67	9,74	13,24	73,35	1:0,36	1:0.18:0,18
№ 7 Гор. А	4,20	10,82	15,07	69,91	1;0,43	1:0,21:0,22
Гор. В	2.60	5,26	14,39	77,75	1:0,29	1;0,19:0,10
Гор. ($CB_2?_2$)	1.40	3,05	12,54	83,01	1:0.21	1:0,15:0,06
№ 20 Гор. А	7,88	11,77	12,89	67.46	1;0,48	1:0,19:0,29
№ 22 Гор. А	9.73	14,96	14,87	60,44	1:0,65	1:0,24:0,41

В связи с этим стоит крайне слабая водопроницаемость, дающая, например, для образца за № 22—0,1 куб. см. в 1 минуту (гор. А) и даже —0,06 куб. см. в гор. В, а для гор. А из ямы № 5-0,7 куб. см. в 1 минуту.

Для выяснения характера гумуса лесных почв я обработал определенную навеску из гор. А образца за № 3—2% раствором едкого натра и из полученного таким путем псевдораствора выделил обычным способом комплексы т. н. гуминовой, креновой и апокреновой групп органических соединений. При этом оказалось, что на долю наименее окисленных соединений гуминовой группы пришлось 62% общего содержания гумуса, к комплексу креновой кислоты принадлежало 14%, а к наиболее окисленным соединениям апокреновой группы—24%.

Если сравнить эти цифры с полученными нами ранее для светло-каштановых почв Ганджинского района, где к гуминовой группе относилось 97,5% гумуса, то различие в характере органической части данного лесного типа от вышерасмотренных степных почв выступает вполне наглядно.

Водные вытяжки из лесных, хотя и не вскипающих, почв везде показывают однако слабощелочную реакцию, усиливающуюся в тех случаях (см. напр. обр. № 21), когда материнской породой являются известняки.

Результаты водных вытяжек приводятся в следующей таблице—(Аналитики Смирнов-Логвинов и Тер-Григорьян).

№№ образцов	3	5	7	20	21	22
Щелочность в HCO_3	0,0152	0,0203	0,0101	0,0307	0,1076	0,056
Сумма растворим. соединен.	0,0900	0,0940	0,0605	0,2940	0,5780	0,496
Раствор. гумус	0,0124	0,0161	0,0124	0,0736	0,1461	0,103
Серная кислота (SO_3)	0,0044	0,0062	0,0065	0,0046	0,0089	0,010
Хлор (Cl)	0,0015	0,0052	0,0022	0,0043	0,0028	0,002

В зависимости от высоты местности и характера материнской породы мы наблюдаем здесь как изменение щелочности водной вытяжки, так и изменение коэффициента растворимости гумуса, доходящего в образце № 20 до $^1/_{18}$ общего его содержания.

6. В заключение позволю себе остановиться еще на перегнойно-карбонатных почвах, формирующихся на меловых и юрских известняках и резко выделяющихся своим серочерным цветом.

Расчленяя вышеописанным способом гумус поверхностного горизонта из образца за № 6, я нашел, что к гуминовой группе относится 86,6% к креновой -1,1%, и к апокреновой группе—12,3%. Это заметное преобладание здесь по сравнению с лесными суглинками, гуминовой группы и обусловливают собою более темную окраску почвы.

Механический состав ее представляется в следующем виде:

№ образца и гориз.	>0,25 мм.	0,25-0,05	0,05-0,01	<0,01 мм.	Формулы	
					двучлен.	трехчлен.
№ 6 Гор. А	8,52	19,78	18,72	52,98	1:0,89	1:0,35:0,54
Гор. B_1	12,97	21,67	15,17	50,19	1:0,99	1:0,30:0,69

Несмотря на меньшее, по сравнению с лесными суглинками, содержание иловатых частиц почвы эти во влажном состоянии являются крайне вязкими и водопроницаемость данного образца выражается, например, всего 0,1 куб. см. в минуту.

Водная вытяжка из того же образца дала следующие цифры:

Щелочность в HCO_3	0,0507
Сумма раствор. соединений	0,1665
Раств. гумус	0,0171
Серная кислота (SO_3)	0,0032
Х л о р (Cl)	0,0017

По сравненю с ближайшими образцами лесных суглинков (см №№ 5 и 7) мы видим резкое увеличение общей щелочности и суммы извлекаемых водою органических и минеральных соединений.

Из вышеприведенных физико-химических характеристик намеченных мною типов и разностей местных почв отчетливо выясняется крайняя пестрота почвенного покрова в обследованном впервые районе Нагорного Карабаха.

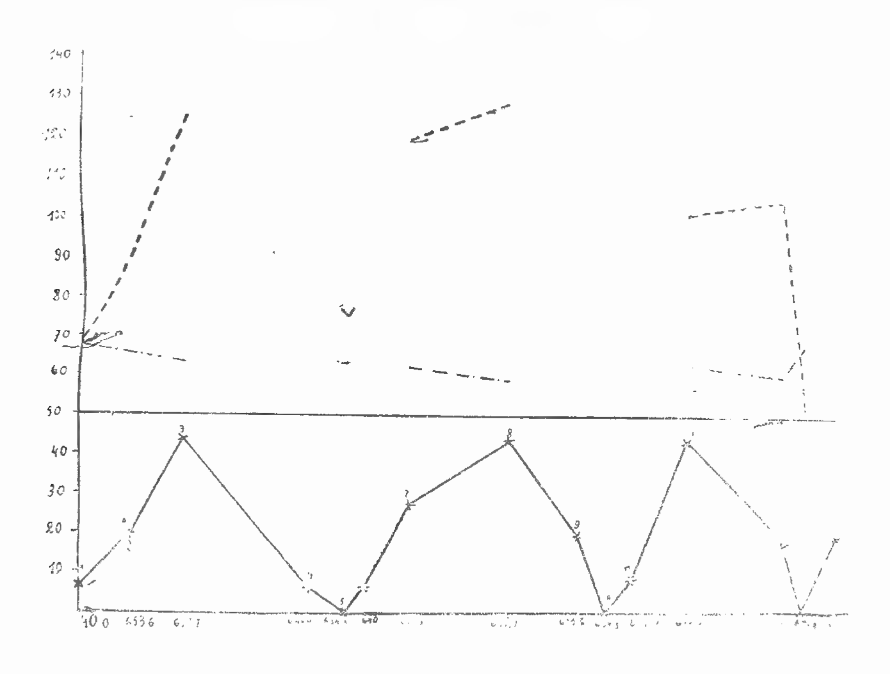
Я попытался разобраться в этой пестроте и наметил ряд основных типов почв, которые в дальнейшем подлежат, конечно, более детальному изучению, в особенности в отношении динамики совершающихся в них процессов.

Лаборатория Почвоведения Азербайджанского Политехнического Института.

К статье Смирнова-Логинова.

ПРОФИЛЬ

линии у сел. Гиши, Варандинского района от Бабагаджин-дара, через Бабагаджи-ял, Пици-дара, Кямала-багин-ял, Кямала-багин-дара, Севегя-хут, до Саксаган-дара и диаграммы гумуса и углекислоты.

Углекискота.

Гумус.

640,0; 653,6 . . . . высота пунктов над уровнем моря в метрах.

МАСШТАБЫ:

Вертикальный — 1mm = 1 метру.

Горизонтальный — 1mm = 10.667 м.

Для диаграмм — 1mm = 0,1 м%.

И. Мещанинов.

Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана.

Доисторические памятники бывших Елисаветпольской и Бакинской губерний, ныне вошедших в состав Азербайджана, в свое время обратили на себя большое внимание и в русской, и в западной научной литературе. Интерес к ним за последние годы ослабел в значительной степени, но, несмотря на это, именно к ним, к этим памятникам, направилась моя исследовательская работа в бытность мою осенью минувшего года в Баку. Встретив исключительно радушный прием и сразу увлеченный здоровою, интенсивною научною деятельностью местных работников на родном мне поприще, я использовал полуторамесячное мое здесь пребывание в двух направлениях. Невольно, после ознакомления на месте в Армении с памятниками мегалитической культуры, я пытался собрать о них же материал и на почве Азербайджана. Тут мне посчастливилось больше, чем я мог ожидать. Специалисты из местных научных работников в первые же дни моего приезда представили мне ряд сведений, не имевшихся ни в одном печатном издании. Так, я был в точности осведомлен, что мегалиты в виде домленов и кромлехов (оджак) различных типов находятся во многих местах заинтересовавшего меня края и, что наиболее именно для него характерно, не заглохли здесь, как забытые памятники старины, пережили века и тысячелетия и сохранились, пережиточно изменив свое назначение, даже в быту современного населения Азербайджана, связав его, несмотря на последовательную смену господствующих национальностей, с отдаленными насельниками страны.

Нынешние обитатели Азербайджана, судя по данным археологического материала, восприняли очень многое от различных наслоений этнических масс, наседавших одна на другую и смешивавшихся в процессе образования цельного населения последующих эпох. Связь с до-историею края оказалась не порванною и многие в современном быту в особенности сельского населения обширного края, становится понятным при обращении нашего взгляда на далеко отдаленное прошлое.

Проходили века, проходили тысячелетия, но народные обычаи сохранялись в своей основе, принаравливаясь к духу времени, а иногда и получая новое осмысление. Так обстоит дело и с мегалитами. Когда то их

воздвигали, как культовые памятники, потом население забыло их прямое назначение и истолковало, как могилы шейхов, охраняя неприкосновенность этих пиров. В них мы имеем мертвые памятники, хотя и не умершие в сознании населения, но есть и другие, живые, приспособленные совсем для других целей. Я имею в виду те круги из камня, которые, как указал мне Директор Музея Давид-бей Шарифов, продолжают воздвигаться современными нам жителями края для народных игр, связанных с определенными периодами земледельческих работ. И если в беганииl вдоль каменного круга чувствуется культовый пережиток, то только чувствуется, но уже не содержит в себе акта религиозного служения.

Весьма интересно и то, что такое же явление наблюдено и в Индии у кассиев Ассамского нагорья [1]), тоже продолжающих и ныне сооружать круги из камня. У них, как и в Азербайджане, такие „мегалиты" еще не умерли в живом быту и эта длительность жизни их соединяет обе отдаленные страны без какого либо взаимного влияния их друг над друга, без заимствования одними у других, но лишь самим фактом живучести обычая когда то широко распространенного, но в одних местах забытого, а в других нет. Не менее любопытно и сделанное мне местным научным работником Алескером Алекперовым указание на такую же живучесть долменоидов, наблюденную им в детстве в окрестностях самого Баку, в Шихово-деревне (Биби Эйбат), где тюрки мусульмане, близь кладбища, сооружали из трех камней с каменным же покрытием небольшие домики для своей души, чтобы она, по смерти строющего, имела уже готовое пристанище. Казалось бы, что одних этих данных вполне достаточно, чтобы в полной мере оправдать мое очень кратковременное пребывание в столице Азербайджана и теснейшим образом связать мои научные интересы именно с этим краем.

Но не одно только это выпало на долю моих работ по Азербайджановедению. Я имел еще другое научное задание. Мне казалось заманчивым углубиться и в первые века исторической жизни этой страны, мне хотелось проверить по урартским текстам то указание современных нам историков, которое находится на первых страницах их трудов, начинающихся упоминаем, что Ассирия и Урарту не были чужды Прикаспийскому Закавказью [2]). В ряде докладов, читанных мною в Университете, в Археологическом Комитете и Обществе Обследования и Изучения Азербайджана, я сначала предположительно, а потом и более уверенно указывал на необходимость прослеживания на почве Азербайджана памятников урартских и современной урартам местной культуры. Один из этих докладов, читанный на торжественном заседении общества, уже появился в печати [3]).

Основываясь на надписях из Захалу, Келаны-Кирланы (Алучяу) и большого летописного свода Сардура сына Аргишти из западной ниши Ванс-

---

[1]) G. Wilke, Kultur beziehungen zwischen Jndien, Orient und Europa, Mannus № 10 (1923).. s. 20; Jurn. As. soe. of. Bengal, vol XLVIII. part. I, pl III.

[2]) В. М. Сысоев. Краткий очерк истории Азербайджана, Баку 1925 года; Е. А. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана, Баку 1923 г.

[3]) „До-исторический Азербайджан и урартская культура", Изв. Общества, т. I. 1926 г.

кой скалы [1]), я пришел к определенному выводу о том, что походы этого Сардура и сына его Русы были направлены из страны Аркукини, то есть с восточного берега озера Гокча, далее на Восток, по направлению к Каспийскому морю в первую очередь в районе Гянджи. Отмеченные надписи дали целый ряд названий областей, характеризованных, как отдельные, политически самостоятельные единицы, приурочение которых к восточному бассейну междуречья Аракса и Куры представлялось бы, по моему мнению, наиболее правильным. Такая предварительная работа встретила в Бакинских научных кругах полное сочувствие и даже, более того, я не слышал ни одного возражения по основному направлению моей мысли. Возбужденный интерес вызвал и определенные дополнения. К указанной мною Албании, по халдскому тексту летописей Сардура „Куха-Албани", была тут же в прениях по докладу, прибавлена В. М. Сысоевым и Авгания, по халдской передаче Акуани Аквани [2]). Но все это оставалось пока в области лишь теоретических предположений, так как среди археологических находок в нынешней территории Азербайджана не было отмечено ни одного клинописного ни урартского, ни ассирийского памятника.

Вернувшись в Ленинград, я продолжал работы в тех же двух направлениях. В области халдоведения шел медленный просмотр топонимических названий. В области вообще до-историки было приступлено к учету существующей литературы и к составлению рабоче-археологической карты Азербайджана. И то и другое приняли на себя молодые ленинградские научные работники Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Им и обязаны мы обнаружением исключительного по своему интересу памятника, не только подкрепляющего выводы мои о проникновении в VIII веке до начала нашей эры урартов—халдов в Гянджинский район, но и позволяющего точнее датировать целые серии могильных сооружений, а через них и определенную культурную эпоху Закавказья.

Эта маленькая размером вотивная бусина имеет громадное научное значение и для Азербайджана и для всего Закавказья, не безинтересна она, как подлинник, и для ассириологии. Исследовательская работа над нею, проливающей свет на целую эпоху до-истории Края и ставящую на очередь вопрос о значении письменности в Азербайджане еще за несколько веков до начала нашей эры, сама, только что законченная в части определения предмета, приурочивает себя и по содержанию своему и по своему значению Первому Тюркологическому с'езду, созываемому в том же месяце в столице Азербайджана. Ему и посвящаются настоящие наши заметки.

4-го февраля 1926 года.

---

[1]) Материалы по Археологии Кавказа, вып. V, надписи XV и XVIII; Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, Надпись Сардура Второго из раскопок наши на Ванской скале, столбец V, изд. Рус. Арх. Общ. 1922 г.

[2]) Надпись Келаны-Кирланы, стр. 7, графически Акuani, см. М. В. Никольский Материалы по Археологии Кавказа вып. V.

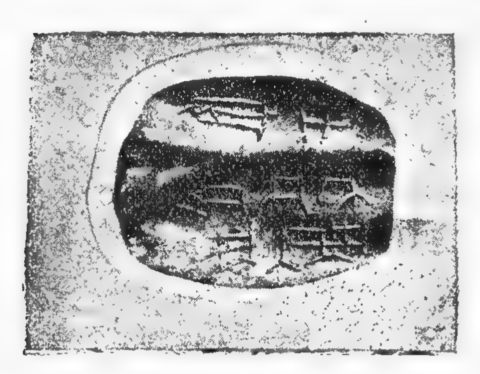
Бусина с клинописью из Ходжалинского могильника.

Просматривая отчеты Археологической Комиссии. Т. С. Пассек и Б. А. Латынин обратили свое внимание на небольшую бусину, найденную Реслером в 1895 году в Ходжалинском кургане № II. Об этой бусине в рукописном отчете Реслера буквально написано следующее: „Продолговатая буса из камня, похожего на агат. Половина снабжена врезанными в нее знаками, напоминающие собой моабитские или набатейские надписи“ [1]).

Здесь Реслер несомненно промахнулся, так как никакого моавитского письма на бусине не имеется. Ошибся и Вирхов, не проверивший памятника и ограничившийся повторением текста, хотя и снабдив его несколькими вопросительными знаками: „mit merkwürdigen Einritzungen, fast den moabitischen schriftcharakter tragend (??)“.[2])

Правда, тот же Реслер, печатая свой отчет по текущим археологическим раскопкам в том же, как и Вирхов, немецком издании, оказался уже осторожнее, сказав про интересующую нас надпись на бусине: „Wenn wir es hier nicht etwas gar mit Reilschrift zu thun haben[3]). Совсем осторожен был составитель отчетов Археологической комиссии, отметивший лишь „какие-то знаки в виде письмен“ на затронутом нами предмете.[4]) На этом дело и остановилось.

Имея в своем распоряжении фотографию с бусы, приложенную к отчету Реслера[5]) я, воспользовавшись любезностью ученых хранителей Эрмитажа, познакомивших меня с самим подлинником, я обратился к специалистам по передне-азиатской клинописи проф. В. К. Шилейко и В. В. Струве. Достаточно отчетливая фотография, при сем прилагаемая, дала возможность определить надпись, как ассирийскую и прочесть первую и третью ее строки, а В. К. Шилейко без особого труда прочел и вторую строку, заключающую в себе собственное имя. В результате оказалась разобранною вся трехстрочная надпись и не возбуждающий никакого сомнения ассирийский текст ее представился в следующем виде:

Фотография бусины из Ходжалинского могильника (увеличено).

E — GAL
. mADAD — NIRARI
ŠAR RIŠŠATI

На русском переводе:

Дворец Ададнирари, царя вселенной.

Бусина черная с двумя светлыми поясками по краям, небольшая, дли-

[1]) Дело Арх. Ком. № 60, 1895 года. отчет Реслера стр. 30. под № 7.

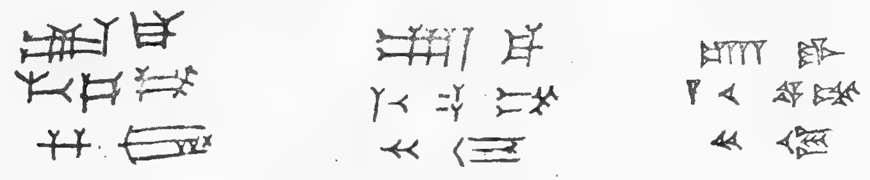
[2]) Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fur Antropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1895, s. (sso).

[3]) Verhandlungen, 1896, s. (178) № 7.

[4]) Отчет Арх. Ком. за 1895 г., стр 50.

[5]) Она воспроизведена в упомянутом выше отчете Арх. Ком. В. Verhandlungen, см. ц. м., помещен абрисный чертеж рисунка Реслера.

ною 1,9 см., шириною 1 см., высотою 0,9 см. Она похожа на двойной скарабей. У одного тонко отделанного конца заметна головка жучка с алмазами. Верх и низ предмета отделаны одинаково с желобками по спи-

1. Текст по подлиннику. 2. Аналитическая транскрипция, 3. Транскрипция обычными знаками ассирийской клинописи.

не и такими же желобками по бокам. Отверстие для нанизывания проходит вдоль бусины от одного конца к другому. Надпись идет по одной стороне ее, полная, со всеми сохранившимися знаками, вся целиком идеограммами. Система письма значительно отходит от обычного письма клинописью по глине. Головки знаков расходятся рожками, в некоторых сочетаниях несколько малых головок сливаются в одну линию. Знаки иногда набегают один на другой и соприкасаются там, где обычно разделяются, например, первые два знака второй строки, или сливаются в один знак, как это вышло с идеограммою царя в начале третьей строки. По внешнему виду получилось скорее графическое письмо линиями, чем клинописное, что и смутило русских и немецких ученых, видевших бусину в подлиннике и тем более в воспроизведениях. Но это не уник и техника писания его об'ясняется качеством твердого камня, неподдающегося мелкому начертанию клинописи. Аналогии нашей бусине уже известны, хотя бы по печатному труду Мессершмидта [1]). Но, приведенные немецким ученым тексты разнятся от Азербайджанской находки в деталях содержания, графика же совпадает в полной мере. В общем, это такая же, как и изданные Мессершмидтом.

Таким образом, в загадочной бусине из Хрджалы мы имеем первую известную нам клинописную ассирийскую надпись в Азербайджане, при чем она прекрасно датируется годами царствования упомянутого в ней Ададнирари, современника урартского царя Аргишти, сына Менуи, то есть 763—755 годами [2]).

Ададнирари, как известно, был слабым противником своего северного соседа Урарту. При нем Ассирии вообще грозила печальная участь и урартские полчища были для нее победоносным противником. Ададнирари терпел ряд поражений от своего мощного врага, так же как и сын его Ашурнирари, разбитый урартским царем Сардуром, сыном Аргишти, похвалявшимся своею победою следующими словами: „великою к нам милостью победил он (т. е. Халд, которому царь приписывает свои победы) в один год страну Уели-Кухи..... победил он Ашурнирари, сына Ададнирари царя страны Ассура..... повержены они (пред Сардуром сыном Аргишти, бог

---

[1]) L. Messerschmidt, keilschrifttexte aus Assur, Heft I (1911) надписи № 35-36.

[2]) H. K. Hall, the ancient historij of the Near East, London 1924, таблица на стр. 516: E. F. Weidner, Die Könige von Assyrien, Neue chronologische Dokumente aus Assur, Leipzig 1921.

Халд велик, бога Халда милость велика"[1]) „Что урартские цари в этот расцвет могущества их Биайнского государства много похитили ценных вещей из ассирийских городов, дворцов и храмов богов Ассура и Мардука, об этом упоминает и Саргон в письмах к своему богу покровителю [2]) и, конечно, не удивительно, что такая ценная вотивная бусина, как наша, могла оказаться в распоряжении урартского царя или его военачальников. Каким же образом она попала на почву весьма далекого от Ассирии Азербайджана, это вопрос, но скорее всего, что через тех же урартов.

Такое предположение, как бы подкрепляется теми моими заключениями, которые, на основании Халдских-урартских текстов трех упомянутых выше надписей, побуждали меня именно Сардура, сына Аргишти прослеживать в его завоевательных походах на восток от озера Гѐкча. Здесь, на территории Азербайджана, он не был разбит, так как иначе он не упоминал бы о своем сюда походе; неудачные военные действия умалчивались в летописных текстах. Поэтому, менее всего вероятно, чтобы бусина попала на берег Каркар-чая местному феодалу, как добыча. Скорее всего, что она подарена урартскому союзнику из местных царьков или же погребена вместе с телом урартского вельможи, скончавшегося во время похода. Впрочем, к сожалению, самого костяка не сохранилось, но все же по инвентарю могильника можно в нем подозревать и женское погребение. Если это верно, то последнее из выше приведенных предположений отпадает, повидимому отпадает оно и по другим соображениям, о которых придется сказать несколько слов ниже, и в таком случае остается или дар покровительствуемому местному, несомненно, сильному человеку, или же приобретение им означенной бусины каким либо иным путем и скорее всего через тех же урартов, если только он сам не участвовал с урартскими войсками в набегах на Ассирию. Сами же ассирийцы при Ададнирари и его ближайших преемниках в этот северный для них район проникать не могли.

Гянджинский округ вообще, в частности и его Ходжалинский район, очень богат могильными сооружениями и, как видно из следующего за сим археологического очерка, погребениями не однотипными. Могильный курган № II, передавший нам предмет, послуживший темою для настоящей моей заметки, относится к пятому типу курганов, характеризованному каменною насыпью, покрывающею каменный ящик иногда весьма больших размеров, до четырех сажен длины [3]). Это богатые погребения с однотипным инвентарем, с ценными вещами, иногда и с золотыми предметами. Другие типы могильников разнятся от предыдущих, разнятся они и между собой.

В них мы имеем или погребения различных социальных слоев населения, или же погребения различных эпох. Но и курганы пятого типа, к которому принадлежит и наш могильник не одиночны даже в районе Хо-

---

[1]) Надпись из Ванв, Сурб Паулос по фотографии, хранящейся в Яфетическом Институте Академии Наук, см. Sayce, Gour. As., Sac; надпись XLVIII, полностью у Lemann-Haupt.

[2]) Письма к богу Assyry. cmk. 407; см. Thureau-Dangin, sargon, Paris 1912.

[3]) Могильный курган № 7.

джалы, а это еще более указывает на погребение тут местных жителей из числа местной знати, а не урартского пришельца. Здесь пред нами едва ли урартский памятник и, вероятнее, всего, туземный, Азербайджанский, хотя бы и современный урартскому периоду.

Рёслер был прав, когда в своем отчете отметил, что загадочная для него бусина сможет уяснить датировку могильника. Действительно мы теперь знаем что он не древнее первого года царствования Ададнирари, то есть 763 года до начала нашей эры, но точнее определить его дату все же, конечно, невозможно по тем данным, которые мы пока рассматривали. Для этого остается обратиться к анализу остального инвентаря могильника, но и такой анализ в настоящее время, при недостатке материала, приходится делать с большой осторожностью. Все же, как ни была сложна оценка инвентаря, во всяком случае, хотя бы она и была ассирийского происхождения, рассматривать отдельно от прочих, связанных с нею находок. Лишь отчет всего материала даст нам общую картину находки и выяснит место скрывавшего ее могильника среди других памятников Закавказья, поэтому то к настоящей моей заметке и присоединяется археологический очерк могильников Ходжалы, сделанный Т. С. Пассек и Б. А. Латыниным.

Азербайджанские могильники—это ценнейший материал для суждения о судьбах доисторического Азербайджана. По ним мы видим, что даже в те отдаленные века тут была хорошо развитая культурная жизнь, чему не противоречат и халдские-урартские тексты, повествующие о захвате в восточном от озера Гёкча районе по меньшей мере 120 населенных пунктов городского типа и разрушении дворцов местного строения [1]). Эти письменные источники должны быть дополнены вещевыми находками и в этом заключается очередная задача азербайджанских археологов. Кроме того, на очереди стоит вопрос о классификации памятников по эпохам и в этой предстоящей работе даже одии Хаджаллинский район своим разнообразием могильного погребения невольно обращает на себя исследовательское внимание. Впрочем, он манит к себе не одним только безгласным материалом.

Дело в том, что в однотипном кургане № 7 Рёслер заметил на каменной кладке стен могильного ящика какие-то рисунки и знаки [2]). И это не единичный случай, осложняющий вопрос о загадочных письменах Закавказья рассматриваемого периода. Так, пробегая отчеты Рёслера по раскопкам других могильных сооружений Ходжалы, мы наталкиваемся на такое описание бусин, как „viele kleine, länglich-runde, fassartige, mit eingeritzten zeichen", при чем воспроизводимый тут же рисунок, правда довольно небрежный, дает полное основание предполагать в оригинале клинопись подобную рассмотренной нами [3]). „Если же довериться Рёслеру, отметившему, что такого рода бусины имеются не в одном только экземпляре и в большом количестве (viele), то мы до известной степени впра-

---

1) Летописи Сардура, ц. с., V столбец, стк: 25.

2) Verhandlungen, 1896, S. (86).

3) Verhandlungen, 1898, S (441).

ве подозревать, что не все они ассирийского происхождения, так как большего количества ассирийских бусин в Азербайджан все же попасть не могло. Необходим тщательный просмотр всего материала и тогда возможны неожиданные для нас находки, например, пока нам неизвестны клинописи на бусинах урартского производства и кто знает может быть местного. А при таких, вовсе уже не столь невозможных условиях, покажется далеко не столь невозможным, что сходное письмо найдется и не на одних только предметах украшения. К тому же, чтобы быть точным и избежать подозрения в том, что подобного рода исключительные по своему значению находки свойственны только курганам Ходжалы, оказавшимся будто бы каким-то оторванным в этом отношении, от других мест пунктом, отмечу, что какие-то письмена имеются и на пластинке золотого кольца, а также и на самом кольце, переданном Рёслеру в сел. Довшаплы (Арчадзор) Джеваноширского уезда*). Таким образом Ходжалинские могильники подымают общий для Закавказья вопрос и во всяком случае не ограничиваются маленькой территорией, прилегающей к почтовой станции, носящей это имя. С открытием Ассирийской клинописной бусы пред нами расширяются горизонты истории Азербайджана. Мы уже можем точнее датировать определенный тип могильника и его вещевой инвентарь. Мы можем с большею точностью продолжать классификацию археологических памятников Азербайджана и всего связанного с ним Закавказья. Мало того, мы начинаем подходить и к письменам его, к возможным письменам местного производства, туманные слухи о наличии которых еще столь недавно казались весьма легендарными. Просмотр музейного материала, анализ его и во всяком случае планомерные раскопки для получения проверенного, еще неизвестного, материала выяснят картину далекого прошлого края, случайные отрывочные сведения, о котором вырисовывают его уже вполне культурно сложившимся к моменту проникновения сюда халдско-урартского политического влияния.

Рёслер, как мы знаем на нашем примере, далеко не был кунеологом, но он все же был до известной степени наблюдательный археолог. Поэтому, указания его требуют поверки. Если бусина была вывезена из Ассирии, то все многие другие предметы и тем более громоздкие каменные плиты не могли быть доставлены оттуда. Имея перед собою местные погребения и предполагая в них изрядное количество предметов с клинописью, мы неизбежно становимся перед очередным заданием об отражении ее на древнейшем местном азербайджанском письме.

Этот сложный, но первостепенной важности для Азербайджана вопрос, естественно влечет к себе не одних только азербайджанских ученых. Но им в первую голову надлежит использовать археологическое богатство родного края и во всяком случае не дожидаться, чтобы материал, находящийся у них под руками, ушел в обработку иностранных ученых, что имело место с находками Рёслера, печатавшего свои отчеты в немецком

---

*) Verhandlungen, 1899, S. (246—247), правда знаки на этом предмете, как видно из сделанного Рёслером от руки рисунка, не похожи на им же воспроизведенные письмена бусин.

научном органе, более популярном в широких кругах исследователей, чем отчеты Археологической Комиссии.

По какому бы пути не пошли дальше наши научные искания, все же первую клинопись, найденную на почве Азербайджана и уточняющую понимание его ценнейших археологических памятников, проливающую свет на связь его с великим культурным миром передней Азии, представилось возможным определить с полною достоверностью. Определение этой загадочной когда-то бусины категорически решает вопрос о древности той культурной эпохи, которая по месту и обстановке находки оказалась с нею неразрывно связанною, и культурная эта эпоха не переходит начальной даты царствования Ададнирари, т. е. 763 года.

Обстановке находке и ознакомлению с тем кругом предметов, каковой оказался в одном погребении вместе с бусиною, посвящается следующий за сим археологический очерк.

Датировку вещевых памятников см. S. Wilke, Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. Zeitschrift für Ethnologie, 1904, s. 99 k v.; W. Belck, Archäologische Forsehungen in Armenien, Verhandlungen, 1893, s. 64,81; A. A. Ивановский, Мат. по Арх. Кав., VI, стр. 183—184 и др.

Т. Пассек, Б. Латынин.

Ходжалинский курган № 11.

(Археологический очерк).

В 1895 году, преподаватель немецкого языка Шушинского Реального училища Э. А. Реслер, продолжая раскопки, которые он вел, по поручению Археологической Комиссии в Карабахе, производил исследование в ближайших окрестностях почтовой станции Ходжалы, лежащей в 22-х верстах на северо-запад от Шуши, по дороге в Евлах. В числе прочих, в этом году был раскопан курган, зарегистрированный в представленных им отчетах за № 11 [1]).

Приводим выписку из подлиного отчета Э. А. Реслера [2]): Курган Ходжалы № 11.

Каменная насыпь с каменным ящиком без крышки. Время работы $2^1/_2$ дня: 8, 9, 10 июля.

Курган № 11 находится почти против почтовой станции, у почтовой дороги. Расстояние его от кургана № 13—10 шагов, от кургана № 10 120 шагов. Курган этот состоит из громадной насыпи камней разной величины, взятых некогда из соседней реки.

Размеры этого плоского кургана следующие: высота—12 футов. Окружность нижнего основания —400 футов. Окружность верхнего основания—112 футов.

По удалении камней, мы в глубине 5 футов в средине насыпи наткнулись на каменный ящик из нетесаных плит, поставленных одна на другую. Каменной крышки не оказалось, но зато могила была вся наполнена речными камнями. Очистив ее от камней, лежащих здесь слоем толщиной в $5^3/_4$ фута (считая от верхнего края боковой плиты), я под камнями нашел в черноземном слое, толщиной в 1 фут, разные вещи, означенные ниже. Они лежали на северо-западной стороне ящика, за исключением нескольких бус, остатков пепла и костей, рассеянных по краям могилы и золотых колец и бронзовой птицы, лежавших далее в средине.

Размеры боковых плит:

Размеры каменного ящика:

длина . . . . 13 ф.
ширина всюду . . . . . 7 ф.

высота, считая от края верхних боковых плит до естественного грунта — 6 ф. 4 дм.

длина . . . . до $4^1/_2$ ф.
высота . . . . до $2^1/_2$ ф.
и толщина . . . . . 10 дм.

---

[1]) Отчет Археолог. Ком. за 1895 г. стр. 50; Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und urgeschichte—1895, s. 549; 1896, s. 176.

[2]) Дело Археолог. Ком. за 1895 г. № 60, стр. 28—29, хранящееся в Архиве Росс. Академии Истории Материальной Культуры, в Ленинграде.

Плит на основании не оказалось.

Положение кисты: от северо-северо-запада на юго-юговосток И далее у Э. А. Ресслера[3]). „В могиле были разбросаны немногие хрупкие остатки человеческих костей и фрагменты пепельных сосудов простой формы, из сероватой и красноватой глины".

В могиле были обнаружены следующие предметы[4]):

1. (1). Бронзовая, прорезная, полая подвеска в виде птички (рис. 4).

2. (2). Бронзовый, массивный предмет в форме молоточка (рис. 6 с.).

3. (5). Бронзовая пластина (обломок ножа) (рис. 6 d).

4. (6). Бронзовое острие (рис. 6 е).

5. (3). Железное, загнутое на конце крючком, острие (рис. 6 f).

6. (4). Обломок длинной узкой железной пластинки (рис. 6 g).

7. (8). Два тонких, плоских, золотых кольца с несомкнутыми концами. Одно, на внутренней стороне имеет орнамент, нанесенный штрихами и точками.

8. (9а). Куски тонкой, золотой бусы.

9. (9в, с). Обломки золотых пластинок с штриховым орнаментом (рис. 6а, в).

10. (11). Большое количество (368 штук), преимущественно сердоликовых, бус.

11. (7). В числе их одна из похожего на агат, камня, продолговатой формы бусина, с продольным сквозным отверстием. На одной стороне врезаны в три строки клинообразные знаки как сейчас выяснилось, с именем ассирийского царя Адад-Нирари. (рис. см. предыдущую статью И. И. Мещанинова).

12. (10). Плоская, очень небольшая, из желтоватой глины чаша. По наружной поверхности, широкими зелеными полосами нанесен орнамент, образующий, свисающие от краев ко дну, углы. (рис. 5).

13. (—). Фрагменты „пепельных сосудов простой формы из сероватой и красноватой глины"[5]).

При впадении р. Ходжалинки в Каркарчай, по обоим сторонам дороги Шуша-Евлах, в ближайших окрестностях ст. Ходжалы, находится значительное количество курганных насыпей и могильников с погребениями не обозначенными на поверхности (рис. 1).

Курганные насыпи по внешнему виду пяти типов[6]) (рис. 2):

1. Очень высокие, земляные, конусообразные, около вершины с восточной стороны, покрытые камнями.

2. Высокие, земляные с плоской вершиной, с котловиной наверху, выложенной камнями.

3. Такие же, большой и средней величины, с котловиной не выложенной камнями.

4. Невысокие земляные, расплывчатой формы.

---

[3]) Дело стр. 30.

[4]) Порядок размещения и описание инвентаря наш, №№ подлинной описи Э. А. Ресслера в скобках. Рисунки схематисеские по Ресслеру.

[5]) По определению Э. А. Ресслера, См. подлинное дело.

[6]) Verh., 1896, s. 78.

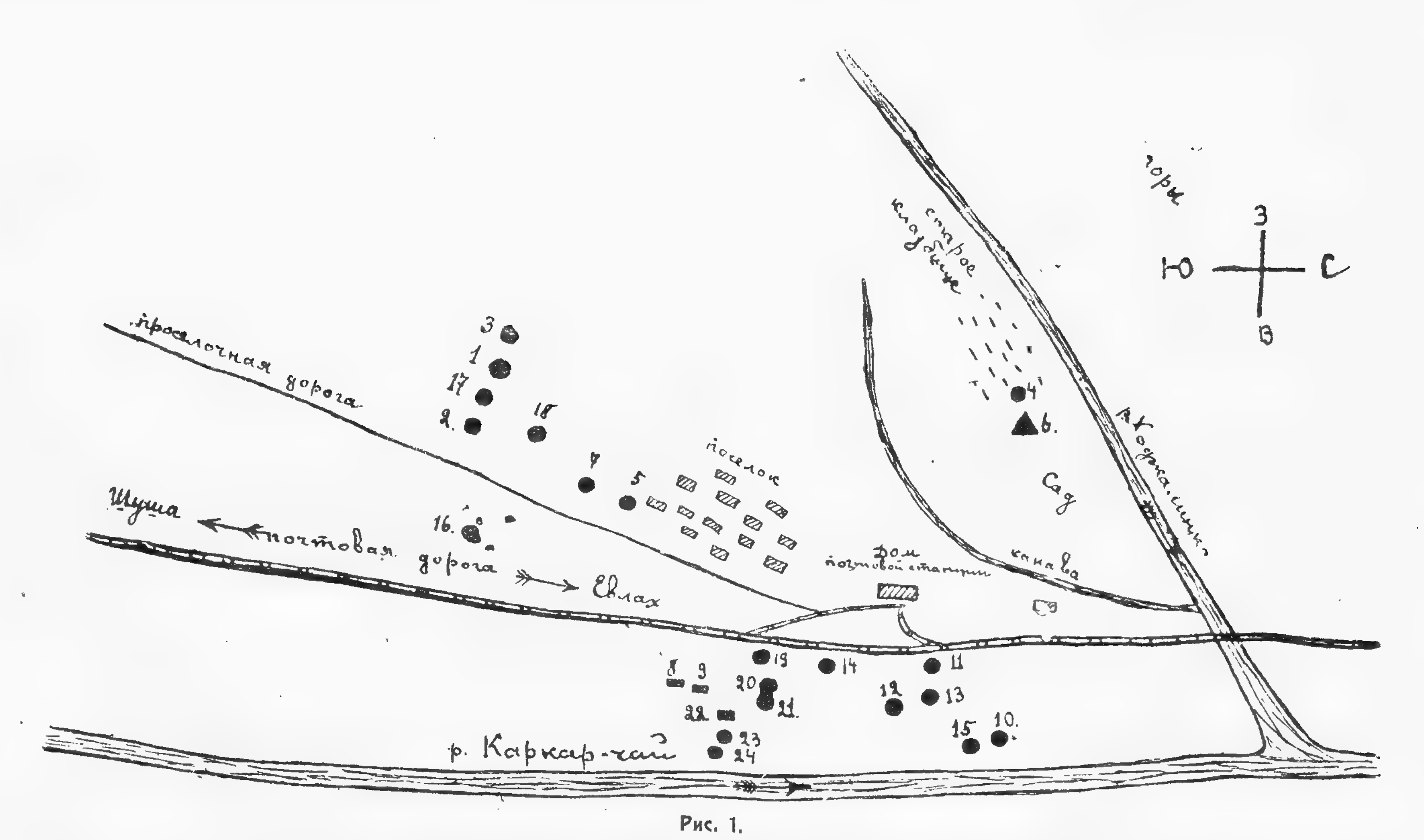

Рис. 1.

Схематический плани местности у ст. Ходжалы. Черными кружками обозначены раскопанные курганы. Черными прямоугольниками — „каменные ящики". Треугольником — поздняя гробница.

5. Средний, реже малой величины, с насыпью, тщательно сложенной из довольно больших речных камней, с плоской вершиной:

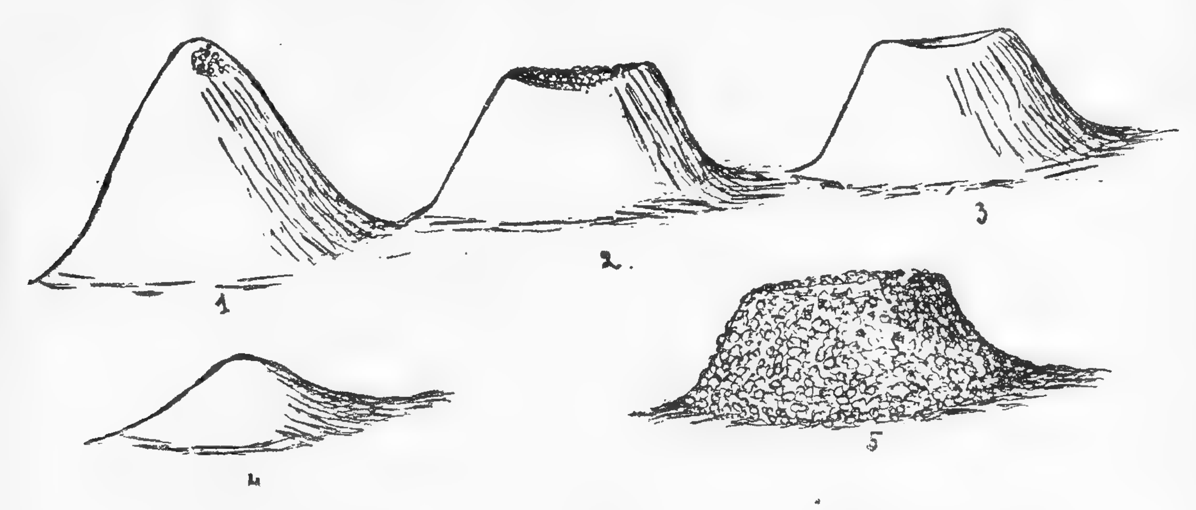

Рис. 2.

Схематический рисунок типов курганных насыпей района Ходжалы.

Располагаются курганы, всех указанных типов в перемежку и только огромные насыпи 1-го типа лежат несколько изолировано, западнее других.

Э. А. Реслером, за время с 1894—97 г.[7]) было вскрыто 20 курганов, 2 „каменных ящика", 1 „металитическая" гробница и 1 гробница позднего времени.

Можно выделить следующие типы погребений:

Погребения не отмеченные на поверхности:

1. Из обширного могильника такого типа вскрыто Реслером—два, а Ивановским—в 1896 г.—четыре[8]) погребения типа „каменных ящиков" и

2. Одна гробница, названная Реслером „металитической"—тот же „каменный ящик", сложенный из громадных, хорошо обтесанных плит.

В редких случаях встречен обряд служения:

3. Под громадной насыпью 1-го типа, состоящей из песка, с мощным слоем речных камней в основании, у горизонта толстый пепельный слой с остатками трупосожжения. (Курган № 1; тоже в кургане № 18, под насыпью 5-го типа).

4. В большей насыпи 2-го типа, больших размеров яма, заполненная угольными и пепельными слоями с остатками костей и отдельными предметами (Курган № 2).

5. В насыпи 4-го типа, костяки вытянутые на спине (Курган № 4, 5, 13, 16). В одном случае такой обряд отмечен в насыпи 5-го типа—видимо повторная досыпка основного кургана (Курган № 18).

6. Под насыпью 5-го типа, погребение в грунтовой яме, заполненной песком с речными камнями (Курган № 17).

---

[7]) Отчет о последних раскопках у ст. Ходжалы—1898, 453.

[8]) Материалы по Археологии Кавказа, т. VI стр. 149—150.

7. Под небольшой насыпью 5-го типа, погребение в сложных из каменных плит ящиках, прикрытых сверху (Курган № 23, 24).

8. В насыпях 5-го типа, в гробнице обставленной вертикальными каменными плитами не прикрытой сверху (Курган № 12, 15).

9. Под насыпью больших размеров 5-го типа, громадная сложная из полигональных плит известняка, гробница, не прикрытая сверху (рис. 3).

К этому типу погребений и относится курган № 11, в котором обнаружена буса с именем Адад-Нирари. К этому типу принадлежат курганы №№ 7, 11, 14, 19, 20, 21. В последнем, кургане № 21, на дне гробницы, в глинистом слое, наблюдались остатки сожжения [9]).

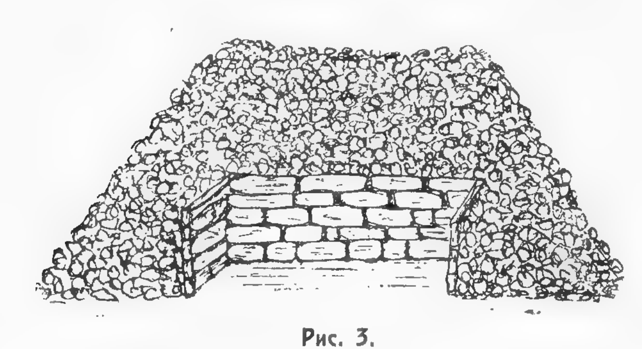

Рис. 3.
Схематический разрез кургана № 11.

Таким образом, курган № 11, в котором была обнаружена интересующая нас буса, не является единичным, отличающимся от остальных, в этом районе. Его большая каменная насыпь тщательно исследованных сложена из крупных речных камней. Могильное сооружение—громадная, не прикрытая сверху гробница из полигональных плит, заполнена речными камнями, как и всегда в погребениях 9-го типа, так что в нетолстом черноземном слое на дне гробницы, сохраняются в беспорядке лишь обломки костей погребенного, а инвентарь рассеян тут же. Все эти признаки ставят курган № 11 в ряд подобных ему курганов №№ 7, 14, 19, 20, 21 характерны именно для района Ходжалы (все под каменной насыпью 5-го типа).

Что касается инвентаря кургана № 11, то он тоже не представляется чем-то изолированным не только в кругу этих тождественных ему по обряду погребениях, но имеет аналогии и в остальных курганах всех перечисленных типов, района Ходжалы. Аналогии эти возможно проследить и в ряде других памятников этого же периода—конца бронзы—начала железа, в Закавказье вообще. Правда, надо оговориться, что курган № 11 и аналогичные ему, не дали больших находок и потому приходится ограничиться сравнением только немногих характерных вещей. Таковой в кургане № 11, является бронзовая подвеска в виде полой прорезной фигурки птицы (рис. 4).

Совершенно аналогичные птички мы имеем из находок А. А. Ивановского в количестве двух штук, из кургана с „каменным ящиком", у Карабулака, на Юг от Шуши [10]) и 5 штук из погребений в „каменных ящиках" из района Калакента, Кедабека [11]). Некоторые из них сохранили длинные бронзовые цепочки, к которым они были подвешаны.

---

[9]) По очень неполным отчетам Э. А. Реслера, не представляется возможным выяснить вполне точно погребальный обряд. Упоминание присутствия пепла, пепельных сосудов, наводит на мысль, что обряд сожжения имел место чаще, чем это отмечено исследователем.

[10]) М. А. К, т. VI, стр. 155 и таб. IX—рис. 14,18.

[11]) М. А. К., т. VI, стр. 99 и таб. IX—рис. 16 (2 экз.); стр. 118 и таб. IX—рис. 17 (2 экз.); стр. 124 и таб. IX—рис. 15.

Такие же птички, были найдены в 1899 и в 1900 г.г., Э. А. Реслером, в курганах около кол. Еленендорф, в Елисаветпольской губернии [12]).

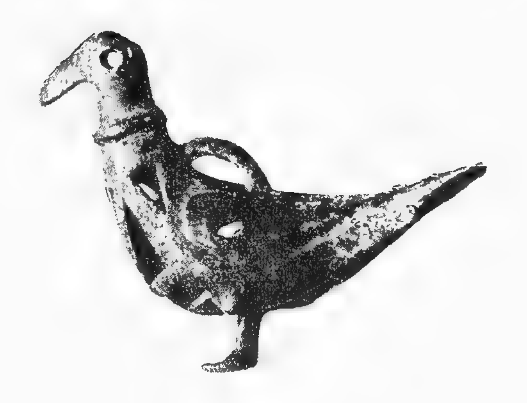

Рис. 4.
Бронзовая подвеска 1/1.

По поводу Ходжалинской находки профессор Вирхов указывает на треугольные вырезы на теле этой птички, как на особенность, чрезвычайно характерную для изделий Закавказья [13]). Он проводит параллели с прорезными привесками из находок J. de Morganá, в Актана и Муссиери, на север от озера Гокча [14]). Эту аналогию, в отношении приема орнаментации, действительно характерного для бронзы всего района Закавказья, можно продолжить, указав на громадное распространение его и далее, почти во всех известных могильниках, на различных подвесках, набалдашниках, кинжалах и проч.

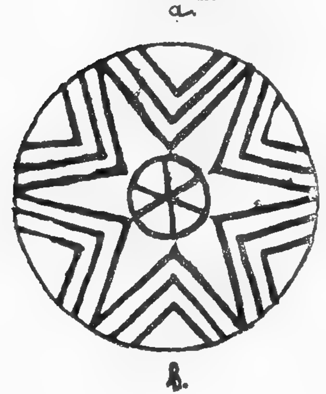

Рис. 5.
Глиняная чаша с росписью зеленой краской 1/4.
a—вид в профиль.
b—вид снизу.

Плоская чашка, найденная в кургане № 11 (рис. 5), по своей форме и росписи стоит особняком от всех типов керамики, в громадном количестве обнаруженной в курганах и могильниках Закавказья.

Хотя могильники Кизил-Ванка [15]), близ Нахичевани и Вернаха [16]), Борчалинского уезда, дали прекрасные образцы росписной керамики, известной также по отдельным или случайным находкам и из других мест Закавказья, едва-ли можно каким-либо образом сближать с ними ходжалинскую находку. Тогда как момонодромная—черная и биохромная—черно-красная роспись тех и достигает высокого совершенства, все же представляется несомненным их весьма архаический тип. Ходжалинская же чашка, хотя бы по одному присутствию в росписи зеленой краски, представляет продукт, по на-

---

[12]) Отчет Археолог. Ком. за 1899 г., стр. 67—рис. 130: за 1900 г., стр. 79—рис. 156.

[13]) Verh., 1895, s. 550.

[14]) У. de Morgan Mission scientifique au Caucase, v. I. p. 125.

[15]) Известия Археолог. Ком., вып. 29, 1909 г., стр. 3.

[16]) Дело Археолог. Ком. 1892, 1893 г.—Командировка Н. Я. Марра в Русскую Армению, хранящееся в Архиве Росс. Академии Истории Материальной Культуры, в Ленинграде.

шему мнению, весьма развитой культуры сравнительно позднего времени или существовавшей на месте и не достаточно выявленной еще научными исследованиями, или, вероятнее всего, она не местного происхождения. Можно указать еще находки подобного рода, к которым применимо сказанное. Это фрагменты, прекрасно изготовленной поливной керамики, с нанесенными по голубому фону, покрывающему обе поверхности сосуда, желтой и зеленой краской, фантастическими изображениями животных из кургана № 20 Ходжалы[17]). Тип этого кургана и обряд погребения тождественны рассматриваемому № 11.

U. J. de Morgan, при своих работах в Ленкорани, в погребениях относимых им к периодам поздней бронзы—начало железа, обнаружил единичные экземпляры керамических изделий, покрытые голубовато-зеленой поливой, тоже стоящие особняком среди остальной Ленкоранской керамики[18]). (См. рис. 6).

Обнаруженные в большом количестве в кургане № 11, сердоликовые бусы, являются обычной частью погребального инвентаря всего Закавказья.

Что же касается металлических предметов, то такие же орнаментированные золотые пластинки (рис. 6а, в) встречены в кургане № 14[19]) а остальные малочисленны и не характерны, и найти аналогии к ним довольно затруднительно (рис. 6). Бронзовые предметы типа маленьких молоточков обычны для курганов, раскопанных в Карабахе (рис. 6с). Если же взять целиком инвентарь всех Ходжалинских курганов с каменными насыпями, с гробницами не прикрытыми и сложенными из плит, то общая картина культуры, оставившей эти погребения, могла бы быть предоставлена гораздо, яснее и аналогии, связывающие ее с погребениями других районов Закавказья, могли быть сделаны более полно. Так, найденные в кургане № 20—плоский без втулки топор[20]), длинные узкие, с загнутыми концами ножи[21]), в кургане № 19—кинжал с плоским язычком для прикрепления рукоятки[22]), в кургане № 7—цилиндрический прорезной набалдашник[23]), повторяют точно, основные руководящие формы всей Закавказской бронзы.

Среди множества находимых бус, нужно отметить бусы, из материала похожего на сюрьму, из кургана № 19[24]), покрытые знаками. Вероятно, мы здесь имеем опять появление клинописи, как и на разбираемой бусе с именем Адад-Нирари, которая, если это предположение оправдается, будет являться уже не единичным памятником такого рода на территории Азербайджана, а станет в ряд себе подобных.

---

[17]) Verh., 1898, s. 444, Fig. 61a, в., c.
[18]) J. de Morgan, Mission scientifidue en Perse, v. IV, p 105, y.—3, 4, 5, 6.
[19]) Verh., 1896, s. 181, Fig. 18.
[20]) 1898, 443, 54.
[21]) 1898, 444, 55,56.
[22]) 1898, 439, 44.
[23]) 1896, 87, 21.
[24]) 1898, 441, 51/i.

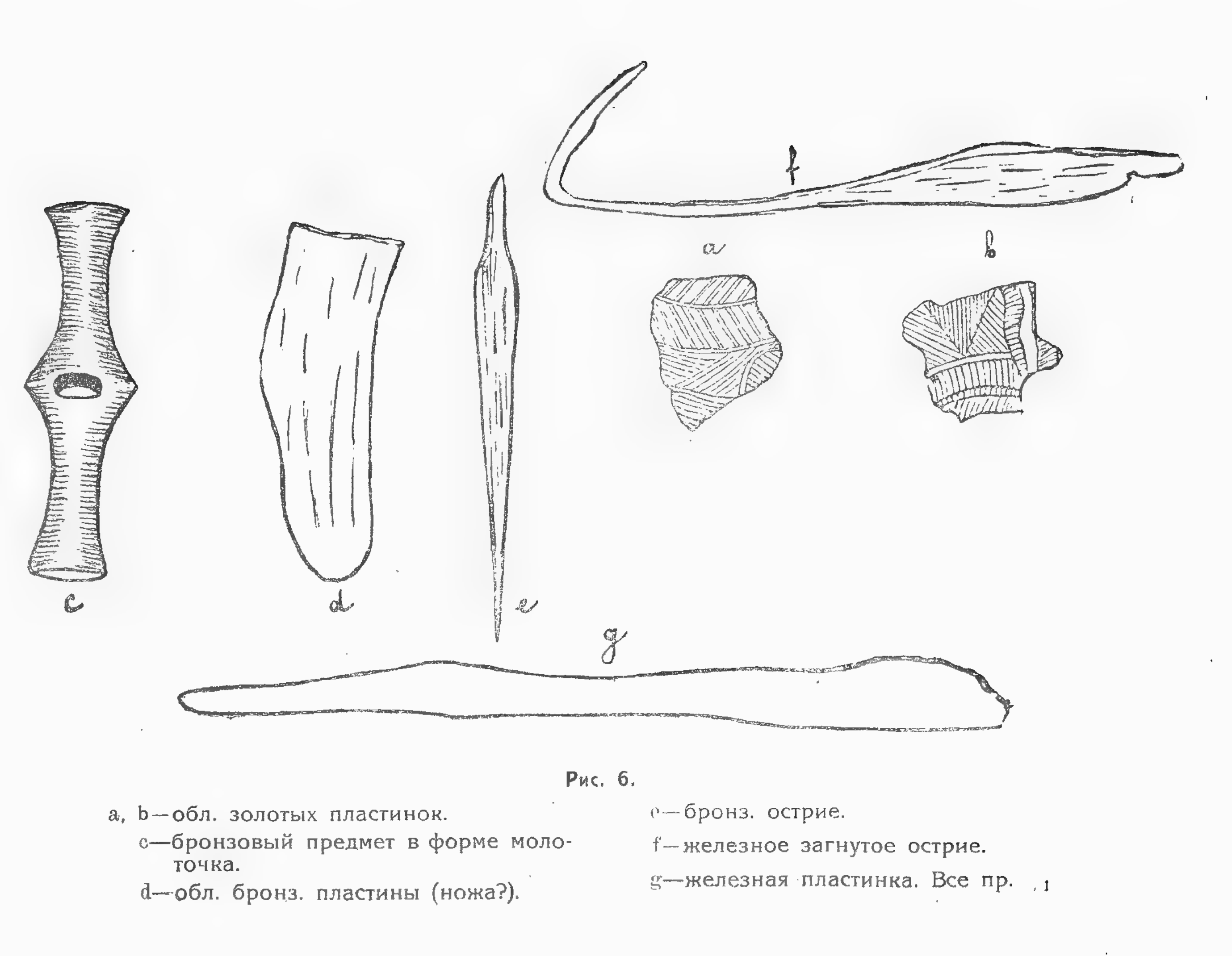

Рис. 6.

a, b—обл. золотых пластинок.
c—бронзовый предмет в форме молоточка.
d—обл. бронз. пластины (ножа?).
e—бронз. острие.
f—железное загнутое острие.
g—железная пластинка. Все пр. 1

Ходжалинские курганы разобранных типов, представляются одним из звеньев поры расцвета богатой и интенсивной культуры, существовавшей в Закавказском Двуречьи, в заключительной стадии бронзового и начальных этапах железного века. Хотя подробности погребального обряда —тщательная кладка стен гробниц и самих насыпей разбираемого типа курганов, немного более развитой тип вещей, и отличается несколько от обычного, показывая более высокое совершенство строительной и металлической техники народа их создавшего, все же указанные связи со всей остальной культурой Закавказья, настолько сильны и глубоки, что определение надписи бусы, найденной в одном из таких курганов, является большим шагом вперед в изучении материальной культуры далекого прошлого Азербайджана и всего Закавказья. Она даст твердую отправную точку для хронологии этих погребений, которые таким образом должны быть датируемы временем, не ранее половины VIII в. до нашей эры. Общий же характер инвентаря, наличное еще господство бронзы, завозная керамика, происхождение которой из одного и того же с ассирийской бусой источника представляется более, чем вероятным, дают право полагать, что погребения разобранного типа не могут далеко отстоять от этой даты.

Тогда время большинства могильников Закавказья эпохи поздней бронзы—начала железа, как мы полагаем, несколько предшествующих Ходжалинским курганам, типа кургана № 11, должно падать на IX/X век[25]).

Кроме датировки, совершенно до сих пор не установленной, находка бусы с именем ассирийского царя, открывает новые, широкие перспективы, как в сторону выяснения характера самой культуры Закавказского Двуречья, так и в сторону выяснения взаимоотношений ее с древнейшими центрами Двуречья Месопотамии.

Февраль, 1926 г. Ленинград.

---

[25]) Э. А. Реслер тоже высказывает мнение о более позднем, сравнительно характере Ходжалинских курганов. Verh., 1898, s. 450.

Д. Шарифов.

Некоторые памятники искусства и древности Нухинского уезда.

Небольшая поездка, предпринятая сотрудниками Аз. Государственного Музея в августе 1925 г. в Нухинский уезд, имела целью обследование художественных и археологических памятников этого района.

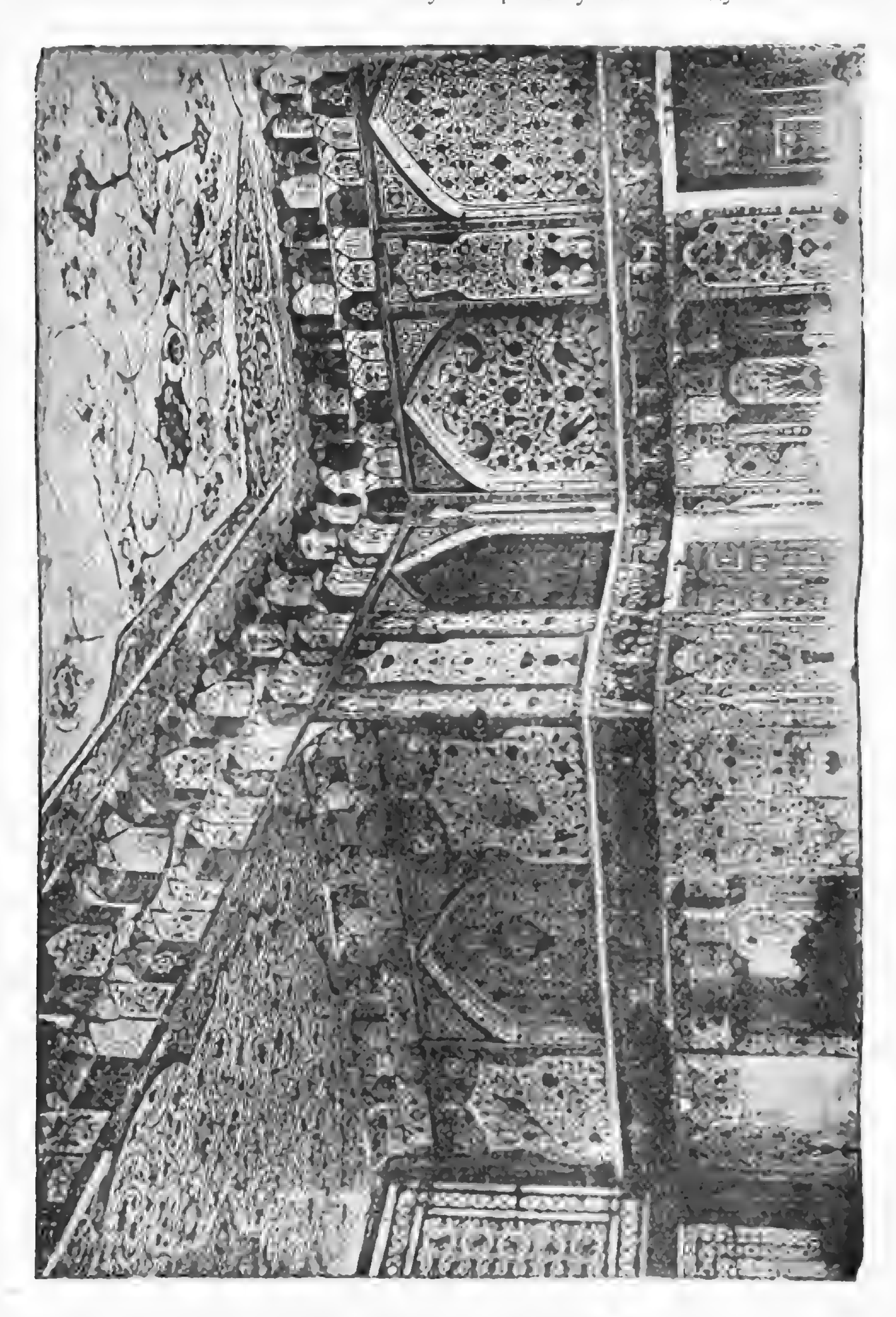
Командированные музеем зав. отд. Восточного искусства тов. М. А. Фабри и пишущий эти строки директор Д. Шарифов, на местах пользовались услугами и любезностью председателя Нухинского отдела Об-ства Обследования и Изучения Азербайджана т. Р. Эфендиева, т. И. Тагиева (отв. секретарь Укома) и т. А. Измаилова (зампредуисполкома), очень предупредительно способствовавших работе.

После длительной работы по изучению и копированию некоторой части стенной росписи ханского Нухинского дворца, мы принялись за обследование памятников прошлого сначала города, а затем и восточной части уезда. Намечен был маршрут, имевший целью подойти ближе к тем памятникам, которые сосредоточены были на востоке, ближе к центру Ширвана и его окрестностей. Маршрут был следующий: 1) выехать по направлению на восток в сел. Куткашен (105 в. от Нухи), попутно обследуя селения Вардашен, Варданлы, Нидж в этнографическом отношении; 2) из сел. Куткашен, перевалив через хребет, направиться в сел. Газря для осмотра кладбища и мавзолеев (кюмбязов) 7 в. гиджры и развалин крепости; 3) далее по течению реки Кара-чая подняться вверх до развалин гор. Кабала.

Но прежде чем отправиться по Куткашенскому шоссе, мы решили воспользоваться любезным предложением нухинского старожила т. Р. Б. Эфендиева осмотреть дом Шекихановых оригинальной персидской стройки с резными, поднимающимися вверх окнами.

Дом обнесен кирпичной стеной. Вход во двор сводчатый в виде стрельчатой арки. Войдя во двор, мы огибаем здание и подходим к фасадной его стороне. Постройка двухэтажная. Нижний этаж ничем не отличается от остальных построек Нухи: одна дверь ведет в среднюю комнату, откуда поднимается лестница во второй этаж. Двери простой работы, окна, видимо, недавно сработанные, небольшие двухстворчатые. Поднявшись по лестнице во 2-й этаж, мы попали в небольшую прихожую

откуда дверь вела в комнату для гостей в типичном персидском стиле. Такие комнаты, окна с разными переплетами и посейчас встречаются в Персии. Оконные рамы широкие, открывающиеся подъемом вверх, начинаются от пола и занимают всю стену. В промежутках между ними столбы,

поддерживающие поперечную балку, на которую упирается потолок. Особенно поразила нас прекрасная стенная живопись, видимо, написанная одновременно с живописью ханского дворца. Интересны изображения в медальонах героев „Лейли и Меджнун“, помещенных в неглубоких нишах

по обе стороны камина. Сам камин не менее интересной в художественном отношении работы. Первый же взгляд на него свидетельствует, что в основу его взята форма характерного восточного шлема с шишаком: высоты от пола не более 120 см. и ширины в 60 см., он имеет топочное отверстие, начинающееся от пола на 15 см.—в 65 см. Вся верхняя часть представляет из себя выдающуюся вперед, как бы половину поперек срезанного, большого шлема, постепенно утончающегося к стене. Облицовка камина алебастровая. По алебастру красками, разведенными на гумми, яркий персидский рисунок в несколько блеклых тонах. Рисунок такой художественной отделки, что невольно приковывает к себе внимание. Кое-где проглядывает, сквозь краску золото, положенное в некоторых местах для сочности красок в основу.

Помещение это, видимо, предназначалось строителем для гостэй и находится во втором этаже. Первый этаж — жилье семьи Шекихановых -- соединяется по корридору вверх поднимающейся каменной лестницей. По обе стороны корридора комнаты: в одной—по левую руку—мужская, по правую—женская, с прилегающими к ней небольшими пристройками-службами (кухней и кладовой). Хозяева говорили, что и в первом этаже были старинные, начинающиеся от пола вверх под‘емные окна из разноцветных стекол. Последние ввиду их испорченности, пришлось заменить обыкновенными окнами.

Не менее интересна старинная мечеть, расположенная на уступе скалы над обрывом в овраг, поросший дикими фруктовыми деревьями. Овраг этот известен под именем „Алмалы“.

Судя по каменной плите, вделанной на высоте двери в стену, мечеть построена в 1692 году; из нетесанного камня стены, невзрачной постройки, поражают дивными резными окнами на фасадной стороне. Устройство окон то же, что и в Ханском дворце и доме Шекихановых: вверх скользящие окна, переплет которых в типичном персидско-арабском стиле из 6-ти конечных звезд по углам рамы, с центральной 8-ми конечной звездой посредине.

Сколько мы могли наблюдать, все виденные нами художественные старинной работы окна в Нухе изготовлены, как говорят, из платанавого дерева. Они не крашены и естественный их коричневый цвет прекрасно сохранился, благодаря самой примитивной полировке маслом.

Благодаря любезности т. Р. Б. Эфендиева, мы обратили внимание на Нухинские водопроводы. Среди них есть старинные, проложенные еще в период независимого ханства. Почти все водопроводы ведут в город родниковую воду с гор, окружающих Нуху. Самый интересный водопровод, проложенный от родников в местности под именем „Хан-эйлаги“ до крепости, общим протяжением в 8 верст. Круто спускаясь с горы, он имеет особые резервуары, сложенные из камня на известковом растворе. Резервуары эти, собственно, могут быть и запасными хранилищами воды на случай летней засухи. Тогда собирающаяся в них за ночь вода, может быть использована днем. Трубы водопровода гончарные, длиною в фут, несколько расширенные с одного конца, с другого же имеющие недалеко

от края кольцеобразную выступающую кромку. Трубы все соединены известковым раствором, который так затвердел, что отбить его от труб невозможно, не попортив последних. Трубы проложены под землею на глубине аршина, но на определенном расстоянии имеют выходные отверстия для чистки и вообще контроля работы водопровода. По образцу старинного проложен ряд новых водопроводов, от каждого родника ведущих воду в новые части города.

Старинная Крепостная стена окружает большой пологий холм, расположенный у самого подножья горы. В развалины крепости ведут двое ворот. Стены с угловыми круглыми башнями имеют толщину 2,5 метра. Площадь, занимаемая крепостью, равна 15 десятинам. На ней в настоящее время, помимо ханского дворца и находящегося при нем сада, расположены: исправдом, переделываемые в городские больницы—постройки бывшего военного лазарета, развалины бывшей почтовой конторы и казначейства.

Джумаа-мячит у бывшего базарного майдана во дворе имеет целый ряд древних могил, под которыми возвышаются из красноватого песчаника установленные плиты с надписями на арабском языке. Среди них имеются могилы жен двух последних нухинских ханов и целая вереница могил ханских приближенных.

После беглого осмотра гор. Нухи, имея целью поездку в сторону Куткашен, где, по имеющимся у нас сведениям, был ряд пунктов, интересных в археологическом отношении, мы 26 августа отправились в дорогу верхами.

Когда-то прекрасное шоссе, обсаженное теперь уже большими 100 летними грецкими орехами, все еще служит единственной проезжей дорогой на восток...Кое-где селевые горные потоки, да неправильно проводимые канавы размыли полотно. Ничто не может сравниться с прелестью проезда по этой аллее, тянущейся на протяжении 105 верст. По обе стороны раскинуты зеленые поля чалтыка, луга и перелески, пересекаемые в некоторых местах широкими полосами серого булыжника: это теперь сухие русла селевых потоков. В недалеком расстоянии друг от друга, по обе стороны дороги расположены селения, утопающие в зелени каштановых, ореховых и яблочных садов и плантаций шелковицы (туты). Местность очень живописна. С левой, северной, стороны дороги видны отроги массива главного хребта, с правой—небольшие гряды гор, которыми заканчивается эта плодородная долина, на юг от которой уступами—террасами спускаются долина за долиной к Куре. По всем признакам видно, что эта уединенная, горными кряжами отделенная от других мест равнина, могла быть очагом своеобразной местной культурной жизни. Сейчас эта плодородная, с здоровым климатом равнина, несмотря на пережитые потрясения после мировой войны и революции, производит впечатление зажиточности и трудолюбия населения. Некоторым селениям, по численности в них живущих и по занимаемому ими пространству (Варташен длиною в 5 верст, Ниж—7 верст, Варданлы—4 версты), могут позавидовать некоторые даже города. Прекрасные сады и обширные тутовые

плантации, замечательно хозяйственные постройки в уютных крестьянских усадьбах производят отрадное впечатление.

Между тем, дорога стала несколько меняться. Русла селевых потоков встречались все чаще и чаще. Мелкие ручейки, встречавшиеся на нашем пути раньше, сменились бурными горными речками. Некоторые из них были перегорожены защитительными от селейсооружениями в виде плотин из фашинника.

Одни из них были длиною до 1 версты и шли параллельно речке, защищая село и пахотные земли от смывов, другие отводили воду речек, благодаря селям же, постоянно менявшим русло и грозившим селениям (Куткашен, Ниж) непоправимыми бедствиями.

Из селения Куткашен, находящемся в расстоянии 100 верст от Нухи, мы свернули на проселочную дорогу и через два часа пути, перевалив через горный кряж, в‘ехали в красивую широкую, окруженную лесистыми горами долину. На самом краю мы приметили село, названное нашими спутниками Газря. В селении мы не остановились, т. к. торопились к руинам когда-то бывшего здесь поселения с кюмбязами (мавзолеями) и красивому кладбищу, расположенному в лесу.

Проехав немного, мы остановились. Перед нами во всей прелести высилось несколько надмогильных построек. Некоторые из них, нетронутые временем, стройно возвышались, говоря о высокой культуре когда-то здесь жившего народа, другие, от времени развалившиеся, все же были свидетелями работы прекрасных зодчих и художников.

Осмиугольные в своей основе, кюмбязи эти не велики: занимая площадь каждый в 2 кв. сажени, они возвышаются на 3 сажени вверх. В каждый из них ведет одно низкое проходное отверстие, через которое пройти можно, но несколько согнувшись. Всего таких построек среди прекрасной работы надмогильных плит числом 72 с арабскими изречениями из корана и персидскими именами покойников—четыре. Самый интересный из них, к которому до сих пор местные жители, мусульмане, ходят с целью помолиться на могиле святого—Кюмбяз Шейха Бадреддина. Часть купольной облицовки (тоже 8-ми гранной) обвалилась. Все же об архитектуре постройки судить можно, ибо стены и сталактитовые украшения по карнизу сохранились. Сохранилась и вделанная с фасадной стороны надпись, высеченная на каменной плите. На ней значится:

لحرضات لله تعالى لوجه
فى يوم ايام سيخ بدر الدين خمسين وسمعاً

Эта постройка создана для умилостивления Бога, по его милости во время владычества шейха Бедреддина 650 г.

عمل اوستا نصرالله

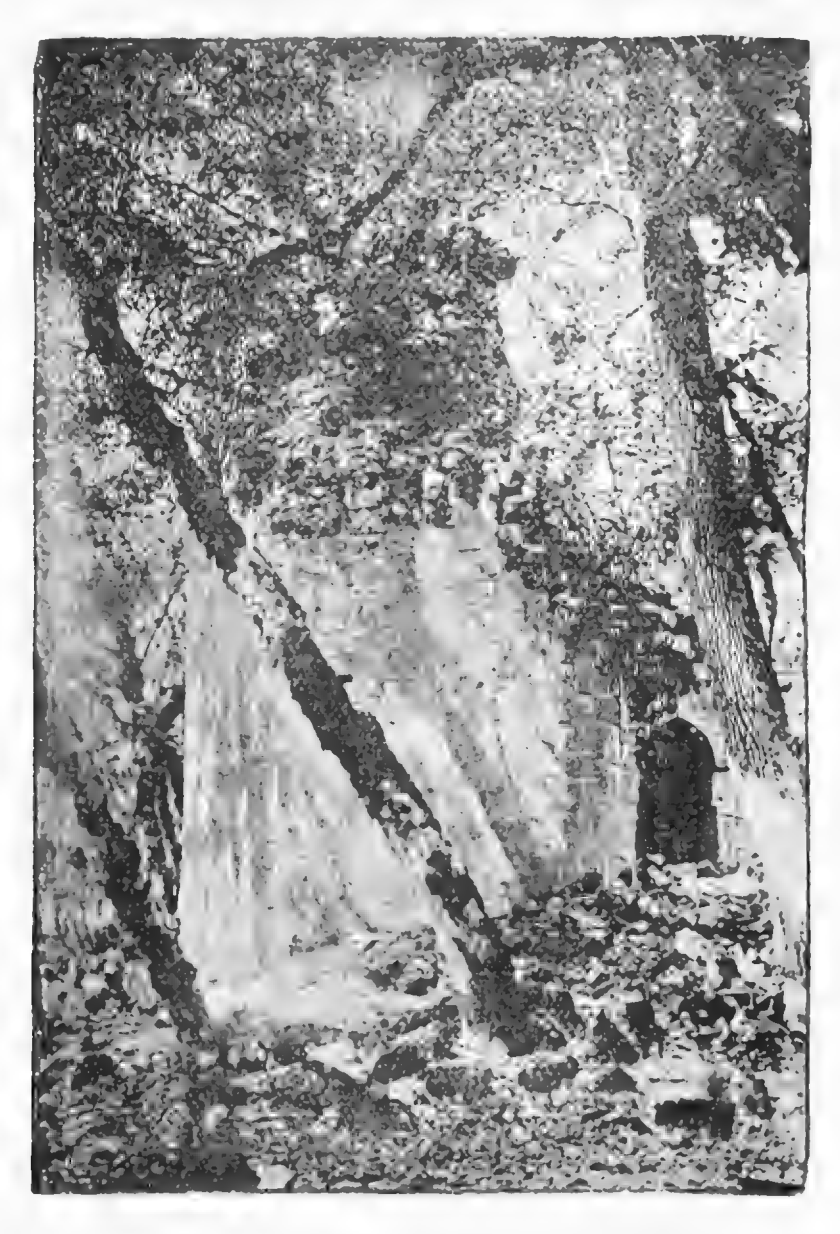
Построил мастер Насрулла.

Расположены несколько ниже подряд три почти таких же кюмбяз‘а. Из них один почти на половину разрушился. От него осталась задняя от входа стена и полкупола, который поддерживается извнутри растущим деревом. Определить, над могилой кого построен кюмбяз, нет возможности, т. к. именно та часть стены, в которую над входом вделывали плиту с надписью, развалилась. Возможно, что в груде лежащих и

покрытых мохом камней найдется и он и даст возможность прочесть надпись. Третий кюмбяз частично попорчен, но над входом прекрасно сохранилась надпись. Одна из них с именем строителя (8 в х 4 в), другая гласит:

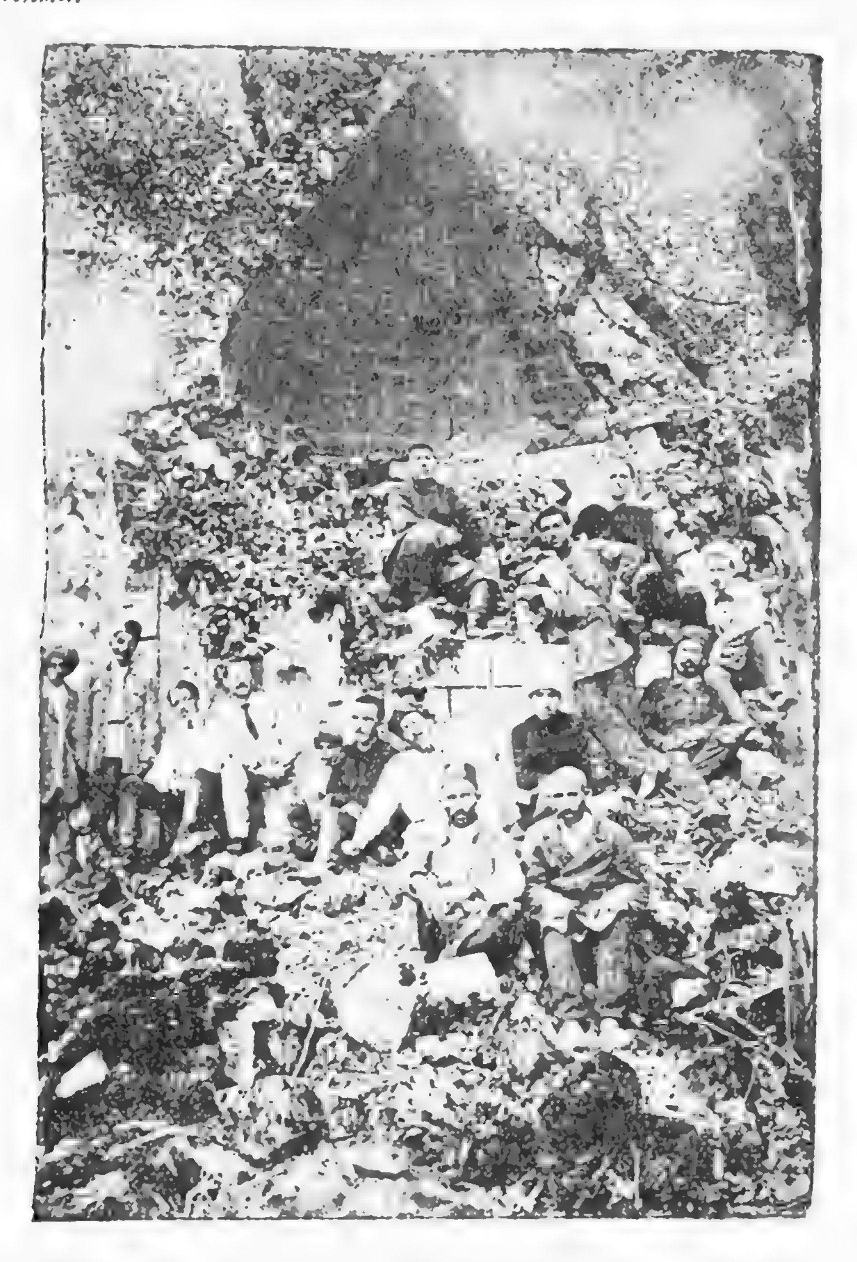
السلطان اعظم شيخ خاقان المظم امر اب اهم خلدالله لكه
اميرخضرالدين بن محمدالدين سل الله لسع و سعما

Этот кюмбяз такой же, как и остальные, но несколько выше (до 10 11 аршин) и также сложен из тесанного камня с сталактитовыми украшениями по карнизу под куполом.

В десяти шагах от последнего находится 4-й кюмбяз, таких же размеров и архитектуры, но лучше сохранившийся. Хотя часть внешней обшивки купола и обвалилась и на поверхности его выросли молодые деревца, но орнамент из сталактитов и надписи сохранились вполне. Надпись, однако, разобрать не удалось.

Между третьим и четвертым кюмбязами, несколько впереди их (по направлению к дороге), поражают 2 надмогильные сооружения, отличные от остальных, во-первых, лучшей в художественном отношении орнаментировкой лежачего камня и, в особенности тем, что в головах могилы установлены еще и вертикальные камни, также испещренные орнаментом и надписями.

Приблизительно в версте от кладбища, на запад в небольшом овраге, по которому бежит горный ручей, видна полуразрушенная четырехугольная башня и ряд неровностей на поверхности земли, свидетельствующих, что около крепостцы было и поселение. В'ехав на остатки поселения, мы увидели большое количество битого кирпича, вывернутого из почвы сохами и плугами.

Следующий пункт, который нам следовало обследовать, находился в 15 верстах от сел. Газря. Это были развалины города Кабала, находящие-

ся у сел. Чухур-Кабалла. Чтобы сократить дорогу, мы проехали по болотистому берегу реки Кара-су.

Дивная растительность болот, леса и перелесок из кустарников, полных созревших ягод рябины, калины, ежевики, алчи, скрывала воду на поверхности земли. Лошади с опаской, осторожно ступая, бодро шли вперед. Растения цеплялись за платья, лица и руки наши. Наконец, мы выехали на возвышенную равнину, на которой увидели в отдалении на пригорке с одной стороны село, утопающее в зелени, садов, а с другой, какие-то цилиндрические сооружения коричнево-красного цвета.

Минут через 20 мы в'ехали в село Чухур-Кабалла и остановились у любезного учителя местной школы т. Гасана Эфендиева.

Из расспросов удалось выяснить следующее, подтвердившееся затем и личным нашим осмотром.

Виденные нами, при приближении к сел. Чухур-Кабалла цилиндрические башни оказались очень массивными (в диаметре 8 аршин каждая) башнями, соединенными между собой остатками городских стен шириною не менее 2 саженей. Высота некоторых из башен (всех—5) даже в полуразрушенном виде достигает 3-х саженей. Стены и башни сложены из жженого кирпича квадратной формы (длина и ширина каждого—25 см., а а толщина—5 см.) Развалины города расположены на высоком холме, с 3-х сторон окруженном глубоким рвом. Четвертая сторона, выходящая к реке Кара-чай представляет крутой, длинный (по длине реки и холма) и глубокий обрыв в речку. Речка сильно промыла долину. С этой стороны высота обрыва от речки равна не менее, как 20 саженям. Часть городской стены и остатков городских сооружений смыта, обвалилась. Со стороны обрыва зияют могилы с обнаженными костями; глубоко в земле полуразрушенные сводчатые амбары.

Остатки высоких ворот расположены на юго-запад. При в‘езде вас поражает своею массивностью стены и ворота. Башни возле ворот имеют внутри себя по небольшой комнате, совершенно квадратной, каждая сторона которой в 5 аршин. Полуразрушенные своды этих комнат на высоте 4 аршин.

Площадь, занимаемая развалинами города, не менее 15-20 десятин к сожалению поступила в надел крестьянам, убравшим торчащие остатки стен и кучами сложившим, разбитый сохой (хиш‘ем) кирпич построек.

Сидя на лошади, можно было видеть, как по поверхности выступают кое-где кирпичные постройки, как бы сеткой покрывающие землю.

В сел. Чухур-Кабалла нет дома, в котором не было бы медной и глазурованной глинянной посуды, извлеченной сохами во время пахоты.

Некоторые из них мы видели и были поражены богатством рисунка, красок, дивной техники выполнения.

В 20-ти шагах от ворот, несколько влево от них, мы обратили внимание, на слабо намечающееся под земляным покровом, стены небольшой четыреугольной постройки. Здесь мы думали начать пробные раскопки, желая убедиться в том, точно-ли здесь была какая-нибудь постройка. Скоро заработала группа пришедших с нами крестьян, лопатами выбрасывая из вдоль предполагаемых стен (с внутренней стороны стройки) вырытой траншеи землю. Мы внимательно следили за каждым выбросом, за каждым куском кирпича или черепком посуды. Через несколько времени обнаружена была одна стена сплошь из кирпича. Траншея доведена была до пола, тоже устланного кирпичем. Затем, траншеи обошли все остальные стены постройки. У последней, расположенной против ворот, в самой средине ее был найден камин (пухар) и в нем лежал с отбитым верхом изящный глазурованный кувшинчик небольших размеров; широкое шарообразное основание и видимо равное длине основание, к верху расширяющееся горлышко. Размеры кувшинчика 22 см. высоты и в широкой части длиною 10 см.

Весь кувшинчик покрыт рисунком в коричнево-желтых тонах, глазурован. Размеры постройки таковы (без высоты): длина 7 арш., ширина $4^{1}/_{2}$ аршина. Кирпич широкий (6 вершков) совершенно квадратный.

Затем были прорыты две небольшие траншеи вдоль стен той же постройки снаружи. Едва была закончена первая из них, как была обнаружена гончарная широкая труба, видимо, от водопровода со следами известкового раствора, как у конца с широким отверствием, так и у узкого.

Размеры трубы: длина 26 см. и диаметр 21 см.

Недалеко от трубы найден быд высеченный из плотного известняка предмет, напоминающий небольшую табуретку на коротких 4-х ножках.

Размеры ее: высота 35 см., длина и ширина 21 см.

Тут же найдены были крупные черепки посуды, видимо, тарелки. Основание тарелки с донышком не имеют лишь тонких краев, видимо, отбитых. Тарелка глазурованная, расписана в коричневых и зеленых тонах. Рисунок—туловище борющегося льва с торчащей в боку стрелой.

Голова льва и передняя одна нога, видимо, поднятая, приходится на отбитые куски. Судя по рисунку, тарелка персидского происхождения. Наконец, найдена была, видимо, раздавленная землею тарелка (из 6 черепков) зеленой глазури с тисненным орнаментированным рисунком по всему концу тарелки.

Судя по рассказам местных учителей братьев Эфендиевых, крестьяне находят в развалинах города и в окрестных рвах и оврагах массу разнородных предметов домашнего обихода и даже предметы вооружения (кинжалы, бебуты и наконечники стрел из железа). Попадаются и медные чашки (джам), конечно, в сильно попорченном виде.

Производство раскопок, изучение находимых предметов, восстановление плана города и всех его частей, дадут возможность многое сказать о его истории. Вне сомнения, могут быть найдены и плиты с письмом, например, на развалинах общественных зданий—бань, мечетей. Они могут дать еще более ценный исторический материал.

Вообще раскопки в этой местности крайне необходимы и все учреждения, заинтересованные в исторических памятниках, должны серьезно подумать о своевременности и настоятельной потребности во всестороннем изучении этого археологически интересного места. Теле более это необходимо, что пробные разведки убедили в возможности получения ценного иеторико-археологического материала.

К статье Шарифова.

План кладбища „Газря".

План Нухинского и части Агдашского уездов.

Нуха

Varfasen

Kutkasen

Vardanly

Agdas

Jevlax

10 верст в дюйме

Джемиль Александрович (Насыфи).

Литовские татары.

Краткий историко-этнографический очерк.

Литовскими татарами называются мусульманские поселенцы, живущие, главным образом, в пределах исторического Литовского государства или в бывших губерниях-Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской и, следовательно, по новому политическому разграничению в трех государственных образованиях-Польше, Литве и Белорусской Советкой республике; кроме того отдельные колонии и посения имеются в пределах бывш. Царства Польского и в бывш. губерниях Волынской и Подольской.

Название „Литовские татары“ распространено в Литве и соседних странах, а также употребляется в литературе; часто, однако, применяется термин „польские татары“, хотя он и не может претендовать на распространенность. У турок османских и у крымцев литовские татары известны под именем л у п к а-т а т а р, название л и п к о в с к и е т а т а р ы встречается также и у польских писателей.

Общее количество литовских татар, не порвавших прочной связи с колониями к началу текущего столетия достигало 8000 человек.

В колониях, представляющих иногда отдельные поселения, а чаще всего особую улицу или квартал в городах и местечках, живет главная масса татарского населения. добывающего себе пропитание преимущественно трудом земледельческим-хлебопашеством или огородничеством, а в иных местах кустарной выделкой кож или работой на кожевенных заводах. Служащие в государственных и общественных учреждениях также составляют среди литовских татар значительный процент.

Литовские татары говорят на языках-белорусском, польском реже литовском и украинском, первоначальный свой язык тюркский они утратили, хотя и сохранились явные следы его, как в их обыденной речи, так и, особенно, в религиозной литерауре.

Литовские татары исповедуют Ислам, в каждой колонии имеется мечеть, обязанности муллы обыкновенно возлагаются на одного из прихожан по избранию. Сохранились примитивные конфессионные школы, учитель а за ним и вся школа, обычно насчитывающая от 10 до 20 учащихся, носит название „годжи“.

I. Происхождение литовских татар.

Вопрос о происхождении литовских татар и о тех взаимоотношениях между Золотой Ордой и соседями, которые привели к колонизации Литвы тюрко-татарским элементом не могли не обратить на себя внимание ученых исследователей; поэтому литература по этому вопросу довольно богатая[1]), но все это преимущественно сырой материал. Единственной, пожалуй, обстоятельной работой является труд проф. А. Мухлинского—„Исследование о происхождении и состоянии литовских татар" С. П. Б. 1875 г.[2]). Однако работа проф. А. Мухлинского в значительной степени устарела, не говоря уже о том, что она и не свободна от некоторых существенных неточностей.

С тех пор, как проф. А. Мухлинский издал свой труд, туркология достигла огромного успеха. Теперь уже никто не станет отрицать наличие высокой культуры Золотой Орды, культуры, которая сложилась на основе среднеазиатских элементов под перекрестным влиянием дальневосточной (китайской) и передне-азиатской арабско-персидской культуры.

Между тем, в эпоху Мухлинского господствовало определенное убеждение о дикости тюрко-татар и примитивности их культуры, и, вследствие этого, Мухлинский находит возможным, говоря о причинах поселения татар в Литве многое приписать личным заслугам князей литовских и их гуманности: „Когда вся Европа вооружалась мечем и ненавистью против мусульман, говорит он, тогда благоразумная политика государей литовских с любовью и гостеприимством приглашала в свои владения татар, которые принуждены были от стечения разных обстоятельств оставлять свою родину и переселяться в Литву"... Даже с пленными татарами литовские князья, по словам Мухлинского, обращаются-„выше того века и чужих примеров: кротостью и беспримерною терпимостью их веры Витовт как бы привязал к себе всех татар"... „Татары считались тогда, говорит дальше исследователь, отличными стрельцами конными и были несравненной ловкости в сражении... Уже князь Гедимин, основатель могущества Литовской державы, умел снискать дружбу монголов, а в сражении 1319 г. с Тевтонским орденом участвуют и татары, составляя передовое войско Гедимина".

Таким образом уже из этих кратких цитат выясняются те взаимоотношения, которые установились между золотоордынцами и Литовским государством на заре его существования и истинная причина дружбы между литовскими князьями и ханами. Зажатое между русским княжеством с востока и двумя воинственными организациями крестоносцев-Ливонским орденом на северо-западе и Тевтонским на западе, не находя сочувствия в соседней Польше, где еще с X столетия[3]) утвердилось христианство, языческая Литва естественно должна была искать поддержки и опоры в

---

[1]) См. Библиограф. указатель материалов по истории лит. татар-Л. Кричинского, изд. в С. П. Б.

[2]) Последнее издание в Одессе 1902 г. стр. 59

[3]) Креститель Польши—Мечислав I (960-992) и его жена Дубровка, чешская княжна.

могущественной Золотой Орде, где господствовала в первое время полная веротерпимость, свойственная шаманистам тюркам и монголам, тем более, что культ огня священного и очищающего от всего злого был чем-то общим в первоначальном религиозном миросозерцании этих двух антиподов-литовцев обитавших у побережья Балтийского моря и тюрко-монголов, пришедших из стран сопредельных с Восточным океаном.

Такая политика призвания на защиту своей независимости и культуры тюркских кочевников уже и раньше практиковалась другими более культурными народами.

Не только в Халифате, где уже с первых веков гиджры турки играют большую роль, сначала в качестве наемников и солдат, а позже в качестве военачальников и всесильных преторианцев, им отводятся земли для поселений, ими пользуются, как для войны, так и для колонизации особенно опасных в военном отношении мест, но и в Византии было принято устраивать военные поселения по Дунаю из тюркских кочевников.

Китай также широко практиковал эту систему использования тюркских народов, как военно-пограничного элемента. Своеобразный дух авантюризма толкал кочевников тюрок на непрестанные войны с соседями или между собою и было нетрудно обратить их к войне с кем угодно уже из одной их привычки к беспокойной походной жизни или надежды на добычу. И в том углу Вост. Европы, где сходились границы славянских поселений и кочевья западных тюркских орд, — издавна было принято обращаться за их содействием при решении всякого спора между оседлыми народами. Уже в войсках Святослава во время войны его с Цимнисхием (ок. 970 г.) были на службе печенеги; они же или их собратья разгромили Святослава при его возвращении в Киев у днепровских порогов, при чем погиб и сам Святослав (972 г.). Несколько позже (985 г.) торки или узы составляли конницу войск Владимира Святославича (Святого) в его походе на камско-волжских болгар. Эти же торки под именем Черных Клобуков составляли впоследствии вплоть до монгольского нашествия пограничные со степью поселения, как в Киевской и Переяславской землях, так и в Черниговской и даже Галицкой [1]) и помогали русским князьям защищаться от половцев и других кочевников, напиравших с востока.

В своем неудержимом стремлении проникнуть в новые неизвестные страны печенеги, половцы, мадьяры и узы несомненно пытались пробраться и в сторону Литвы и Польши. Так в 1107 г. русские князья во главе с Владимиром Мономахом задерживают вторгнувшихся половцев под Лубнами.

Но никогда тюркские наездники не пробивали себе путь так далеко к северу и западу, как во время походов Батыя, основателя Джучиева улуса, Золотой Орды. Положив конец (в 1238 г.) половецкому государству, разгромив русских князей, союзников половцев, Батый в битве при Лигнице одерживает победу над коалицией европейских государств (1241 г.).

[1]) „Очерки истории северн. Причерноморья“ проф. Е. А. Загоровский ч. I стр. 53.

Участвовал в коалиции и Тевтонский орден крестоносцев, основанный в Палестине (в 1128 г.) и переведенный спустя сто лет в Пруссию на низовья Вислы (1228 г.).

К этому времени относится, вероятно, первое знакомство золотоордынских войск с Литвой: в числе городов разоренных татарами упоминаются г. г. Слоним и Новогрудок, игравшие важную роль в период зарождения и оформления литовского государства.

Повидимому в течение XIII столетия войска золотоордынских ханов неоднократно посещают Литву, по крайней мере есть указания, что отряды могучего темника Ногая между 1280 и 1288 г. г. побывали в Бресте, Новогрудке и Гродне. Скоро и родственникам Ногая, погибшого в борьбе с ханом Токта (в 1300 г.) пришлось бежать в пределы Польши. Об этом нам сообщают арабские историки. Рукнеддин Бейбарс в своей летописи говорит.... „В том же году (701 гиджр = 1301 — 2 г.) бежал Каракисек, сын Джеки, сына Ногая. Вместе с ним убежали два родственника его— Джериктемир и Юлукутлу. Это произошло оттого, что когда (хан) Токта убил брата своего Сарайбугу и сына Ногая, Турая (за мятеж против хана), то... послал требовать к себе Каракисека. Тогда последний и оба упомянутых лица бежали. Бегство забросило их в страну Шешимен, в местность называемую Будуль поблизости от Кракова. Вместе с ним отправилось до 3.000 всадников. Шешимен и соратники его приняли их у себя, и они остались у них, бродя по разным местам и прокармливая себя мечами (своими) до нашего времени...“ [1])

Итак, пребывание татарских воинов, «прокармливающих себя мечами» в Польше уже на рубеже XIV ст. не подлежит сомнению и, вероятно, под разными местами, по которым они бродили, следует разуметь также Литву или соседние с ней земли. А в таком случае собирателю литовских земель и «основателю могущества Литовского государства» князю Гедимину сыну князя Лютувера (1316—1341 г.) сама судьба благоприятствовала в его стремлении организовать самостоятельное войско способное противостоять натиску крестоносцев и уберечь Литву от участи Пруссии, народ которой, находившийся приблизительно на той же ступени культурного и политического развития, как и литовцы, погибал в неравной борьбе с закованными в железо крестоносцами, применявшими против нестройных языческих толп и более усовершенствованное оружие и правильный военный строй. А что эта тевтонская военная организация была достаточно совершенной тому порукой являлась традиция крестовых походов, во время которых и сложились под влиянием лучших образцов Востока и рыцарский строй и рыцарская культура. От арабов же позаимствовали крестоносцы и первое знакомство с огнестрельным оружием, игравшим пока незначительную роль в войнах этой эпохи.

Но эта внушительная военная организация, имевшая успех в борьбе с арабами, потерпела неудачу при столкновении с более серьезным противником, — крестоносцы были окончательно изгнаны из Иерусалима юж-

[1]) В Тизенгаузен. Сборник материалов, относящ. к истории Золотой Орды С. П. Б—1884 т. I стр. 119.

ными тюрками сельджуками, как раз в тот момент (в 1244 г.) когда северные тюрки-татары, воспринявшие военную организацию Чингизхана и военную стратегию Субудая, разгромили европейских рыцарей в самом сердце Европы—под Лигницей в Силезии и на равнинах Венгрии. (1241 г. и 1242 г.).

Вполне естественна была поэтому мысль о том, чтобы натиску Тевтонского ордена на Литву противопоставить готовую боевую организацию из Чингизхановских татарских кадров, занявшихся междоусобиями и часто скучавших без привычного для них дела — войны. Вот почему уже в начале княжения Гедимина (1316—1341 г.) татары в войне его с Тевтонским орденом (в 1319 г.) составляли передовое войско великого князя Литвы, а анналист Францисканского ордена под 1324 годом пишет: „Наши братья, отправленные для обращения в христианскую веру литовских земель, нашли весь народ погруженный в язычество, поклоняющийся огню, и между ними скифов, пришельцев из владений какого-то хана, и которые в своих молитвах употребляют азиатский язык“ [1]). Именем скифов долго называли в Европе татар, упоминаемый же хан был, очевидно, хан Золотой Орды Узбек (1312—1340), современник князя Гедимина. Как совершенно правильно замечает проф. Мухлинский—таких татар, очевидно, было уже не мало, если монахи включили их в народонаселение Литвы. Надо впрочем заметить, что население Литвы было в эту эпоху редкое и желание заселить свой край было вторым немаловажным соображением, *которым руководствовался,* поселяя у себя татар, Гедимин, уже на практике испытавший пригодность татарских воинов для борьбы с крестоносцами. Отсюда наделение татар землями и предоставление им всяческих льгот и привиллегий вплоть до уравнения их вождей в правах с литовскою знатью. Повидимому, Гедимин до конца дней своих сохранял дружественные отношения с Золотою Ордою,—он не платил дани ханам, подобно князьям русским, но и не воевал с ними: ему занятому одной мыслью, как бы укрепить могущество Литвы и защитить ее от разорительных нашествий рыцарей Тевтонского ордена, было не до войны с таким могущественным государством, каким являлась Золотая Орда времени Узбек-хана. Поэтому будет правильным согласиться с мнением проф. Антоновича, что поход Гедимина на Волынь, Киев и Крым под 1320 годом ни больше ни меньше, как легенда.

В 1340 или 41 году Гедимин пал в битве при осаде одного рыцарского замка, пораженный из огнестрельного оружия, которое тогда только входило в употребление [2]). Ему наследовал сын его Монвид, владелец Слонима. Повидимому новый великий князь Литвы продолжал политику своего отца и поход крестоносцев в Литву под 1345 годом окончился полной неудачей.

---

[1]) Мухлинский „Исследование...“ Стр. 7.

[2]) В Западн. Европе огнестрельное оружие впервые было, кажется, применено маврами при осаде Базиса в 1311 г., но в Азии применение пороха в целях защиты крепостей восходит до X столетия (Китай) или еще раньше, см. „Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева“ Э. Ленца - СПБ 1895 г.

Хан Джанибек (1342—1357), сменивший отца своего Узбека, воевал около 1343 года с Польшей, где в это время был королем Казимир Великий (1333—1370). Польша, оформившаяся к этому времени в сильное государство, была безнадежно отрезана от Балтийского моря орденом. Тем с большой энергией направил Казимир Великий свое внимание на Червонную Русь и. Волынь, захватив Холмщину и Владимир-Волынский, подчинявшийся Литве и стремясь вклиниться между владениями Литвы и Золотой орды. Джанибек, войска которого были разбиты поляками под Люблином, не торопился возмездием занятый в последующие годы (1344—1347) покорением Генуэсских колоний Ла-Таны (Азова) и Каффы в Крыму. Но литовские князья были, видимо, обеспокоены завоевательными стремлениями Казимира и нажимом ордена, действовавшего в согласии с Польшей и в 1348 году литовский князь Ольгерд (1345—1377) посылает брата своего Кориада к хану Джанибеку с просьбой о помощи.

Через два года (в 1350 г.) князь Кейстут брат Ольгерда идет походом на Польшу, имея в своих войсках дружину, состоящую из татар. Несомненно, что татарские войска были и у Ольгерда, захватившего Черниговскую область (1356 г.) и Киев; ему приписывается и отобрание Подолии у трех братьев князей татарских Хочибея, Кутлубуга и Дмитрия, бывших, как говорит летопись „отчичами и дедичами Подольской земли“. Это случилось, впрочем, позже (ок. 1363 г.) во время так называемой Мамаевой смуты в Кипчакской орде, начавшейся около 1360 года.

В это время на арену политической борьбы за свою идею нового монголотюрского государства выступил уже Тимур, одержавший (1363-64 гг.) первые значительные успехи, стоя во главе освободительной борьбы мусульман Туркестана с завоевателями монголами-джетами. Как ни далеко был расположен от Литвы центр деятельности Железного Хромца, однако, ему суждено было сыграть значительную роль в деле дальнейшего заселения Литвы тюрко-татарским элементом. Тохтамыш, об‘единивший Белую и Синюю орды (1378 г.). при помощи Тимура захватил власть и в Кипчаке. Однако, со временем у них возникают нелады, приведшие к разгрому войск Тохтамыша Тимуром сначала (1391 г.), на низовьях Волги, а затем вторично на берегах Терека (1395 г.), причем Тимур совершает своего рода военную прогулку в центр Золотой орды и по русским княжествам. Это принудило Тохтамыша и его сторонников к бегству в Литву, которая уже стяжала себе в Золотой Орде славу надежного убежища. Если цифра, определяющая количество этих беглецов в 40.000 человек, так об этом говорит предание, и является преувеличенной, то все-таки можно допустить, что за столь популярным ханом, каким в Кипчаке был Тохтамыш, должно было последовать порядочное количество приверженцев со своими домочадцами.

В это время в Литве великим князем был Витовт, сын Кейстута, добившийся после длительной борьбы и разных превратностей судьбы сначала удела (1384 г.), а затем и великого княжения (ок. 1392 г.), вопреки проискам Ягайло, сына Ольгерда и польской партии, стремившейся путем брака Ягайло и Ядвиги (1386) и обращения литовцев в католиче-

ство (1387 г.) лишить Литву самостоятельности, создав единое Польско-Литовское государство. Из этой борьбы Витовт вышел победителя, окруженный ореолом национального героя, возродителя независимой Литвы. Непомерное честолюбие, с одной стороны, и наличие в государстве его русского населения, с другой, (Витовт овладел Смоленской землею в 1395 г.) толкало его на путь создания Литовско-Русского государства в полном смысле этого слова. Тохтамышу и его приверженцам был оказан самый радушный прием в Литве, им назначили на прокормление город Лиду. К этому же времени относится, повидимому, и возникновение татарских колоний по бер. р. Ваки в 14 верстах от Вильно, а также в уездах Трокском, Лидском, Ошмянском Виленской губ. и частью в Гродненской и Минской губерниях, население которых, судя по мусульманским кладбищам их окружающим, было довольно многочисленным. Жители этих поселений сохранили частью ясно выраженный ногайский тип, говорящий, быть может, о том, что здесь были поселены также несколько тысяч ногайцев Азовской орды, захваченных в плен Витовтом в 1397 г. То обстоятельство, что эти пленные ничем не были выделены из массы остальных вольных поселенцев-татар свидетельствует не только о мудрой политике Витовта, но и о той репутации, какую составили себе в Литве колонисты тюрко-татары. Политика Витовта в этот период определяется желанием опереться на Золотую Орду: он заключает договор с Тохтамышем, обещая ему помощь в возвращении золотоордынского престола, захваченного ханом Тимур-Кутлуком после ухода Тимура в Мавераннагр, с тем, что Тохтамыш, в свою очередь, посадит его «на Москве, на Великом княжении, на всей русской земле“. Поэтому на обращения Тимур-Кутлука к нему, клонившиеся к предложению выдать Тохтамыша, литовский князь отвечал уклончиво, а между тем он снаряжал огромное войско из литовцев, татар, русских, полков Волошских, польских и немецких для похода в самое сердце Кипчака. В войсках его одних князей насчитывалось свыше пятидесяти. Встреча этой огромной армии с войсками Тимур Кутлука произошла на берегах реки Ворсклы. Решительную роль в этой битве сыграл, повидимому, Эдигей (Идиги Мангит) один «из дьяволов Тимура“, как его называют историки, не пожелавший, впрочем, служить ни Железному Хромцу, ни Тохтамышу, то бродивший по Кипчаку в качестве вольного искателя приключений, то решавший участь ханов своим выступлением. Войска Витовта в битве, длившейся весь день, были разбиты совершенно, больше половины его воинов пали на поле брани. Витовт и Тохтамыш спаслись поспешным бегством, а победители далеко преследовали их, взяв попутно откуп с Киева в три тысячи литовских рублей. Эта неудача убедила Витовта в том, что Золотая Орда, хотя и пережившая двойной погром Тимура и период неурядиц, все-таки была еще достаточно сильна, чтобы защитить себя от неприятельского вторжения. После этого Витовт не воевал больше с ханами, ограничиваясь тем, что оказывал покровительство и поддержку Тохтамышу и его сыновьям. Сам Тохтамыш, пустившийся в поисках власти на новые приключения, погиб (в 1406 г.) в Сибири на берегах Иртыша, настигнутый все тем

же Эдигеем, а сыновья его в ожидании лучшего, довольствовались скромной ролью друзей и слуг могущественного литовского князя. Одни из них жили в степях, сопредельных с литовскими владениями и поддерживали связь с Витовтом путем присылки послов и подарков, другие совсем поселились в Литве со своими людьми. Таким образом во времена княжения Витовта в Литве наблюдается новый прилив татарских поселенцев, которые смешиваются с прежним тюрко-татарским элементом, составив один народ по своему национальному сознанию и религиозной общности и служа интересам Литовского государства в качестве военных поселенцев, всегда готовых явиться на призыв князя для защиты его власти и страны от чужеземных вторжений. Витовт очень дорожил службой этих поселенцев татар, предоставляя им всякие льготы и делая послабления и навлекая тем на себя осуждение со стороны христианского духовенства и ордена. Память об этом литовском князе долго сохранялась у литовских татар, также как и у караимов, которых Витовт поселил в городе Троки (ок. 1388 года). Расчеты Витовта на помощь татар оправдались в трудный для Литовского государства момент возобновления борьбы с крестоносцами.

Немецкий орден в XIII столетии *) достиг апогея своего могущества и превратился в сильное государство, занимавшее обширную территорию на протяжении от устьев Вислы до Северной Двины с мощной военной организацией и населением, сильно богатевшим от внешней торговли но враждебно настроенным по отношению к господствующему классу рыцарей. К концу этого века снова начались губительные набеги ордена на литовские города и села и в 1401 году Витовту приходится спасать город Вильно, осажденный Конрадом фон Валленродом, гросмейстером ордена причем в войсках литовских, выручавших город, участвуют и татары. Близился момент решительной борьбы и перед Витовтом встала задача покончить раз навсегда с орденом, представлявшим своего рода осиное гнездо, тормозившее свыше полутораста лет развитие Литовского государства и теперь снова грозившее ему смертельными опасностями. Участь ордена решилась в Грюнвальдской битве, происшедшей в 1410 году, в которой литовцы, поляки и русские из литовских земель об‘единились против общего врага—ордена. Татары также принимали в ней участие, общее количество татарских войск, сражавшихся под Грюнвальдом, насчитывают около 30.000 тысяч, хотя цифра эта, несомненно, и преувеличена. Предводительствовал татарскими войсками Джелляль-Эддин, сын Тохтамыша. Сражение при Грюнвальде, как известно, окончилось полным разгромом ордена. Неудача вскрыла внутреннюю язву, подтачивавшую организм этого аристократического государства, и орден не только лишился гросмейстера и лучшей части воинства, павшего в битве, но и прежнего престижа своего могущества, основанного на внушении страха покоренным народам прусских и литовских земель.

Джеляль-Эддин после Грюнвальдской битвы еще некоторое время остается в Литве, в 1411 году он с Витовтом находится в Киеве, сгова-

*) Еще в 1237 г. Тевтонский Орден крестоносцев об‘единился под одним управлением с Ливонским Орденом меченосцев (осн. в 1202 году).

риваясь, повидимому, о новых планах относительно Золотой Орды, т. к. уже через год (1412 г.) он выступает претендентом на престол в Кипчаке. За эту поддержку Литва получила земли до устьев Днестра и Днепра, укрепленные города Кременчуг, Бендеры и Очаков, а также гавань на Черном море—Хаджи-Бей, откуда король Польши Ягайло отправил (1415 г.) пшеницу, осажденному турками Константинополю.

Тюрко-татарские орды, кочевавшие в пределах вновь приобретенных земель, были тесно связаны с Литвой теми или другими взаимоотношениями. Таким образом, если на заре своего возникновения, Золотая Орда, отделенная от Литвы автономными русскими княжествами (Галицким и Черниговским), хотя и признававшими верховную власть ханов, но пользовавшимися, относительно большой свободой, поддерживала с великими князьями Литвы дружественные отношения, то теперь, когда границы их тесно соприкоснулись с распространением Литовского государства на юг вплоть до Черного моря и со включением в свои пределы западных степей Кипчака, это политическое сотрудничество должно было достигнуть своего апогея.

Действительно, уже в 1419 г. (822 мус. эры) в степях Кипчака выступает Кадибирди сын Тохтамыша, оспаривая власть у всемогущего Эдигея, гибели, которого в конце концов добились настойчивые Тохтамышичи. Витовт отвлеченный новым нажимом Польши и Ордена, был бессилен поддержать своего кандидата на престол Золотой Орды и уже в 1422—23 г. (826 мус. эры) в Кипчаке появляется новый властитель Мухамед-Хан из рода Чингиза[1]). Зато Крымским юртом прочно завладел (1420 г.) Хаджи-Гирей, ставленник Витовта, воспитанный, а быть может, и родившийся в Литве, который уже около 1428 г., добился полной независимости от Золотой Орды своего нового Крымского ханства. Между Литвой и новым ханством установились дружественные отношения, пережившие Витовта, который умер в 1430 году после неудачной попытки короноваться королем Литвы и на Луцком с'езде европейских государей (1429 г.) участвует также и Крымский хан „страж спокойствия Литовско-русских земель". Эта охрана спокойствия с юга была действительно очень важной для периода 1430—1436 г.г., когда, после смерти Витовта происходил спор за Литовское наследство между поляками и литовцами. Вообще Хаджи-Гирей старался поддерживать дружбу с польско-литовскими королями, не взирая на то, что эта дружба ставила его часто в двусмысленное положение, вроде предложения со стороны папы принять участие в крестовом походе против турок (1466 г.). Обстановка значительно изменилась, когда (1468 г.) Хаджи-Гирею наследовал сын его Менгли-Гирей, который, стремясь защитить себя от посягательств хана Золотой Орды, заключает союз с Московским государством и тем самым занимает враждебную позицию против Польско-Литовского государства. В результате длительной борьбы Золотая Орда пала (1502 г.), а Крымское ханство явилось главным наследником ее могущества. Но отношения между Крымом и Польшей были испорчены с самого начала и в 1503 и 1506 г.г. войска Менгли-Гирея совер-

[1]) Тизенгаузен—„Сборн. матер., относящ. к истории Золотой Орды"—Элайни.

шают набеги до г.г, Клецка и Минска, а в 1508 году разоряют Волынь. От этих набегов[1]) в Литве и на Волыни осталось не малое количество пленных татар, которые были поселены по заведенному обычаю, в качестве поселенцев в Минске, Клецке и др. местах Литвы, а также на Волыни. Несомненно, что в Литовско-Польских владениях, включая сюда также Волынь и Подолье, количество вольных поселенцев татар к этому времени было очень значительно, если принять во внимание, что при занятии Подолии Батыем и даже позже в XIV веке, когда власть Литвы утверждалась в этих местах, главная масса населения состояла из тюрко-татар, разделенных на тьмы и управлявшихся своими атаманами, при чем были здесь не только полукочевники, но и оседлые тюрко-татары, а потому, заимствованная Мухлинским из одной брошюры 1616 года цифра в 100.000 человек, не должна казаться особенно преувеличенной для определения общего их количества при одном условии, что она относится ко всем польско-литовским землям; в самой Литве т. е. в ее северных областях количество татарских поселенцев довольно правдоподобно определяется тысяч в 20—25 душ обоего пола. Вся эта масса отличалась текучестью и чувствовала себя свободно и независимо, основываясь, как на законах, покровительствовавших поселенцам, так и на умении постоять в случае нужды за себя. В силу этого, обычно, и пленные тюрко-татары получали личную свободу, а подчас и землю с обязательством только нести королевскую службу.

Тюрко-татарские поселенцы в Польско-литовском государстве составляли по преимуществу военное сословие, положение которого было аналогично положению казачьего войска —они получали земельные наделы без права их продажи и были обязаны за это являться по первому требованию в полной боевой готовности. В военном отношении все поселенцы татары были прикреплены к хоругвям и имели своих хорунжих, утверждавшихся королевской властью; кроме того были у них и свои маршалки, т. е. представители гражданской власти. Князья, мирзы и уланы татарских орд, поселявшиеся в Литве, приравнивались соответственно к князьям дворянам и шляхте польско-литовской и пользовались соответственными своему званию привиллегиями. Кроме военных поселенцев довольно многочислены были и так называемые «татарские казаки» на обязанности, которых было развозить королевские приказы и почту, кажется, что они по преимуществу и назывались «липан» или «липкан», откуда и получилось более позднее название «лупка-татар», «липковские татары». Кроме этих категорий поселенцев были и городские жители из татар, которые в своих правах и обязанностях ничем от остального городского населения не отличались.

Правовое положение этих поселенцев во времена независимой Литвы было вполне удовлетворительным вплоть до момента, когда после Люблинской унии (1569 г.), окончательно об‘единившей Литву с Польшей в одно государство, в Польско-Литовском государстве началась та религиоз-

[1]) Еще раньше в 1493 г. литовские войска разоряют Очаков, которым владел Мингли-Гирей, а в следующем 1494 г. —поляки терпят поражения от татар на Волыни.

но-католическая реакция, которая положила начало стремительному падению Польши. Уже в год подписания Люблинской унии (1569 г.) иезуитский орден впервые обосновался в Литве (Вильно), король Стефан Баторий преобразовал (1579 г.) основанную ими школу в академию, этим было положено начало религиозных гонений, но самого расцвета они достигли несколько позже при Сигизмунде III Ваза (1587—1632). Политическая атмосфера также сильно сгущалась по мере того, как границы больших государств сближались при поглощении ими малых стран. Основной причиной тому являлись необычайные успехи турецкой империи. Взятие турками Константинополя (1453 г.), завоевание Сербии (1459 г.) и Молдавии с Валахией (1476 г.) сблизило границы Турции и Польши, Крым с Генуэзскими колониями также признал власть султанов и к 1484 году уже все пути торговли между Черным и Балтийским морями были в руках турок. Два тюркских государства, из которых одно являлось наследником северно-тюркского государственного образования—Кипчака, а другое южного государства турок-сельджуков, соединились, замкнув кольцом Черное море. Это событие имело огромные последствия, вызвав обнищание и захудание многих городов восточной Европы в частности таких торговых пунктов, как Вильно, Рига и Кенигсберг, с одной стороны, и Краков, Львов и Данциг, с другой, и послужив стимулом для целого ряда войн и столкновений Польско-Литовского государства с Турцией и Крымским ханством.

Притеснения литовских татар начались еще до Люблинской унии, т. е. до момента окончательного соединения двух государств, но своего апогея они достигли в 1609 году; монеты с арабскими надписями, которыми любили себя украшать мусульманки, дали повод подозревать их в чародействе; преследования не ограничивались клеветой и необоснованными обвинениями; несколько человек было сожжено на кострах, а все вообще поселенцы-татары были ограничены в правах; даже за женитьбу на христианке мусульманину грозила смертная казнь, хотя прежде такие браки были обычным явлением. Эти гонения происходили одновременно с притеснениями православного населения Польши (1608—1631 г.г.) и подобно тому, как русское население искало защиты у казаков, татары опирались на поддержку степняков из Крымского ханства. Ряд внешних и внутренних потрясений—нашествие шведов (1655 г.), восстание Богдана Хмельницкого и поражения, которые терпела Польша от казаков, турок и крымцев, привели во второй половине XVII в. к некоторому улучшению и частичному восстановлению прежних прав тюрко-татарских поселенцев: сейм в 1662 г. утвердил возвращение им отобранного недвижимого имущества. Но эти меры уже не могли привязать татар к новому государству, где было так мало гарантий не только имущественной но и личной безопасности и когда Польша после восстания Дорошенко и войн с Турцией (1666—67 и 1671—72) вынуждена была заключить позорный Бучацкий мир (1672 г.), по которому вся Подолия и правобережная Украина отходили к Турции, массы татар стали переселяться в турецкие пределы, добруджу и Малую Азию. Эти переселения не прекращались и в последующее время, т. к. история Польши, начиная с середины XVII столетия

представляет непрерывный ряд восстаний, переворотов и войн. Несомненно однако, что искать счастье на новых местах склонны были менее приспособившиеся к условиям жизни в Польско-Литовском государстве, а к таковым принадлежали преимущественно те тюрко-татары, которые осели на землю сравнительно поздно. По этой же причине переселением в Турцию меньше были захвачены жители старых татарских колоний коренной Литвы, чем поселенцы на Украине и Волыни. Разделы Польши (1772, 1793 и 1795 г.г.) застали литовских татар уже изжившими и периоды гонений и переселенческие стремления: полькое законодательство последних лет явно стремится удовлетворить поселенцев-татар утвердив (1768 и 1775 г.г.) за ними пожалованные им земли и вернув даже право строить новые и чинить старые мечети. Им было отказано лишь в политических правах—праве участия в совещаниях сейма и сената и т. п.—наравне, впрочем, с христианами не католиками.

С возникновением герцогства Варшавского (1807 г.) политические права также были приобретены ими. Наконец, русская власть, начиная с Екатерины, стремилась завоевать симпатии литовских татар, как „народа храброго и прямодушного“, а, главным образом, в поисках опоры среди опозиционно-настроенных туземцев: для управления вновь присоединенными литовскими провинциями русскому правительству нужны были местные служилые люди, лишенные ярко выраженных польских симпатий, от которых были не свободны и коренные литовцы. Литовским татарам был открыт доступ на государственную службу со многими, впрочем, существенными ограничениями. Они, таким образом, превращались в орудие обрусительной политики, смягчая в то же время административный нажим производившийся сверху на население. Вообще правовое положение литовских татар до 60 годов XIX-го столетия было более или менее удовлетворительным; население, не исключая и поляков, также относилось с доверием к своим мусульманским согражданам, видя в них естественных защитников местных интересов от произвола властей: литовские татары очень редко допускались на ответственные должности, занимая в правительственном аппарате роль посредников между властью и обывателем, чему много способствовало знание местных языков и обычаев; и однако, в шестидесятых годах вспыхнуло новое стремление к переселению в Турцию, охватившее на этот раз почти все и при том наиболее старые колонии литовских губерний. Причины этого порыва нужно искать в том общем настроении уныния и безнадежности, которые охватили население Литвы после жестокого подавления последнего польского восстания царским правительством. В самом восстании татары, впрочем, принимали крайне незначительное участие, но та тяжелая атмосфера недоверия и угнетения, которая установилась в Литве после событий 1863 года действовала удручающе на всех местных жителей, независимо от их национальности. Переселение в Турцию окончилось неудачей: многие еще не успели приступить к ликвидации имущества, готовясь к выезду за границу, когда было получено телеграфное сообщение о том, что первая партия возвращается обратно; хотя это и не прекратило частичных пересе-

лений, длившихся вплоть до начала XX-го столетия, но главная масса литовских татар удержалась на месте, убедившись на опыте в невозможности порвать навсегда связи со страной, с которой она так тесно исторически и экономически срослась. Главной причиной неудачи переселения в Турцию является необходимость приспособляться к новым условиям, что при незнании даже языка особенно чувствительно бывает для тех, кто на прежней родине уже достаточно хорошо приспособился. С середины прошлого столетия начинается также эмиграция литовских татар в С. Америку, носящая, впрочем временный характер: переселяются главным образом кожевники в поисках хорошего заработка на американской территории, но собрав некоторую сумму денег, эти эмигранты обычно возвращаются на родину и обзаводятся хозяйством. Гораздо серьезнее отразилось на жизни литовско-татарских колоний, проявившееся тогда же стремление молодежи, получившей образование, в поисках службы предпринимать далекие поездки в Сибирь на Кавказ и другие места Российской империи, приведшее к тому, что население в колониях сильно пошло на убыль и сами колонии стали приходить в упадок и запустение.

II. Быт литовских татар.

Общее количество литовских татар Мухлинский на основании данных 1843 -1855 годов определяет в среднем около 6.000 человек. Более поздние данные (1889—1896 г.г.) дают цифру магометанского населения в тех губерниях, где проживают литовские татары около 11.500 человек[1]), но эта цифра может быть принята только, как приблизительная, так как, с одной стороны, сюда, вероятно вошли и солдаты мусульмане из Поволжья и Башкирии, служившие в расквартированных здесь воинских частях, с другой стороны, несомненно, некоторая часть литовских татар не попала в эту рубрику по тем или иным причинам. Данные переписи 1897 года также требуют к себе критического отношения, поэтому количество литовских татар, связанных с колониями на пороге XX-го столетия осторожнее будет определять цифрой около 8 тысяч душ обоего пола. Но в это число не входят, те литовские татары, которые проживали за пределами бывших литовских губерний—в Америке, на территории Австро—Венгрии в разных городах России. Если считать число этих выселенцев, из которых большинство поддерживают связь с родиной, приблизительно в 3 тысячи, то общее количество тюрок, называющих себя литовскими татарами определится цифрой около 11 тысяч душ обоего пола. Главная масса литовских татар по новому разграничению государств живет в Польше—приблизительно около половины всего количества, в Белорусской Советской республике—меньше половины и небольшое сравнительно количество в Литве и в Украинской Советской республике. Большинство литовских татар живет замкнуто в своих колониях, но есть не мало и хуторян—собственников или арендаторов, разбросанных на пространстве всей Литвы, понимая этот термин в его историческом значении. Из наи-

[1]) См. Большой энцикл. словарь Брокгауз и Ефрона.

более крупных поселений литовских татар можно отметить колонии в следующих пунктах: в Минске около 300 семейств, Новогрудке около 30 семейств, Ляховичах—50 семейств, Клецке—15 семейств, Рейжи—27 сем. Ивье—свыше 100 сем., Слониме—70 семейств, Видзы, Василишке, Суховоль и др.

Кроме основного занятия земледелия, довольно распространена также кустарная выделка кож. Извоз (фурманство), о котором упоминает Мухлинский, с развитием сети железных дорог вывелся окончательно. Торговлей литовские татары, видимо, никогда не занимались: как у потомков воинов, составлявших сословие служилое, у них сохранилось воззрение на торговлю, как на занятие унизительное.

Жилище, одежда, а в огромном большинстве случаев и обычаи литовских татар мало отличаются от таковых у остальных жителей городов и местечек Литвы. Только в одежде женщин, как более консервативного элемента сохранились некоторые особенности—пристрастие к большим платкам, как у казачек, ожерелья. Обыденным языком у литовских татар является белорусский, вернее украинско—белорусский, реже польский и лишь иногда литовский или украинский. Тюркских слов уцелело немного:—душман, гяур (ин), чифут, яссик=ястык, ушак=косяк дверей, а также отуреченные арабские и персидские, как—вилайет, намазлык, куранджей, синюджей, фалджей. Употребляется немало арабских слов в религиозном обиходе—уммет, мейит и т. п.

Вообще Ислам, которому литовские татары обязаны сохранением всего самобытного, что у них уцелело, наложил сильный отпечаток на весь характер и уклад жизни обособленных колоний, там же, где литовские татары в силу разрозненности и более тесного соприкосновения с другими народами утратили обычно свойственный им религиозный фанатизм, процесс ассимиляции совершается быстро и с течением времени трудно бывает установить даже самое наличие татарского элемента. Как показывают цифры, количество литовских татар за последние два столетия калеблется, имея тенденцию к уменьшению, но это уменьшение есть результат переселения и ассимиляции, а не вырождения. Наглядным примером опустения даже целых литовско—татарских колоний от указанных причин являются поселения на реке Ваке, возле Вильно, где огромные кладбища окружают жалкие остатки сельбищ в 2—3 дома (Афендзевичи, Гуроли, Казаклары), а возле селения Сорок—Татар целых семь мусульманских кладбищ свидетельствуют о колоссальных его размерах в прошлом, хотя теперь там не более 15-ти мусульманских семейств. Одной из главнейших форм ассимиляции являются смешанные браки, так как потомство от этих браков уже навсегда порывает связь с колониями—центром самобытности. Смешанным же бракам обычно приписывается и утрата литовскими татарами тюркского языка, что как будто бы и соответствует истине, так как живущие в городе Троках караимы и до сих пор сохранили тюркский язык, но с другой стороны необходимо принять во внимание, что караимы никогда не несли той службы в войсках, которая выпадала на долю татар, а военная служба, несомненно, один из важных факторов ассимиляции мелких народов.

Анализ фамилий литовских татар[1]), указывает на то, что масса чисто польских фамилий происходит от татарских и арабских имен, а также на более поздний приток в среду литовских татар таких элементов, как поволжские татары, горцы Кавказа и т. п. Несомненно, что многие фамилии литовских татар исчезли бесследно—их следует искать, главным образом, среди фамилий польской шляхты и интеллигенции, но не подлежит также сомнению, что ассимиляции подверглись, главным образом, те поколения, которые произошли от смешанных браков и вследствие этого тюркский тип, часто с признаками монгольской примеси, сохранился настолько хорошо, что даже в крупных городских центрах литовского татарина легко отличить среди прочей массы населения.

Мухлинский, описывая наружность литовских татар отмечает:—высокий рост, смуглый цвет лица, выразительную осанку, правильные черты лица и далее говорит—„они благородны в обхождении, в разговорах рассудительны, вообще гостеприимны, кротки и воздержаны: словом не сходствуют совершенно с монгольскими племенами"... В этом описании есть существенные неточности.

Прежде всего, рост обычно средний и выше средний, редко высокий. В отношении наружности наблюдаются два типа—многольско-ногайский с ясно очерченными скулами, монгольским прорезом глаз, черными волосами и смуглым лицом—и турецкий с овальным лицом без резко выдающихся скул, карими глазами и более или менее светлыми (обычно каштановыми) волосами. Мне кажется, что и в отношении описания душевныи качеств проф. А. Мухлинский несколько погрешил: вряд ли можно говорить о кротости характера потомков воинов и авантюристов, переселявшихся в Литву из тюркских стран Золотой Орды, Крыма и др., для которых война была родной стихией, да и исторические документы (напр. Литовские Метрики) говорят часто об обратном: драки, даже убийства являлись обычным делом, хотя всегда не в целях грабежа.

Под влиянием Ислама и окружающей обстановки у литовских татар выработался своеобразный взгляд на образование: мусульманское образование, по их убеждению, должно быть чисто религиозное—изучение кур'ана, молитв и так называемого „китаба"—т. е. собрания священных преданий. Обучение большей частью индивидуальное, а в колониях и коллективно в особых школах—„годжи". Методика обучения самая первобытная. Знания арабского языка даже у „годжи" или муллы—ничтожные.

Тем не менее в колониях наблюдается своего рода преклонение перед „учеными" по-мусульмански. Если мусульманское образование по воззрению литовского татарина существует для души, то европейское только для тела, в погоне за материальными благами. Отсюда произошло стремление исключительно к специальному образованию и пренебрежительное отношение к общественным наукам, к искусству, как к „нехлебному занятию". Этот кажущийся грубый материализм отнюдь не нечто врожденное, скорее результат исторически сложившихся отношений к окружаю-

---

[1]) В моем списке имеется 130 фамилий.

щей среде... Лучше всего это видно на том, как литовский татарин ищет применения своих сил—он предпочитает прежде всего службу военную или вообще государственную, затем общественную или на железной дороге и лишь с большой неохотой идет на службу частную, хотя бы она оплачивалась и лучше государственной. Преклонение перед государством, повидимому, есть результат того, что литовские татары—сотни лет были служилым элементом.

Не лишена интереса и письменность у литовских татар. Она исключительно религиозного характера; об'яснения к молитвам, религиозные предания в так называемых „китабах" написаны арабским алфавитом (с применением харакята—„аджик"), на белорусско-украинском или реже польском языках; при этом введен новый значек для передачи часто встречающегося звука „дз" в белорусском языке. Иногда пишутся этим способом письма, заметки и т. п. Но на ряду с этим в молитвенниках—„хамаилах" встречаются целые переводы молитв и об'яснений на тюркском языке, сделанные их предками, для которых этот язык являлся родным, но теперь они читаются и изучаются наравне с подлинными арабскими текстами, снабженными подчас тут же толкованиями на украинско-белорусском или польском языках.

Мир в представлении литовского татарина населен массой духов („фереи"), большею частью враждебных человеку. Но вооруженный приличным знанием молитв человек легко может их обезоружить. Все недоброе характеризуется оригинальным словом „неаузюбилляг", что в переводе означает „не прибегающий к Аллаху". Применяется лечение при помощи отчитывания и окуривания березовой корой или в крайности бумагой, исписанной молитвами. Есть и профессиональные лекари этого рода, они пользуются известностью даже среди окружающего христианского и еврейского населения, среди которого находят немало платных клиентов; но сами литовские татары относятся с осуждением к такого рода промыслу, существует даже поверье, что лечение за деньги вредно отражается на потомстве лекарей—изгнанные ими из пациентов болезни, как бы переходят на детей врачевателя, у которого поэтому в роду всегда будут нервно-больные или глухо-немые потомки. Наоборот бесплатное лечение родных и знакомых считается делом хорошим, почетным. Лечение при помощи отчитывания молитвами характеризуется словом „сюфкать", так как лекарь при чтении молитв над больным время от времени дует на него трижды от головы к ногам (больной лежит), издавая протяжный звук „сюф", а потом, сплюнув в сторону, продолжает чтение дальше и так до конца; затем следует окуривание.

Лечат таким способом главным образом болезни простудные, нервные, испуг, а вообще и другие подозрительные заболевания, относительно которых можно предполагать, что они являются результатом „подвеивания", т. е. проникновения в организм человека вместе с воздухом (при ветре, сквознике и т. п.) нечистой силы.

Враждебные человеку духи—„фереи", по воззрению литовского татарина, очень любят селиться во всех нечистых местах—на сорниках, по-

мойках и т. п., а также на пустырях, перекрестках дорог, у кладбищ, христианских церквей, в ямах, канавах, темных рощах, у стоячих вод и т. п., поэтому при хождении по таким местам рекомендуется осторожность, во всяком случае необходимо читать молитвы; нервным людям, женщинам и детям, особенно после захода солнца рекомендуется вообще не ходить по таким местам и, во избежание испуга, им вменяется в обязанность не отлучаться от домашних надолго. Впрочем ношение при себе защитных амулетов („грамотка") может быть очень полезным и поэтому такими „грамотками" снабжают детей еще в колыбели. Это—молитвы, написанные на бумаге в виде длинной ленты, свертываемой и зашиваемой в матерчатый футляр; для большей действительности амулета его нужно время от времени вынимать и прочитывать.

Для того, чтобы узнать судьбу человека и те опасности, которые ему грозят „открывается фал", т. е. производится гадание на основании буквенного гороскопа, составляемого для каждого лица отдельно сообразно его имени, возрасту, происхождению и следовательно влиянию на него той или другой планеты.

Предания, поверья, легенды, литовских татар почти исключительно религиозного характера. Наиболее популярной и распространенной является легенда о святом—„Эвлия" по имени Кунтусь, который будучи пастухом тайно совершал полеты в Мекку, где молился в мечети. Хозяин его, зажиточный мусульманин совершил хадж к гробу пророка, но доехав до Мекки, вследствие разных невзгод в пути очутился без средств и возможности вернуться на родину. Крайне угнетенный своим безвыходным положением хаджи обратился за советом к одному шейху. Тот велел ему прийти в главную мечеть Мекки к ночной молитве, и когда он пришел, указал ему на сидящего в переднем ряду человека, одетого в чалму и зеленый „джуббе" (плащ).

— Подойди и садись сзади этого человека, сказал Шейх, а по окончании молитвы схвати его за плащ, чтобы он не ушел—он не откажет тебе в твоей просьбе,—он один может доставить тебя на твою далекую родину. Хаджи так и поступил, но он был крайне удивлен и обрадован, когда в человеке сидевшем перед ним, по окончании молитвы, он узнал своего постуха.

Закрой глаза, сказал ему Кунтусь; хозяин повиновался и через несколько секунд они очутились в Литве во дворе своего дома. Пастух взял слово с Хаджи, что он никому не расскажет о случившемся, но жена хозяина заметила странную перемену в их отношениях и то уважение, с которым муж ее стал относиться к пастуху. Она долго осаждала мужа своими распросами и вынудила его наконец высказать всю правду. Хаджи спохватился, вспомнив, что дал обещание молчать и бросился в хижину пастуха, но придя к нему нашел его мертвым. Могила приписываемая „Эвлия Кунтусю" находится возле селения Синявка—она имеет большие размеры; к ней литовскими татарами совершаются паломничества со всех концов Литвы.

В Слониме существует предание о некоем Банюте, посрамившем на дуэли одного польского пана, но легенда эта сравнительно новая, так как

Банюта или Банэт историческое лицо XIX столетия и имя его часто употребляется при сравнениях.

О своих предках литовские татары сохранили представление главным образом, как о военном элементе, но в преданиях они часто называются турками, реже татарами. В Литве часто можно встретить названия —Турецкая Горка, Турецкий Окоп и т. п., хотя никаких указаний на пребывание здесь османских турок и нет. Предания литовских татар говорят, что на Литву совершали нападения немцы—крестоносцы, и как были они чародеи, то оружие литовцев было бессильно против них; тогда литовские князья призвали на помощь татар, которые нагнали на немцев такой страх, что среди них установилось поверье, будто „турка и пуля не берет". Другое предание об'ясняет победу над немцами тем, что татары против, закованных в железо рыцарей применяли арканы, которыми они владели в совершенстве: сброшенные с коней рыцари в своих тяжелых доспехах были не только лишены возможности сражаться, но часто даже не могли подняться с земли и попадали в' плен.

В предании о кончине мира говорится, что Даджал (т. е. антихрист) тогда выйдет из своего заточения, когда „турок проспит свой утренний пятничный намаз". Таким образом, возможно, что термин татарин, который является теперь обычным, более поздний.

В заключение необходимо сказать несколько слов о развлечениях. Любимым развлечением молодых людей являются *вечеринки с танцами*, причем танцы исключительно европейские, главным образом, польские. Старики мужчины и женщины любят собираться на „вечёрки", где узнают все новости и известия; есть особый разряд людей—„походуры", которые странствуя из колонии в колонию, питаются милостыней и переносят известия о браках, смертях и др. событиях, всегда интересные для родных и знакомых. У детей преобладают подвижные игры—борьба, бег взапуски, игра в самодельный мяч „пилка", свернутый из кусочков резины и обмотанный для прочности суровыми нитками, наконец, катание диска или „кацёлки". Эта последняя игра пользуется особенной популярностью, хотя она и небезопасна, так как часто оканчивается серьезными ушибами; диск диаметром 20—30 сантиметров обычно из крепкого дерева бросается вожаком одной партии в сторону противников, те стараются всеми способами задержать бешено мчащуюся „кацёлку" и когда это им удается, самый сильный из них, вожак пускает диск с того места, где он был задержан в обратную сторону т. е. в сторону первой партии. Победителем считается та партия, которая загонит противника к концу арены, т. е. к заранее отмеченным пунктам.

Литовские татары, где бы они ни находились очень дорожат связью с родиной и с родной колонией; с обычаями и воззрениями, воспринятыми с детства они расстаются крайне неохотно; отчасти в этом сказывается влияние Польши, население которой в силу исторических причин крайне консервативно, но, главным образом, это явление об'ясняется естественным подбором наиболее устойчивого элемента, смогшего противостоять и вековым

гонениям и вековой ассимилирующей работе окружающей среды. Связь с Востоком ощущается наиболее сильно жителями колоний и частью интеллигенции. Сознание духовной общности с Востоком не раз толкало их на переселения, главным образом, в Турцию, но так как литовские татары за длительный период своего существования в Литве прекрасно приспособились к борьбе за существование в условиях западной жизни, то всякая попытка к эмиграции на Восток оканчивалась до сих пор неудачей; даже Европейская война, выбросившая их из насиженных гнезд и заставившая большую половину литовских татар жить долгое время на положении беженцев, не помешала тому, что огромное большинство их вернулось на родину, где колонии снова возродились частью из развалин и пожарищ, чтобы продолжать свое существование там, где они возникли четыреста или пятьсот лет тому назад.

А. И. Ушков.

I.

Керамика Востока.

(Доклад, читанный в О-ве Обследов. и Изучен. Азербайджана 8 февраля 1926 г.).

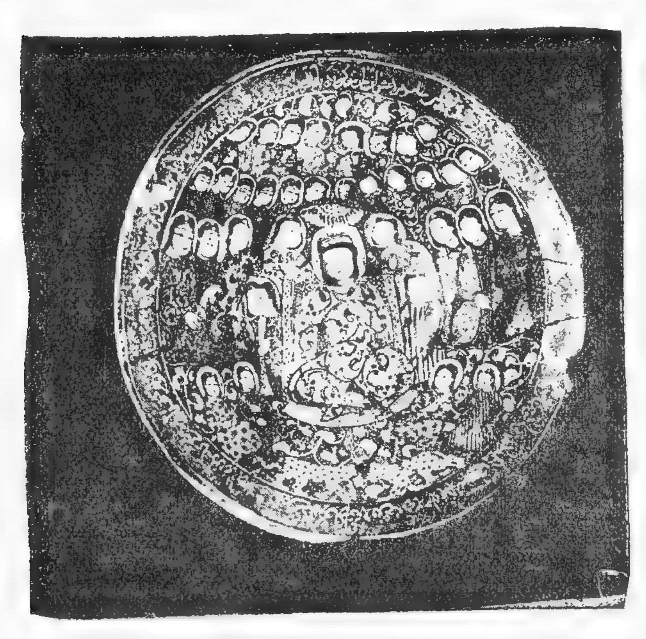
Возникновение гончарного искусства восходит к самой заре человеческой истории. По сравнению с другими прикладными искусствами произведения керамики дошли до нас в огромном количестве, вследствие своей необычайной прочности и несокрушимости материала, который не подвергался сознательному уничтожению или переработке, как например, ценные металлы или мрамор, произведения из которого погибали массами, при пережигании в известь. Значительная часть художественных керамических изделий охватывается именем фаянса и полуфаянса. Фаянсом в широком смысле этого слова называются все гончарные изделия из светлой пористой глины, покрытые прозрачной глазурью или поливой. Самые древние глазированные сосуды принадлежат Египту—родине глазури. Из Египта глазирование перешло в Финикию, Вавилонию и Ассирию, затем в Персию, где применялось уже в области строительного искусства и достигло высокого расцвета. Глазурь была известна и грекам и римлянам, но при их исключительной любви к чистой терракоте, они не использовали глазури, ни в художественном, ни в практическом отношении и при гибели античной культуры, секрет изготовления полив был временно утрачен для Европы. В эпоху средневековья, фаянс снова возрождается и опять таки на Востоке Оставляя в стороне историю проникновения фаянса через Испанию в Европу, остановим свое внимание исключительно на моментах исторического развития фаянса в странах Востока, но прежде познакомимся с фяаянсом, как с материалом и способами обработки.

Горшечная глина даже после обжига, несмотря на приобретенную твердость и плотность, все же остается проницаемой для жидкостей и жиров, т. е. вообще впитывает в себя влагу и потому первая задача глазури сделать сосуд абсолютно непроницаемым для жидкостей, но одновременно глазурь разрешает и другую задачу, она делает поверхность гладкой и ровной и пригодной для раскраски. Одним словом глазурь разрешает две задачи, практическую и художественную.

Глазури или поливы состоят, главным образом, из кремнистого сланца, с примесью различных окисей служащих при обжиге и плавлении, связующим средством. От состава этих окисей, конечно, зависит и цвет

полив, например, окиси меди давали гамму зеленых и голубых тонов, окиси железа с примесью поташа и соды, давали желтые и красные тона и т. д., а так как состав таких красок изготовлялся не на основании точных рецептов, а лишь на основании опыта мастера, то и богатство и разнообразие тонов получалось изумительное. Чтобы скрыть цвет глины под прозрачными поливами, например, свинцовой глазури, поверхность сосудов стали покрывать тонким слоем белой молочной окраски «А н г о- б а“, на которую уже наносилась глазуревая паста для обжига.

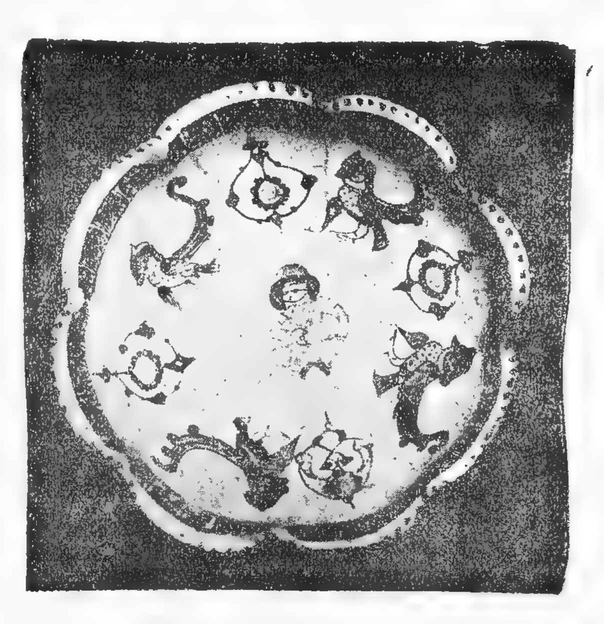
Наноска такого „ангоба“ давала возможность мастеру украшать сосуды росписью по белой обмазки или проскабливанием на нем рисунка обнажавшего цвет глины. Затем была изобретена непрозрачная молочно-белая полива „оловянная глазурь“, которая давала возможность создавать поверхности для росписи тонкой живописью и даже золочения по своей сырой поверхности и затем обжигалась. Делалось это так: после сформирования глинянный предмет подвергался легкому обжигу с целью приобретения необходимой твердости и сухости. Затем, глазурная масса, в виде порошка, смешивалась с водой, покуда не получалась белая, напоминающая по цвету молочную жидкость. Когда предмет обсох и остыл, его медленно окунают в глазурную ванну. Сухая глин а немедленно впитывает воду, а глазурная масса, в виде белого порошкообразного слоя, остается на поверхности предмета и вот, на этом слое выводится рисунок водяными красками. После росписи, предмет подвергается вторичному обжигу, при чем, чтобы предохранить предмет от непосредственного соприкосновения с пламенем, его заключали в особого рода глиняную оболочку-футляр.

Во время этого обжига глазурь расплавляется и сообщает свой блеск и сияние краскам, которые становятся, таким образом, частью самой глазури и составляют одно целое. Так шло усовершенствование техники фаянса, под именем которого в настоящее время идут изделия, изготовленные исключительно лишь из белых глин, покрытых молочно глухой непрозрачной поливой.

Эпоха Ислама предоставила фаянсу более широкую область применения, благодаря его тесной связи со строительным искусством. Облицовка стен фаянсовыми плитками, известная еще ранее, нашла себе применение в монументальных сооружениях мусульманских народов. Купола

и стены мечетей и медрессе, в особенности входные порталы, должны были поражать вступающих в здание своим красочным блеском. Особенной же художественной тонкостью поражали изразцы, предназначенные для украшения внутренних стен и Михрабо (молитвенных ниш, указывающих направление на Мекку). Необычайная страсть к строительству народов Ислама, вызывала постоянный спрос на изразцы в качестве архитектурных украшений. Наряду же с производством изразцов, на Востоке совершенствовалось и производство глиняной посуды, развитие которой много зависело от одного религиозного требования, запрещавшего производство посуды из драгоценных металлов. Таким образом, повторяю, до нас дошло колоссальное количество предметов керамического прикладного искусства Востока, по которым остается нам проследить и верно понять эстетические переживания и дух времени каждой эпохи. Но надо сознаться, что в Восточной керамике это чрезвычайно трудно, именно в Восточной, и вот почему: стиль и орнамент на Востоке, развивались чрезвычайно медленно, отдельные орнаментальные формы применялись целыми столетиями, почти в неизменном виде, особенности национального вкуса сглаживались установившимися традициями Ислама, на протяжении огромного пространства целого ряда стран. Таким образом, консерватизм форм затруднял для исследователя определение даты и места производства. Но, тем не менее, надо различать два главных течения в развитии мусульманского искусства вообще и керамики в особенности.

Одно течение, это Арабско-Семитическое сухое и строгое, а другое Персидско-Арийское жизнерадостное и красочное. Первыми традициями пропитано искусство Месопотамии, Северной Африки и Испании, а вторыми Персия, Индия и пожалуй Турция.

Если коран запрещал изображать живые существа, то ведь можно было изображать и любоваться цветами на своих коврах, на изразцах и посуде и, когда гнет Корана, этого высшего выражения нового учения, стал ослабевать, то у первых персов, этих жизнерадостных арийцев, стали появляться из под кисточек художников, на чашечках и блюдах, красивые головки девушек со стрельчатыми бровями или статные юноши на размалеванных тонконогих конях. В других же мусульманских странах этих граней, поставленных Исламом, не осмеливались перешагнуть. Все исследователи мусульманского искусства единодушно подчеркивают ту, всегда сразу ощущаемую о б щ н о с т ь, между произведениями самых раз-

нообразных искусств и ремессел у всех народов, об'единенных в одно целое духом одной религии, одной культуры.

То собрание восточной керамики, которое имеется у нас в государственном музее, поступившее туда, благодаря счастливой случайности и неусыпной бдительности Е. А. Пахомова и затем, дополненное дальнейшими приобретениями, может остановить на себе внимание знатока и заинтересовать большим разнообразием отдельных предметов, являющихся как бы представителями отдельных производственных групп. Особую, чрезвычайно любопытную группу представляют персидские фаянсы в китайском вкусе с фоном цвета старой слоновой кости и рисунками табачно-золотистого цвета, таких предметов до 10-ти, из них же самое большое блюдо поражает вас загадочностью своего происхождения, повидимому, на нем изображен какой-то властелин в кругу своих жен. Монгольские завоеватели 13-го века, об'единившие под династией Чингизидов, страны Дальнего и Ближнего Востока, привели с собою в Персию целые колонии китайских ремесленников, в том числе и керамистов, которые очень быстро акклиматизировались на новой родине. Принеся с собою традиции своей художественной промышленности, китайские мастера сильно влияли на персидское искусство новизной своих форм. В дальнейшем ходе исторических событий, эта связь не только не порвалась, но даже поддерживалась, так например, при шахе Аббасе Великом, фаянсовое производство Персии прямо перешло уже в руки китайцев-руководителей приглашенных для этой цели и прочно основавших там фаянсовое производство.

Я не хочу сказать, что это блюдо есть произведение китайского мастера, наоборот всмотревшись в детали рисунка внимательнее, вы вынесете убеждение, что это работа художника перса, учившегося у китайского мастера' но не сумевшего скрыть свои национальные черты. В деталях орнамента есть и арабские надписи, ожидающие своих исследователей. Во всяком случае их можно безошибочно отнести к XII-XIV векам. Блюдо поменьше, напр. с воином в средине, любопытно по эллинской трактовке складок плаща и хитона. Маленькие же мадальонные изображения сидящих женщин на всех блюдах, чисто персидского рисунка. Целая группа очень красочных и интересных экземпляров (правда сильно реставрированных) имеют общие указания на происхождение из г. Рея, т. е. на средину XIII века, но так ли это, конечно, трудно сказать, во всяком случае эта Рейская группа чрезвычайно изыскана и блестяща. Я укажу на некоторые вещи из этой группы: чаша под № 195 матово бирюзовая с юношей всадником на внутренней поверхности; № 196 также с бирюзовой поливой, с черным рисунком сказочной птицы „гамаюн" или „сирен", очень излюбленный мотив на Востоке и в строго-русском орнаменте; № 184 тот же Гамаюн, но в несколько тонов; №№ 193, 192, 198 и 176, по молочно-белому фону фигурки мужчин и женщин, расцвеченные нежными тонами, голубым, красным и зеленым.

Лица и формы тела имеют ту характерную закругленность, по которой легко узнать персидского мастера. Очень интересна чаша № 167

цвета зеленовато-блестящей бирюзы с черным рисунком геральдической пантеры, напоминающей по рисунку эпоху Мировингов. Все эти вещи, повторяю, сильно реставрированы, составлены из кусочков, но очень искусно и любовно. Кстати сказать, из развалин Рея до нас дошло очень мало вещей цельных, они известны почти все на перечет. Большого интереса заслуживают вещи с прорезным орнаментом, т. е. в стенках сосуда до обжига и поливы прорезывался ажурный рисунок, чаще всего в виде бордюра, затем заливался глазурью, что после обжига давало прозрачные цветные окошечки. Этим славился в Южной Персии город Гомрун, а этот способ украшений также заимствован из Китая. Хотя датированные образцы этого рода фаянсов в других собраниях не восходят далее средины 18 века, тем не менее, имеющиеся вещи в нашем гос. музее, например, № 196 производят впечатление очень старых.

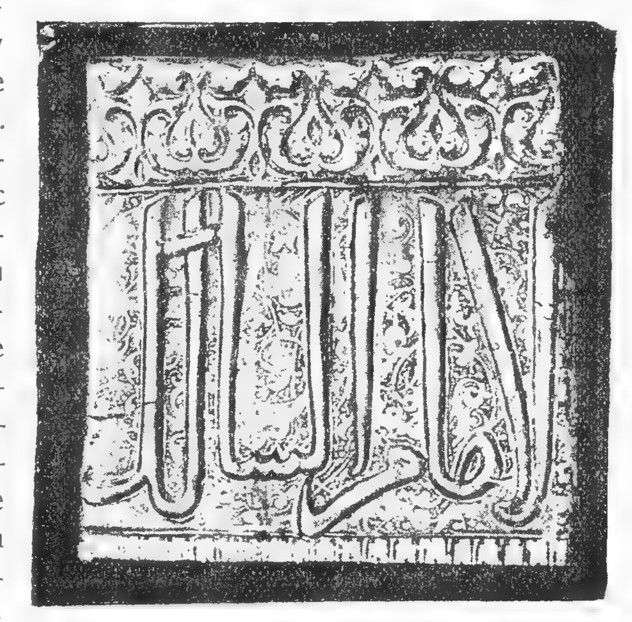
Среди крупных производственных древних центров фаянса, указывают на гор. Керман, Мешхед и Шираз, но все они, очевидно, подчиняясь духу времени и властному голосу моды, трактовали свои произведения под сильным китайским влиянием, гармонично сочетая свой местный персидский рисунок фигур с типично китайским узором.

Теперь мы коснемся чрезвычайно интересного и эффектного явления в керамике, с первого же момента могущего остановить наше внимание и вызвать восторг, это металлический отблеск поверхности фаянса или так называемый „Люстр". Способ люстрирования посуды и изразцов, вероятнее всего возник в Персии и в 12-м веке он уже был обычным явлением на всем Востоке. Это изобретение очевидно не было случайным и было вызвано потребностью и любовью к роскоши и желанием заменить золотые и серебряные сосуды, употребление которых запрещалось строгими предписаниями Ислама, не одобрявшими роскоши, не менее блестящими и роскошными, но все же сделанными из глины, как бы символа смирения. Впоследствии, был какой-то период, когда этот секрет люстрирования был забыт и долгое время оставался загадкой. Только в сравнительно недавнее время, исследования ученых керамистов и химиков точно установили, что окрашивающими веществами служили медь, железо и серебро. Краски эти накладывались на обоженную, прозрачную или непрозрачную глазурь и после этого вторичного легкого обжига и политуры, приобретали металлический отблеск. Люстр не прочен, он скоро стирается, как вообще всякая надглазурная роспись. Металлический блеск „люстра" бывает чрезвычайно разнообразен, то бледно-золотистый, то темный, напоминающий бронзу, то зеленоватый или синеватый, то радужный, как перламутр, то огненно-красный. Но более поздний люстр времен 17 и 18 века уже не имеет этого золотистого отблеска, а скорее напоминает тусклую медь.

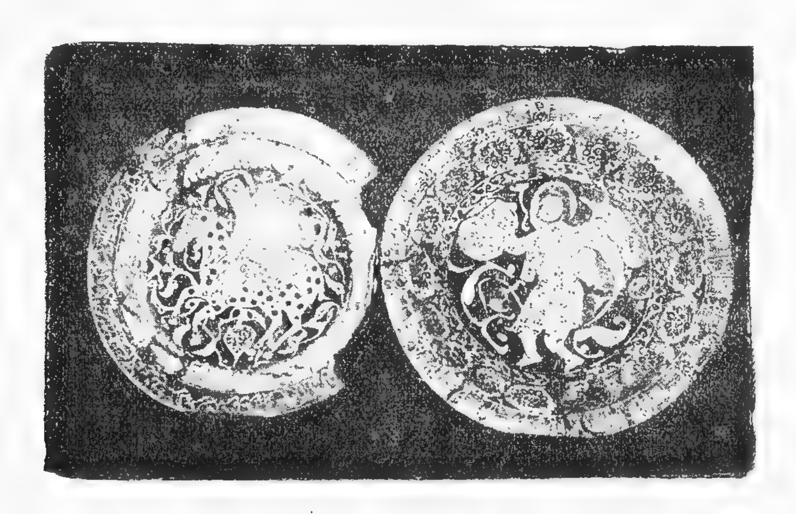
Касаясь здесь почти исключительно персидского керамического искусства, я хочу подчеркнуть, что Персию можно считать колыбелью мусульманского керамического производства. Персы были учителями, как в области техники так и в области цветочного и вообще растительного орнамента и обогащали группу мусульманских народов своими несравненными и трогатель-

ными стилизованными цветами, радуя взгляд красивым бегом линий стеблей, точно волнуемых ветром и грациозно склоненными головками цветов. Здесь я намеренно подчеркиваю растительный орнамент, т. к. повторяю, фигуры людей, птиц и зверей среди мусульманских народов, свободно изображали только персы. Перейдем к собранию поливных изразцов в нашем музее.

Чрезвычайно интересен ряд плит из развалин с. Ханыка, (недавнего приобретения музея из частных рук). Эти плиты, кроме своих чисто художественных достоинств, драгоценны еще и потому, что являются последними из всех еще так недавно бывших в селе Ханык, этого соседа Баку и связанного с ним, несомненно еще со времен глубокой древности, чем то общим по характеру и архитектуре своих развалин. Нельзя не отметить большую заслугу администрации музея в лице его директора Д. Б. Шарифова за это, можно сказать, спасение ценнейшего исторического памятника. Эти изразцовые плиты, несомненно персидского происхождения, по характеру своей выделки, относятся не ранее, как к XIV веку, т. к. только с этого века, появляются в Персии изразцы с рельефным выпуклым орнаментом, до этого изразцы выделывались с плоской поверхностью. Это нововведение было, очевидно, вызвано желанием использовать в полной мере красоту и игру металлических красок, которые значительно выигривают на неровной поверхности. На золотистом фоне, усеянном цветами и листиками на тонких причудливых стеблях, с несколько расплывчатой зеленой краской, резко выделяются большие синие рельефные буквы. Такими плитами опоясывали, декорированные плоскими изразцами внутренние поверхности молитвенных стен и обводились контуры ниш. Из этого же с. Ханыка имеются и другие изразцы, пожалуй еще более раннего происхождения, это плоские восмиконечные звезды розетки, орнаментированные в персидском духе с применением надписей по контуру, чередующиеся с равноконечными заостренными крестами, пригнанными в промежутки между звездами. Василий Михайлович Сысоев, ездивший в Ханык, привез много обломков этого вида изразцов и однотонных бирюзовых плиток и, если дальнейшие научные экскурсии поспешат, можно будет еще кое-что добыть из развалин этого замечательного Мусульманского Монастыря. В музее имеются еще прелестные персидские изразцы, в виде восьмиугольных плиток, повидимому,

XVI века, с головками женщин, держащими в руках с тонкими пальчиками, цветки, на подобие карточных дам. Хотя рисунок не отличается тщательностью отделки, краски расплывчаты и небрежны, но общий характер благородного рисунка говорит о большом навыке и вкусе мастера-кустаря. Здесь будет кстати заметить о характере персидского изразца вообще. В отличие от средне-азиатских и турецких, каждый персидский изразец представляет из себя совершенно законченный орнаментальный мотив, как бы подчеркивая большое пристрастие и любовь вдумчивого персидского художника к миниатюре, стремившегося на небольшом куске материала закончить художественное целое, между тем, как у турецких и средне-азиатских мастеров, наблюдается стремление к достижению декотивных эффектов более крупного масштаба, что делает ненужным и лишним тщательность перса. Переходя к другим предметам восточной керамики нашего музея, Вы найдете много интересного и любопытного в этой области, что к сожалению, не могло быть отмечено в этом кратком докладе. Не могу не сделать некоторого предостерения (конечно только тем,

кто еще не имел навыка разбираться в этом предмете) относительно некоторых №№, которые не являются предметами старины, а лишь грубой подделкой под старину и поражают Вас крикливостью своих красок и форм, напр., плитки из фарфоровой массы, яркие и блестящие, с рельефными фигурными сюжетами из героического эпоса Персии, это есть очень распространенные произведения новейшего времени.

В таких случаях прекрасно знающий свое собрание и вообще искусство Персии, Мориц Альфредович Фабри, заведывающий отделом Востока в н|музее, с большой готовностью придет на помощь.

Для подведения итога этому краткому очерку, я хочу также упомянуть о совершившемся в средине 18 века переломе в области техники керамики вообще, что, конечно, не могло не отразиться и на керамике Ближнего Востока. Давно уже умы европейских ученых керамистов волновал секрет изготовления твердого китайского фарфора, сплошь стекловидной, блестящей и нежной массы, могущей в руках мастера давать необыкновенно утонченные формы. И вот путем подкупа, упорной работы

и всяких хитростей, европейцы овладели тайной техники фарфора и с тех пор идеалом времени становится тонкий и крепкий фарфор, сумевший ответить буквально всем требованиям, как практическим, так и художественным и, конечно, фаянс, с его тонкими стенками и густо положенной поливой, должен был уступить место своему счастливому конкуренту. Но все, что сделал фарфор (уже можно сказать в новейшее время) не могло поколебать и помрачить тех величайших заслуг древних и старых керамистов, произведения которых до сего времени чаруют нас и едва ли могут быть превзойдены современными произведениями, сработанными бездушными машинами и никогда не сумеющими передать нашим потомкам того, о чем говорят в наших музеях черепки, чудесно заключающие в себе, то строгий религиозный мистицизм араба, то жизнерадостную гармонию и любовь к жизни древнего перса.

Доклад, читанный на заседании Всеазербайджанского Краеводческого С'езда в августе мес. 1924 г. в Баку.

Наряду со многими культурными начинаниями Великая Революция нашей эпохи выдвинула на первый план также и вопрос о скорейшем осуществлении идеи централизации архивов «в целях научного и общественного их использования». Архивы, имевшие до сих пор, как справочный материал, лишь узковедомственное значение, становятся отныне культурным достоянием всего народа. Перемена общественного строя дала возможность извлекать их из канцелярских недр и об'единить «в единый Государственный архивный фонд»

Декрет Азревкома от 15 декабря 1920 года является первым в этом отношении актом, положившим начало деятельности вновь организованного государственного архива. В его задачу входит организация, хранение, обследование и изучение архивов всех правительственных учреждений, предприятий, общественных, профессиональных и частных организаций.

Заведывание всем этим фондом сосредоточено в Государственном Архиве, который в качестве центрального органа был окончательно сформирован к марту 1921 года при Музэкскурсе, в виде отдельной его секции; но деятельность его быстро развилась, секционная рамка оказалась тесной, и явилась необходилость выделить его в самостоятельное учреждение. Факт этот, являвшийся началом самостоятельной его жизни, санкционирован особым постановлением Коллегии Наркомпроса летом 1922 года.

Но связи с Музэкскурсом, вплоть до его упразднения, Госархив не порывал, продолжая работать в тесном и ним контакте. Задача, выпавшая на долю молодого Госархива, не имевшего за собой никакой традиции, никаких опытов, оказалась чрезвычайно трудной.

Не имея в своем распоряжении никаких данных об архивной наличности, Государственный Архив в первые дни своей деятельности вынужден был быть чрезвычайно осторожным в определении размера своих работ и соответственно с этим в составлении штата работников.

Для выяснения наличности архивных фондов по всей территории республики, с одной стороны, и состояния их с другой,—был выработан особый опросной лист, который и был разослан по всем учреждениям Азербайджана.

Этим удалось учесть размер предстоявшей работы, но попытка усилить небольшой штат приглашением новых сотрудников, встретила разного рода затруднения, на преодоление которых потратилось изрядное время.

В штате Госархива в начале его организационных работ числилось всего два сотрудника: заведующий и один архивариус, если не считать технического сотрудника. С таким количеством сотрудников Госархив не мог широко развить свою деятельность в области непосредственного обследования и изучения архивов. Но тем не менее, этим сотрудникам приходилось напрягать максимум усилий, чтобы спасти хотя бы те архивные фонды, которые чуть-ли не на глазах у всех или гибли или очень близки были к гибели. Поэтому, одновременно с рассылкой опросных листов был предпринят целый ряд обследований архивов, как бакинских, так и уездных учреждений. За неимением средств и людей в этом последнем случае, приходилось ограничиваться услугами раз'ездных инструкторов Наркомпроса.

Правда, этим Государственный Архив не достигал желаемой цели; но нельзя отрицать и той доли пользы, которую он все же извлекал из сообщаемых инструкторами сведений. На основании их складывалось некоторое представление о состоянии уездных архивов.

Обход центральных учреждений впоследствии повторялся систематически в целях контроля и дачи им указаний касательно прежде всего мер охранения имеющихся при них архивных материалов от всякого рода возможных случайностей.

Архивные же фонды в уездах продолжали оставаться за пределами непосредственных наблюдений Государственного Архива. Поэтому, в марте месяце 1922 года им было предложено всем учреждениям и организациям республики повторно сообщить сведения об имеющихся при них архивах. В виду неясности в большинстве ответов на поставленные в опросном листе вопросы, был выработан новый опросный лист, чтобы получить более точные ответы от уездных учреждений о состоянии своих архивов.

Требуемые сведения из уездов поступали в Госархив с большими опозданиями. После некоторой настойчивости, выражавшейся в беспрестанном напоминании, Госархиву удалось все же собрать достаточно сведений, которые довольно ясно освещали как состояние уцелевших архивных фондов, так и те обстоятельства, при которых погибли архивы.

Таким образом, деятельность Госархива в первые годы его существования протекала в обстановке исключительных условий революционного времени со всеми неизбежными последствиями. Обстоятельство это усугублялось еще если не враждебным отношением, то полным безразличием к архивным материалам, в котором почти все видели никому никогда ненужный бумажный хлам, утративший для нового строя всякое практическое значение. Каждое учреждение спешило, как можно скорее от него избавиться, чтобы освободить место для своих чуть-ли не каждый день возникавших отделов и под'отделов.

Острый жилищный кризис особенно гибельно отразился прежде всего и притом повсеместно на архивных наших богатствах. Дела и бумаги, невзирая на культурную их ценность, выбрасывались в беспорядке из собственных их помещений в другие, негодные для хранения бумаг; их скла-

дывали в хаотическом порядке в сараи, подвалы, чердаки, проходные коридоры, а нередко и на двор под открытое небо.

Такое небрежное обращение, которое, вопреки изданным в разное время декретам, не предупреждалось местной властью, привело к тому, что они зачастую стали добычей червей, грызунов и других вредителей; хищение архивных бумаг, сознательное и бессознательное уничтожение были обычными в то время явлениями, борьба с которыми молодому еще недостаточно окрепшему Госархиву с незначительным составом сотрудников без сочувствия и моральной поддержки было не под силу. Тем не менее, он продолжал ожесточенную борьбу с косностью широких кругов нашего общества, расширяя в то же время круг своей популярности.

С первых же шагов своей деятельности ему пришлось столкнуться с архивами, находившимися в беспризорном, особо угрожаемом состоянии; это требовало принятия срочных мер, чтобы не дать им окончательно погибнуть. Но меры, принятые им в этом направлении, не всегда давали положительные результаты; приходилось нередко констатировать полное исчезновение, а в лучшем случае то, что они представляли из себя кучи разрозненных бумаг.

Поэтому неудивительно, если архивы разных учреждений попадали на частный рынок—это приняло характер эпидемии, которую остановить первыми же мерами, хотя бы очень решительными, было невозможно.

В предупредительных мерах против хищения и уничтожения Госархив дошел до того, что он порою замуровывал особо ценные архивы в отдельных помещениях, не считаясь с обилием пагубной для бумаг сырости; но и эта мера не помогала: архивы эти расхищались через проломанные потолки.

Вызванный к жизни бумажным кризисом утильбум забрал для переработки на фабрике большое количество архивных фондов, частью довольно ценных. Им уничтожены, так сказать, до тла, например, архивы Бакинского порта, жандармской охранки и много др.

Путем личных и письменных переговоров с утильбумом удалось получить его разрешение на извлечение из бумажного хлама несколько старинных дел и документов, относящихся к XVIII веку.

Не мало разрушений внесли в архивное дело также и субботники по вырезыванию белых бумаг; архивные фонды, вследствие небрежного обращения с ними и отсутствия заботливого надзора над участниками субботников, были ими превращены в кучу разрозненных бумаг.

Архивы уездных учреждений постигла та же участь. Кроме того, большинство их погибли в вихре гражданской войны и национальных столкновений 1918 и 1920 г.г. В уездах погибли, главным образом, архивы уездных управлений, мировых и следственных учреждений и жандармских отделов. Очевидно, что они стали жертвой злого умысла заинтересованных людей.

Попутно с выяснением положения архивных фондов, Госархив принимал те или иные меры прежде всего к их охране от всевозможных случайностей, чреватых тяжелыми для архивного дела последствиями.

К числу первых мероприятий, предпринятых Госархивом к охране архивных фондов, следует отнести запретительные меры против утилизации архивных бумаг и из'ятия из них чистой бумаги для канцелярской переписки В то же время с утильбумом, хотя и поздно, было достигнуто соглашение относительно определения характера подлежащих уничтожению бумаг. В марте мес. 1921 г. было опубликовано особое об'явление, в котором категорически воспрещалось какое бы то ни было уничтожение архивных бумаг без письменного на то согласия Госархива.

Вся работа его в течение почти двух первых лет сводилась, главным образом, к охране архивов, находившихся при учреждениях.

Сотрудники, которых было всего только три человека, если считать и технического сотрудника, почти исключительно были заняты контролем архивов, оставленных за неимением помещения при своих учреждениях, обходом базаров и торгующих старыми бумагами лавок; обходы эти иногда достигали успехов: было арестовано и перевезено в бумагохранилище несколько архивных фондов.

Первоначально Госархив не располагал своим помещением, и концентрировать в одном месте, под личным своим наблюдением, особо угрожаемые архивы он не мог. В его распоряжении было два раствора, небольшой чулан, лишенный дневного света, под лестницей в доме АзЦИК'а (б. дом Тагиева); и чулан, и растворы доверху буквально были набиты *архивными фондами* б. Ганджинского окружного суда, бывшего Бакинского губернаторского правления, с частью перешедших к нему по праву преемственности старых и очень ценных древних архивов комендантов и управляющих мусульманскими провинциями и др. учреждений первой половины XIX века.

Поэтому, Госархив вынужден был временно отказаться от мысли о перевозке утративших практическое значение архивных фондов, изыскивая в то же время всевозможные способы оставлять их, до поры—до времени, на местах прежнего нахождения; он избегал систематической концентрации архивов, ограничиваясь частичным приемом лишь особо угрожаемых архивных фондов.

Отсутствие об'ективных условий в смысле, между прочим, крайней тесноты помещения, холодного в зимнюю и душного в летнюю пору, недостаточности штата сотрудников и мн. др. не могли однако послужить препятствием к выполнению некоторых архивных работ.

Сотрудниками, в сильной степени занятыми обследованием, изучением и контролем архивных фондов, находившихся вне стен Госархива, была предпринята разборка и частичная систематизация свезенных архивных материалов.

Начиная с начала 1923 г., Госархив вступает в новую фазу своей деятельности; изменившиеся с этого времени об'ективные условия уже позволяют ему стать на нормальный путь.

Нужда в переработке архивных материалов на фабрике, вырезывании из них чистых бумаг, для утоления бумажного голода, утилизации их с целью усиления материальных рессурсов учреждений, вынужденных

к этому отчасти общим экономическим кризисом, и многие другие причины теперь исчезли и отошли в область предания. Необходимость бережного обращения с историческими материалами начинает постепенно проникать в сознание широких кругов нашего общества; расправы с архивами становится все меньше и меньше. После всего этого Госархив получил возможность перейти от охранительной политики к собирательной; теперь он перешел к архивной работе, которая, благодаря вниманию Наркомпроса, получила еще большую интенсивность. Концентрация архивных фондов по степени их важности и состояния оживилась и стала усиливаться. АзЦИК, который не отказывал Госархиву в своем содействии, отвел в принадлежащем ему доме под бумагохранилище целый ряд растворов, приняв их оборудование на свой счет.

Следует здесь отметить, что растворы эти, где ныне помещается Госархив, далеко не соответствуют своему назначению, представляя большую опасность, как для архивных бумаг, так и для здоровья сотрудников; они с трудом могут вместить находящиеся в них в неразобранном виде архивные фонды, не считая тех, которые взяты на учет и подлежат срочной перевозке.

Приспособить эти растворы к целям архива на более продолжительное время не представляется возможным. Рано или поздно, Госархив должен иметь свое собственное вполне оборудованное и достаточно обширное помещение. Госархив уверен, что в недалеком будущем вопрос о постройке специального помещения будет включен в строительную программу нашей республики.

Преодолев все затруднения, связанные со спасением архивных фондов в первые годы своего существования от разного рода случайностей; розысками и выявлением исчезнувших архивов во время их перемещений с одного места на другое; охранением тех из них, которые не могли быть перевезены немедленно в ведение Госархива за неимением помещения; недостаточностью сотрудников и многими другими привходящими обстоятельствами, тормозившими планомерную работу,—Госархив, не ослабляя внешнего контроля, мог перейти к внутренней своей разнообразной работе по разборке, отборке, составлению карточной описи и указателей.

Крайне неблагоприятная обстановка, в которой хранились архивы, не позволяли Госархиву принимать их с соблюдениеи определенных формальностей. Не имея под собой формальной базы, он не мог пред'являть учреждениям требования о приведении сдаваемых ими архивных фондов в должный порядок с составлением на них описей. Всякое предложение представителей Госархива в этом отношении встречало с их стороны решительный отказ, который они мотивировали отсутствием декретированных указаний с одной и свободных сотрудников и средств для этой работы, требующей длительного времени, с другой стороны. По этой причине, вопрос о срочности перевозки архивных фондов решался в зависимости от условий их хранения. Но обстановка хренения архивных дел, вследствие уплотнения до крайних пределов учреждений, была такова что ни сами учреждения и ни Госархив не могли быть спокойны за их

целость и сохранность; это толкало их к поспешной перевозке архивных дел в перемешанном виде. При этом следует отметить, что перемешаны не только дела, принадлежащие одному и тому же фонду, но и принадлежащие разным фондам, разных времен.

Поэтому дело разборки несколько усложнилось.

Фонды, которые сданы в Госархив по правильной описи, нуждаются лишь в слабой разборке. Но те фонды, которые поступили без описи и в беспорядочном виде, подлежат основательной разборке и систематизации. В первую очередь подвергаются разборке фонды, имеющие наибольшую ценность. С 1923 года по сие время разобрано и систематизировано более 36.000 дел. Следующим за разборкой этапом в работе Госархива является отборка дел, не подлежащих хранению в Госархиве, как материал, не имеющий никакой ценности; она производится специально для этой цели созданной комиссией из высоко квалифицированных его сотрудников. В более спорных случаях кооптируются специалисты по данному вопросу. Вслед за этим составляется сначала элементарная карточка, а потом, или одновременно, книжная опись по определенной форме. До сих пор составлена опись на дела в количестве около 10.000.

Что же касается алфавитной, предметной и проч. указателей, то в этом направлении некоторая работа уже проделана; около 1.500 дел имеет систематический и алфавитный указатели.

К научному описанию, которое должно быть завершением всего цикла архивной работы, еще не приступлено; им Госархив предполагает заниматься по окончании подготовительных работ.

Одной из главных забот Госархива являлось установление тесной связи с Центрархивом Москвы; связь эта налажена; выписаны декреты; положения и инструкции для руководства в составлении инструкций применительно к условиям архивной жизни в Азербайджане.

В то же время Госархив стремится установить с ними непосредственную связь путем командировки ответственных и научных руководителей с целью ознакомления как научной, так административно-хозяйственной их постановки; но отсуствие средств не позволяло осуществить это.

По мнению Госархива, такая поездка могла бы принести Госархиву еще и другого рода существенную пользу. Многие наши архивные фонды, представляющие большой интерес с точки зрения общественно-политического развития нашей республики, могли быть пополнены в утраченных во время революции своих частях путем из'ятия из архивов Центральных учреждений архивных материалов, касающихся, например, сношения русского правительства с ханствами в Закавказье, первоначального завоевания нынешней территории Азербайджана в начале XIX в., отношения русской власти военной или гражданской к покоренным областям, населенным тюрками и т. д.

Ясно, что без этого научная работа в Госархиве, куда архивные фонды, главным образом, до революционного периода поступают в разгромленном виде, встретить массу затруднений в освещении интересующих исследователей тех или иных вопросов, хотя бы местного харакера.

Не менее значения имеют для нас и архивные фонды Тифлисских учреждений; здесь хранятся не копии, а подлинные документы интересующие нас; их можно найти в огромном количестве в архивных фондах наместничества, судебных, финасовых, межевых учреждений, водных округов и др. Получив из этих учреждений все, что относится к Азербайджану. Госархив мог бы пополнить пробелы своих фондов.

Уже перед Центрархивом Грузии нами поднят вопрос о передаче Азербайджану относящихся к его истории архивных материалов, но окончательного разрешения вопрос этот еще не получил. В Тифлисе существует мнение о нецелесообразности деления архивных фондов бывших центральных учреждений на части. Мы разделяем это мнение только в отношении тех архивных фондов, которые содержат сводные материалы для всего Закавказья; но мы стоим за передачу тех, которые имеют к Азербайджану непосредственное отношение. Мы уверены, что наш взгляд особенных возражений не встретит.

Еще в 1915 году главные Тифлисские архивы, ввиду близости военного фронта, в целях охраны их от возможных случайностей, связанных с обстоятельствами военного времени, были эвакуированы на Северный Кавказ и размещены там в разных местах.

Нам удалось выяснить, что довольно значительная часть эвакуированных архивов погибла во время гражданской войны на Сев. Кавказе; уцелевшая же часть их уже перевезена обратно в совершенно разбитом виде. Работа по выявлению и из'ятию архивных материалов, относящихся к Азербайджану, до сих пор, за неимением средств в Тифлисе нами еще не налажена; она носит непланомерный, а случайный характер; к урегулированию этой работы Госархивом предприняты соответствующие шаги.

Теперь несколько слов о структуре Госархива. В течение почти двух лет Госархив работал, не имея определенной, так сказать, физиономии, т. е. тех основных частей, из которых обычно слагается всякая организованная единица.

Прежде всего следует заметить, что почти вся наличная сила была направлена на розыски, обследование, спасение охранение архивных фондов и т. д. К этому же следует прибавить, что Госархив до начала 1923 года не располагал более или менее достаточным помещением; работа велась, где попало: в Музэкскурсе или в Музее труда... Все это и много других причин создали условия, при которых постановка такого рода вопроса казалась преждевременной. Ликвидировав общую массовую угрозу архивным фондам, Госархив получил возможность обратиться к вопросам внутреннего строительства.

Усилив состав архивных работников и расширив помещение с необходимым оборудованием, Госархив, исходя из хронологического принципа, принял схему, состоящую из 5 основных отделов: 1-й Древний отдел —обнимает время до русского владычества; к этому отделу относятся несколько случайно уцелевших ханских дарственных грамот;

2-й Отдел периода русского владычества в Закавказье; фонды этого отдела отражают деятельность русских правителей до падения царизма.

3-й отдел содержит архивные фонды периода особого Закавказского комитета (ОЗКом), явившегося на смену упраздненному наместничеству; сюда же относятся фонды времени Закавказского Сейма, но сохранилось очень мало материалов.

4-й Отдел—Муссаватский—содержит фонды 1918—1920 г. (по 28 апреля). Фонды эти также, как и все другие фонды дореволюционного периода, сильно пострадали.

5-й Отдел—Советский, куда входят фонды Советских учреждений; сюда же относятся архивные материалы времени Бакинской Коммуны.

Каждый отдел в свою очередь делится на секции, коих 7: 1) Политическая, 2) Экономическая, 3) Юридическая, 4) Культурно-просветительная, 5) Историко-революционная, 6) Военно-морская и 7) Дополнительная.

Но если появится потребность в более дробных и точных подразделениях, то фонды каждой секции могут быть подразделены и на серии.

Ввиду недостаточности помещения пришлось Госархиву ограничиться пока делением всего единого архивного фонда только на основные его отделы.

Наконец, считаю нужным отметить, что при Госархиве имеется библиотека, насчитывающая до 4000 книг и периодических изданий.

Теперь Госархив работает при более благоприятных условиях, чем в предыдущие годы; тогда ему приходилось переживать очень тяжелые моменты; порою существование его висело на волоске; он стоял перед угрозой потерять если не все, то многи из своих фондов, которые он предполагал получать из уездных и центральных учреждений. Теперь все это прошло, став историческим прошлым.

Идея архивного дела по своей новизне особенной популярностью не пользовалась. К сожалению, было не мало таких, которые видели в архивных материалах ненужный бумажный хлам, лишенный с установлением Советского строя всякого практического значения, не подозревая, что „этот бумажный хлам" служит базой для изучения прошлой жизни человеческого общества.

Для выполнения многообразной и сложной работы в распоряжении Госархива имелось незначительное число сотрудников, очень добросовестных, но мало тогда опытных в архивном деле. Приходилось им работать на основании собственных ежедневно накоплявщихся опытов, при полном отсутствии руководств, пособий и прочей литературы по архивоведению. Но, тем не менее, следует отметить, что несмотря на все те затруднения, которые неизбежно встечались на пути Госархива,—все же им достигнуты, как бы скромны они не были, некоторые результаты:

1) Утверждена вполне определенная юридическая база для дальнейших его действий, 2) завоевано довольно широкое общественное признание Госархива, 3) учтена приблизительная политичность общего архивного фонда, и в связи с этим определен размер работы, 4) охранено и сконцентрировано несколько десятков крупных и ценных, но, к сожалению, не полных архивов 5) приступлено к плановой работе и 6) положено начало научному использованию материалов.

М. Чаринов.

Лакская поэзия.

Говорят, что в определенные моменты жизни каждый человек бывает поэтом.

Действительно, в моменты душевного напряжения сил, в моменты вдохновения у человека является потребность высказать, передать свое настроение в стихах.

Самые удачные из них сохранялись в памяти народной и передавались из поколения в поколение. Так и получилась народная поэзия у всех народов.

Народная поэзия есть первая школа, где последующие поэты могли учиться и учились поэзии. Так получилась и лакская песня.

Лакская народная песня делится на „Балай"—цельная песня, поэма и „Шанба"—частушки; буквально означает три.

„Шанба" передает только настроение автора, это есть лирика. В лакской песне нет рифмы и если иногда и встречается, то не бывает выдержана до конца. Стихи—силлабические, количество слогов строго определенно: их или 7 или 11.

Эпитеты и сравнения чаще всего берутся из окружающего мира; все что пестро, блестит в природе, на нее обращено внимание лака и оно взято для сравнения: „глаза из яшмы", „уста из розы", „стройна, как тополь" и пр. „ах вил нину диргивуп идда цандал хуйншивуцу мархалданин дахса катул тиндукундари"—(„как красивы брови твои, они подобны перу ворона на свежем снегу"). Между прочим сахар, шербет и финик в большом почете у него: „Сахарное тело", „финиковая пальма" и др.

С введением ислама в Дагестане установилась связь и с другими восточными народами и горцу стали знакомы некоторые понятия, относящиеся к ним; он пользуется и этими понятиями в своей поэзии:

„Дамасская сабля",
„Лев Индостана",
„Соловей Хоросана",
„Сады Стамбула" и т. д.

Очень характерны также, как вообще для всего Востока—преувеличения и преуменьшения в поэзии; „текли реки и крови" и т. п.

„Шанба" отличается от кумыцкой „Сарын" тем, что в последнем особенное внимание обращается на рифму в ущерб смыслу—напр.:

1) „Таргу тав тюби тахта Виратга эки нохта Сен мени суе Мусанг Уллу болге нчага тохта".	1) Подошва Тарги горы ровна, как доска Для одной лошади два недоуздка, Если ты меня любишь, подожди пока Я вырасту.

2) „Сар сари сари пастан
Саптагындан чирисип
Сени менден аирган
Сари майда ирисин".

2) Желтая дыня пусть сгниет у верхушки.
Кто нас разлучил, пусть растоится в масле.

А в лакской „Шанба", хотя и встречается рифма, но имеет смысл внутри себя она цельна, напр.:

1) „Алвар дикул ав булай
Жарилнува к иннивав
Бурук ин дарал чантай
Хувух бутун киннивав".

1) Остаться ли холостым,
Питаясь свежей дичью
Иль повесить на шею
Сумку (печали).

2) „Ишки кахун ва дул дак
Мухай дурху чаннан яв
Чих кабуруган яру
Няк чутул куллардуяв".

2) Ведь не сталь же сердце мое,
чтобы не быть доступным любви;
И не пули свинцовые очи мои,
Чтобы не лобзаться избранными.

Лакская песня во многом похожа на аварскую не только по внешнему виду, но также по содержанию—особенно песни о героях.

Все «Балайрду» делится на: 1) военно-героические, 2) религиозные, 3) бытовые и лирические.

I. В первых воспеваются подвиги отдельных героев в борьбе с противниками—чаще всего походы на Грузию, как, напр., в „Моллачул Иса".

Герой наш собрал иналинцев, чиркеевцев и чеченцев и отправился походом на Грузию против воли родителей и недалеко от Тифлиса погиб в борьбе с отрядами царя Ираклия.

Интересно его прощание со своим отрядом перед смертью; «если отец мой спросит вас, почему нет сына с вами, передайте что, удерживая буйную лошадь, отстал я от вас; если сестры спросят, почему нет брата их,—передайте, что, закупая гостинцев для них, я отстал. Если же возлюбленная моя спросит вас—ей скажите всю правду и утешьте как нибудь".

Такое отношение к родным об'ясняется тем, что отец не дал ему лошадь, а сестры спрятали оружие—перед отправкой в поход и ему пришлось просить у других и нанимать в долг.

Есть еще «Даддакал Балай», описывающее возвращение с похода в Грузию; где она тщетно ищет мужа среди возвращающихся, узнает, что он погиб и оплакивает его.

В «Казамиль Али» описывается, как семь грузин похитили Парил Миседу невесту—Казимиль Али, чтоб отомстить ему за его набеги и как Казамиль Али, узнав об этом отправляется в догонку и, убив всех семерых, освобождает невесту.

Братья и отец ее, прибывшие позднее на место борьбы, там же обвенчали их.

В других песнях воспевается борьба с русскими, как. напр., «Курупиял Дави», где описывается битва при укреплении курах в двадцатых годах прошлого столетия. Здесь герои этой борьбы «Кикиял Чопан" и „Дилал Акай" погибают со всем отрядом.

В «Батыр Хучилав» описывается место Нуцал Хана Аварского героя за его набеги и нападения на ханские владения; эта поэма очень удачно переложена Сергеем Оргашевым и имеется в выпущенной им книге „Парида" под заглавием „Смерть Хачбара".

II. Имеется достаточное количество духовной поэзии, где возносится хвала богу за его щедроты, где воспеваются жизнь и деяния пророка и других святых, а также в стихах раз'ясняются догматы религии и различные явления природы. Одним из видных представителей религиозной поэзии является Магомед Балхарский—из сел. Балхар, Даргинского округа (Маллай —духовное лицо с арабским образованием. Помимо собственных произведений, он собрал разбросанные отдельные стихотворения других авторов и выпустил в печать отдельным сборником под названием „Мажмуатул Атар"—сборник стихов.

В этом сборнике имеются произведения Заида Койвинского последователя шейха Гаджи Муса Гаджи из селения Кукни, посвященные на смерть шейха, а также посвященные мюридам его, имеется произведения и самого шейха Гаджи Мусы, посвященное своему учителю из согратсля Шейх Абдурахман Гаджи и др. произведения. У Мамед Балхарского есть много любовной поэзии сильной красивой. посвященной возлюбленной из сел. Айзами Махач-Калинского округа.

В области духовной поэзии много написано и Гази Сеид-Гусейновым из сел. Кулух—(ум. 921 году) имеется отдельный сборник „Анпару Ддумуэ"—река слез, где описывается жизнь и страдания мучеников Гасана и Гусейна сыновей Али, а также „Киссатул Анбия"—предания о пророках.

Омар Баркаринский написал „Бустанул hокук"—сад истины о о догматах религии и „Мовлуд" рождение, жизнь и деяния пророка Магомада.

Абдул Керим Кулухский—„Подарок из Медины"—толкование догматов религии. Паша Вачинский—о любви и религии.

Омахан Качаев—и много других также писали о религии.

Вообще в лакской поэзии больше всего религиозных, так как изстари грамотными были только духовные лица и они фиксировали свои произведения на бумаге, а светская поэзия осталась только в памяти народной в очень незначительном количестве многое забыты и многое изменено.

Характерным для духовной поэзии является еще то, что в них встречаются очень много арабских слов; среди них, оказывается, установился даже взгляд, что чем больше арабских (иностранных) слов, тем красивее поэзия.

III. Песен лирических очень много; чаще всего в них воспевается любовь и связанаое с ней страдание; невозможность видеться друг с другом, препятствия на пути к их счастью и преград в лице родных.

Интересна песня „Саил"—(нищий), как юноша переоделся нищим и пошел в дом своей возлюбленной и стал просить милостыню и вместе с тем об'ясняться с ней в любви: она его ругает и гонит от себя, пред-

лагая ему делить любовь с куском черствого хлеба и об'ясняя, что она любит только сына старшины. Здесь он открывается ей в том, что он и есть сын старшины, после чего она принимает его любовь.

Здесь характерно, что она влюбилась в него не видевши его вблизи может быть даже просто по наслышке.

В песне „К у л у"—(мышь) сельский кадий об'являет, что поймана мышка, с'евшая мечетское сало и просит собраться на ее суд (из сала делались свечи и своровать в мечети сало считалось высшим грехом).

Мышка говорит, что она не вор и не грабитель, что страстное сердце нарушило ее покой, почему попала она в капкан. Далее проклинает всех, кто устроил для нее ловушку. Предлагает из шкуры ее сделать папаху судье, чтобы во время заседаний надевать на бекрень; из хвоста—палку для кадия, чтобы, иди в мечеть, мог опираться на нее. Усы серые приклеить старшине, чтоб на сходках он мог крутить их.

Как видно переданная в аллегорической форме песня о мышке представляет тоже любовное путешествие и в „С а и л", только окончившееся неудачно.

Есть песни, в которых женщина проклинает нелюбимого мужа, за которого выдали ее против ее воли родители: песни Муминаты описывают это настроение.

Всякий выдающийся в жизни факт отмечается у лаков в поэзии; особенно женщины чутки в этом отношении.

Есть много песен хвалебных и порицающих.

Если кого-нибудь из любимых и уважаемых всеми постигнет неожиданно смерть, про него, непременно, сложат песню, как, напр., Омара Охарского, Гаджи Муса Гаджи Зайдилов Курклинского, Гаруна Саидова и др. Или же наоборот, если кто-нибудь сделает недостойное, то его в песне понесут.

Поэзия отдельных авторов.

1. Юсуф Кадий Муркилинский (род. в Кулухе, умер 1918 г. в преклонных летах).

Юсуф—арабист, он хорошо знаком с арабской литературой, знаком также с фарсидской. Они оказали сильное влияние на его поэзию; даже его сборник носит фарсидское название „Д и в а н" и в поэзии встречаются фарсидские слова. Рифма выдержана.

В конце поэмы он также, по образцу фарсидских поэтов, обращается к себе: „Эй Юсуф довольно, пора кончить песню, суд людской был ли справедливым когда-нибудь", или с какими-нибудь подобными же предложениями.

Внешняя форма поэзии также взята из восточных „К а т э т"—(отрывок) „Г а з а л и й" „К а с и э д а т".

Характерным для Юсуфа является то, что его поэтические краски особенно пестры и ярки, сравнения, эпитеты слишком слащавы: „Н и ц о в у х б я в г у н у а т р и л у й б у с с а д а к т а й л а с с а с а л а м т а в у с л е л у х у й". (Приготовленный на духах и начинен медом от искреннего сердца привет дорогому павлину).

В большинстве своих стихов, Юсуф превозносит свою возлюбленную, шлет ей сладкие приветы и поет свою любовь. Песни его, как вообще большинство горских песен специальных названий или заглавий не имеют.

Но это все его ранние произведения, а поздних мне не удалось достать.

Несмотря на все посторонние влияния, поэзия Юсуфа сильна своей красотой и звучностью и оставила сильный след в народной поэзии:

„Гузла буллай Адатсса
Киргулул луhе яру
Зана битанна тавлил
Ды байлаган Шайссарив?
Кункул тутул ккуппуву
Нарзлуй вардшиса мурчал
Чава найрал ниц дакка
Цамур цупчин шайссарив“.

(Черные очи сокола, привыкшие выслеживать—сколько б ни старался, разве можно удержать.

Уста привыкшие выпивать сок из бутона роз—смогут ли пить другое—кроме меда молодой пчелы).

Мотивами его поэзии, помимо любви, служит и мораль.

Имеются у Юсуфа изречения в стихах:

„Каласи ай акил му дус наяти вил душматурашал дусшив дувайса.
ирру мабачара му инсаннашал дусталми кабивтуп вишал дус хусса“.
(„Брось ты того друга, который дружит с твоим врагом,
Не дружи и с тем, кто покинул своих друзей и подружился с тобой“)

2. Гасан Гузунов (жит. Кумуха).

Также арабский ученый; у него на арабском языке имеются большие труды по толкованию Ислама и по астрономии; знаком и с русской литературой.

Но это не повлияло на его лакскую поэзию. Его поэзия чисто лакская.

В более ранних юношеских стихах он воспевал любовь, а впоследствии другие мотивы его увлекли.

Он упрекает Турцию за подстрекательство к восстанию—за то, что обещав прибыть на помощь горцам, обманули их надежды.

„Жучан бучанну кати жугу hалак кабуну аллаhнал буллуса карс кинну ябунияра“.

(Не обнадежив нас обещаниями, вы бы сберегли свою крепость Карс).

Недоволен и Кази Магомедом Шамиль за подстрекательство чеченско Али Бека своими письмами из Турции к восстанию: „Паша Гази Магомед вил кадикаймурция чеченнал Али балгун чагарду цан тайлабов“.

Недоволен и Шейхом Абдурахманом Согратским за то, что разрешил сыну стать имамом.

Дает слово больше не верить Шейхам, так как они не смогли предугадать поражение.

Упрекает и главу кумухских повстанцев Фатаалия, который из-за личных счетов навлек столько бед на бедный народ. Таким же образом пробираются все главари восстания и мрачно заканчивает словами:

„Скольких уж сослали, скольких повесили, сколько так погибло— эх, всех уничтожили".

„Делать нечего не осталось, помочь ничем не могу, остаюсь озлобленным и недовольным миром".

Г у з у н о в ж и в е щ е.

3. **Шафи Ницовкринский** (жит. Ницовкры, погиб 1918 году, 26-ти лет).

Шафи виртуоз стиля. Он смело может быть назван первым поэтом Лакии.

Он так свободно распоряжался словами, вкладывал столько смысла в слова, не имеющие совершенно никакого значения, так умело и ловко он их комбинировал, что получались совершенно новые понятия.

Он не искал слов для выражения своих настроений, они сами являлись к нему в нужный момент.

Его поэзия сильна, звучна, она волнует, захватывает каждого.

Он был молод и поэзия его молода и сильна.

Любовь и война—это его области, его мир.

Он воспел турецкий переворот 908 года: Низложение Абдул-Гамида и всю Балканскую войну со всеми подробностями: битвы при крепостях— Мустафа Паше, Кирх Килисе, Скутари и так далее. Столкновения болгар с сербами, возвращение Адрианополя.

Воспел также Европейскую войну до 917 года.

Все события на всех фронтах отдельно им воспеты такими сильными, захватывающими стихами, что их все помнят наизусть.

В описаниях событий он правдив, искренен, не скрывая своих симпатий к той или другой стороне.

Особенно богата его поэзия звуковыми узорами:—

„Буруссилал ялун бурмардие буну
Суассоннал ялун сав диян дурну
Пруссиянавуп цанав вурс буну
Шампания наву Щирикин буну".

В поэме „Кавсарат" он воспевает любовь юноши к девушке в диалогической форме.

Здесь опять таки идет борьба, борьба между любовью юноши и боязнью девушки общественного мнения. Под конец любовь берет верх и они достигают цели.

Есть у Шафи также много мелких песен, где он воспевает любовь свою.

Есть и „Молитва", где он просит бога наказать всех, кто помешал его любви и наклеветал на него его возлюбленной:

„Гибат бан гирами гарарай анба
Цаняв ламмам турайн бала ликкан ба
Вай дакру луһенайн һямим кири ба
Вай маэру мурзинайн зулму ликан ба и т. д.

(Уничтожь, о боже, склонных к клевете
На всех двуличных пошли ты бед
Всем коварным—злым растопи ты ад
На всех скверноязычных направь свой гнев) и т. д.

Ш а ф и рано погиб, может быть он многое создал бы в дальнейшем, еслиб остался жить.

4. Ахмед Каради—(курди). (Сел. Кумух).

Получил турецко-арабское образование (окончил Константинопольский университет). Он больше писал прозою; он психолог и великолепный бытописатель. В поэзии у него очень красивы описания природы. Он в природу вкладывает душу: его горы говорят, реки плачут, долины слушают; красиво очень описание Стамбула:

„Солнце, собираясь купаться в Мраморном море, одело небо в шелк и парчу. Рубиновые волны разукрасили грудь Босфора, свежий и нежный Родосский ветерок приятно ласкал лицо мое, островки улыбались, прощаясь с солнцем“..... и т. д.

В другом стихотворении „Чант чияра лак“ (проснитесь лаки) его горы призывают горскую молодежь очнуться и приобщиться к культуре.

В его поэзии незаметно влияние Востока; из других стихотворений замечательны: 1) „Арчиял зундаву“ (на арчинских горах); 2) „Баркаллал Щунуй“ (с высот Шуни); 3) „Узданшиву (свободное человечество); 4) „Ахтар“ (посвящение.....).

Между прочим есть у Каради и другие труды в прозе: „История Ислама“ с новейшей точки зрения.

«Обманутое чувство»—роман.

«Уроки Психологии»—и «Любовь»—психологический и социологический этюд на тюркском яз., издан 922 году в Баку.

А. К а р а д и—состоял редактором лакских газет „И л ч и“ и „Ч а н н а Ц у к у“, а ныне работает научным сотрудником А.Г.У.

5. Санд Габиев. (Старый революционер, житель Кумуха).

Писал много на русском и на лакском языках.

Известен „Саз Саида“ сборник стихотворений революционных и других, где особенно сильно проявлена любовь к горам. (К сожалению, не имея под рукой его, не могу долго на нем остановиться).

С е и д—старый революционер издавал с 912 года газеты: „Хаха барг“ (заря) и мусульманскую газету в Петербурге, которыми он посадил семена революционного духа в сердцах горцев и способствовал развитию местной литературы; он работал в два фронта—борьба с народной темнотой и невежеством и второй—борьба с царским самодержавием и его генералами Вольскими, которые в пылу гнева грозили: „Я вспахаю Дагестан“.

Это настроение передает одно из его многих стихотворений старых:

„Ящун чани бакка нардав даркунни
Даннин чисса хуйса буддал аршарайх

Шил лакайвав бохтул чиракрал чани
Шил учайвав хича заманул балай
Шил аслансса канил аз дурлу Посрдав
Лакран какан байвав чаннайнса хуллу".—Перевод:

„Мрачною пеленою покрылась дорогая родина моя; кто же зажжет высоко яркого света факел; кто же споет песню прошлых дней; кто львиною рукою подняв завесу, укажет Лакии путь к свету".

Саид был первым учителем вдохновителем—в частности для лакской молодежи, сказавшим слова правды в мрачные годы царизма.

6. Гаджи Мурад Амитаев (жит. с. Хурукры скончавшийся в 1918 году).

Гаджи Мурад—самородок-сатирик. Специального образования не получал. Жил в Дербенте и был достаточно знаком с тюркской литературой. Писал сатиры на все темные явления лакской жизни.

Особенно сильны его нападки на буржуазию, кулаков и духовенство.

Он в своих метких и резких стихах бичует все их недостатки.

Подобно „письмам темных людей" в эпоху возрождения, он пишет словами темных фанатичных мулл критику на просвещение.

Особенно сильна его любовь к просвещению и он упорно призывает молодежь учиться, учиться и еще учиться.

Поэтическое имя его „Литфи.

7. Гарун Саидов (сел. Вачи).

У него есть драма „Калайчитал" очень жизненно и художественно рисующая быт мелких кустарей лаков, обиженных судьбою и принужденных за скудностью земель выезжать на заработки и подвергаться всевозможным лишениям и невзгодам. Есть особенно художественные и трогательные места, когда этот пасынок природы в тяжелые минуты вспоминает ее, свою возлюбленную, оставленную им на родине.

Гарун—революционер всей душой был предан делу Революции—расстрелян добровольцами в 1919 г. в Кумухе. У него есть и ревелюционные песни:

Тӏакасса чаннасса кини ча ча-ми
Чант укияра зу лавай бизира
Халлилса хияллу дакниву буми
Буккира майданнив даста даһяра
Луһесса цаннашал лачун букира
Эльмулул баграва тутив риддара
Азизса Миллатран кинбала буллай
Уддирадди лухчи цулаган дара". Перевод:

Вы, ищущие радостных светлых дней проснитесь, встаньте,
Вы, чье сердце полно красивыми мечтами.
Выходите на равнину, становитесь в строй,
Боритесь с мрачной темнотой, срывайте цветы из сада науки,
Делая добро дорогому народу воскресите заново
Землю к новой жизни.

8. Гасан Нурадинов (революционер—погиб на фронте в горах Дагестана) жит. сел. Кумух.

Написал драму из жизни „мутаалимов“, т. е. учеников духовных школ находящихся при мечетях. Есть и стихотворения: „Сон ангелов“,—в котором превозносится любовь: „Там, где пролита слеза любви—там нет смерти душе“.

Очень разносторонен и талантлив.

9. Тажуддин Амитаев (сел. Хурукра).

У него имеются драмы из дагестанской жизни: «Гнет беков» и др. жизненно рисующие быт и нравы горцев; есть много стихотворений на различные темы, очень красивые и сильные.

Он пошел бы очень далеко, если бы шел в одном направлении, но он универсален во всех ремеслах и искусствах и эта разбросанность не дает ему возможности довести одну область до конца.

10. Гиттинаев Гази Гусейн (сел. Кумух).

Красиво описана в стихах жизнь и смерть „Яссы Качаева“, погибшего на Гунибе в 20 году.

Имеются другие стихотворения: „Приветствие Октябрьской Революции“ „Лакку дару“, где в художественных красках, описывается, как лечили ребенка местными способами.

„Савдажар“ (торговец) посвящение. „Сувейбат“ (возлюбленная) об‘яснение в любви—дальше „Сураку“—кузина: месть—месть братьям за смерть жениха. „Давуд и Лейла—любовь слуги к хозяйской дочери—поэма...

11. Ибрагим Хапип (с. Унчугатль).

Тоже достаточно силен в поэзии особенно любовной; есть и на злобу дня; молод и подает больше надежды.

12. Абдурахман Омаршаев. (С. Хурукра 18 д.).

Молодой поэт—самородок; есть красивые вещи, особенно удачны красоты природы, воспетые им в своих произведениях: „В лунную ночь». „Увядший цветок“, „Звезда“ и др. У него большие способности, надо только их развить.

13. Гаджи Мурад Гойминский.

Писал поэзию для детей; довольно красивые вещи, писал на смерть Сеидова Гаруна и др. вещи.

14. К а м а. (Сел. Кумух).

Тоже самородок во время последнего Кумухского Хана Агалар хана. Последний для своего удовольствия приказал нукерам убить двух телят Камы (последнее его имущество, тогда Кама спел:

„Вацилуя паркури курунная ас кури
Мискин камал бярчирдин няк чутул чавка бури

Ханнал кала бувайса карал битан бакаяв
Дул кива нацлив кунклул вил кала ласунхивав
Бевтун дупанграл бутун турлих hяла бухукун"
Кабарчаллах берчурдин ка кидя кадурса и т. д.—Перевод:

(С горы Ващилу ударила молния, с Курунна гром загремел
На бедных телят Камы полил дождь свинцовый
Ведь хан создает крепость для защиты от неприятеля
Неужели мои жалкие телята взяли бы твою крепость.
Убив выстрелами, когда пустились в рукопашную,
Недоволен, телята, Вами, что не смогли ответить им).

Хан позвал Каму и предложил выбрать двух быков лучших из его конюшни взамен телят.

15. Мегомед Хан Пашаев (25 лет, жит. Кумуха).

Написал несколько драм, как например: „Три сестры"—описывающие жизнь старых дев; „Пастух"—его жизнь.

Есть много стихотворений, посвященных кумухской молодежи.

16. Зайдилов Курклинский (сел. Куркли).

Описал в стихах свою жизнь с начала до конца.

17. Магомед Авдуев (жит. Кумуха).

Воспел жизнь мутааллимов в красивых стихах, но произведения Зайдилов Авдуева и Пашаева мне не удалось достать.

Вот все, что я могу сказать сейчас по имеющимся под рукой материалам о лакской поэзии; это только маленькая часть того, что есть, но я надеюсь в дальнейшем разработать более обстоятельно лакскую поэзию и вообще литературу.

Баку, 17 ноября 1925 г.

Крымский „фонетический“ алфавит.

Среди вопросов, подлежащих рассмотрению Тюркологического С‘езда, несомненно, самым важным является вопрос об алфавите.

Нет сомнения в том, что от того или иного разрешения этого вопроса зависит также и решение других вопросов, стоящих в повестке дня С‘езда, к числу которых относятся вопросы правописания, этимологии, преподавания родного языка в школе и другие.

Вопрос об алфавите в настоящее время является самым животрепещущим для тюрко-татарских народов СССР. Тут мы имеем два ярко-выраженных течения, одно из которых стоит за переход к латинскому алфавиту, другое же—за реформу арабского алфавита. Раздаются голоса и за русский алфавит, но сторонников этого течения очень мало.

Четырехлетняя практика применения нового (латинского) алфавита в Азербайджане показала нам с несомненной ясностью, что латинский алфавит по своей легкости стоит гораздо выше реформированного арабского алфавита. Об этом много писалось и говорилось как в нашей прессе, так и на педагогических заседаниях и конференциях, и по этому вопросу у нас установился совершенно определенный взгляд.

Но в то время, как в Азербайджане вопрос об алфавите получил определенное разрешение*), другие тюрско-татарские народности не пришли по этому вопросу ни к каким определенным результатам, иначе и не могло быть, так как взяв в основу арабский алфавит нельзя правильно разрешить вопрос об алфавите. Что в отношении реформы арабского алфавита среди тюрско-татарских народностей сейчас царствует большой хаос, достаточно показывает статья Куль-Мамедова в газ. „Туркменистан“, из которой мы приводим здесь некоторые выдержки. Кул-Мамедов пишет «После долгих дебатов решено было писать тюркские слова арабским алфавитом, так как они выговариваются. Но из этого ничего не вышло; арабский алфавит и сам по себе не пригодный для передачи тюркской речи вошел в употребление у разных тюркских народов, приняв различные формы. Узбеки, казаки, татары и наши туркмены преобразовали арабский алфавит, как кто хотел, каждый по своему усмотрению. Вследствие этого у каждого народца возникло свое письмо, свое правописание. Бедный народ потерял голову и не мог понять, за что ему взяться».

Нам кажется, что эти строки ясно свидетельствуют о той неразберихе, которая создалась в результате многочисленных реформ арабского алфавита. С другой стороны эти же строки являются аргументом против тех, кто нас часто обвиняет в „стремлении к раз‘единению и желании рассеять рознь“.

---

*) Кроме того, латинский алфавит принят у якутов и балкарцев, начинает проникать к карачаевцам и в принципе принят туркменами и кара-киргизами.
Авт.

В самом деле бесчисленные реформы арабского алфавита в настоящее время создали такое положение, что письменность одного народа стала китайской грамотой для других. Здесь к различию в наречиях прибавилось еще новое—неодинаковость письма и правописания.

Ниже мы хотим рассмотреть одну из таких попыток реформы арабского алфавита, предложенную крымским учителем Исмаил-Хакки в его „Новом фонетическом алфавите". Думается, что недостатки этого алфавита являются общими и для других опытов реформы.

Разбираемый нами алфавит издан в 1917 году в Акмечети и составлен применительно к первому году школьного обучения. В предисловии к своей азбуке Исмаил-Хакки вполне справедливо замечает, что самым важным вопросом в деле первоначального обучения детей грамоте является вопрос об облегчении усвоения ими алфавита. Далее он говорит: «В деле обучения азбуке я приобрел достаточный опыт; мне пришлось наталкиваться на различные затруднения и все же я никак не мог примириться с существующим порядком преподавания. Я начал искать способов к устранению встречающихся трудностей. Применив выработанные приемы, я пришел к отличным результатам".

И вот, для того, чтобы правильно оценить эти результаты, нам необходимо ознакомиться ближе с предложенным автором „новым алфавитом".

По мысли автора отличие его „нового алфавита" от существующего арабского сводится к следующему:

1) для букв, имеющих в арабском алфавите четыре начертания, автор оставил только два, а для букв имеющих два начертания, только одно;

2) термины, употребляемые во время преподавания, заменены новыми;

3) для каждого звука имеется отдельное изображение.

Прежде всего коснемся вопроса о сокращении числа четырех буквенных начертаний.

Как известно, буквы арабского алфавита, имеющие начертания ب ت ث ح، س، ص، ل م и им подобные имеют в печати четыре разные формы; например, буква ب представлена в четырех начертаниях ب ﺑ ﺒ ﺐ. Из этих четырех форм одной и той же буквы автор только берет первую и последнюю, исключив, таким образом, две остальные. По моему мнению, исключенные автором формы, не являются буквенными формами этой буквы, а только служат для упрощения технической стороны дела, в особенности письма. Единственное назначение этих форм—это создать возможность легкого в техническом отношении, соединения их с предыдущими и последуюшими буквами. Как пример возьмем из книги того же автора слово آ;ﺑار в том виде, как его пишет автор. Согласно правилам, указанным в параграфах 4-м и 5-м буква ﺑ в этом слове должна соединиться (в письме) с буквой ;, но ведь это то же, что восстановить уже исключенную ранее автором форму. Возьмем другой

пример слово ت ,آ. В этом слове буква ي как соединяющаяся с предыдущей и последующей буквой-должна соединиться с буквой ت, вследствие чего последняя опять получит то же самое уже ранее отвергнутое автором начертание ﺘ. И чтобы ни говорил автор об отсутствии этих форм ﺘ в его алфавите, в технике письма они неизбежно должны появляться, ибо гораздо легче писать слово сразу в форме آيت, чем делать то же самое по рецепту автора. В буквах же, имеющих начертание ع ف ق ج и других эта трудность еще более увеличивается, и как бы, чувствуя это, автор отступает от первоначального своего принципа—сохранения только двух указанных выше форм. Так, например, в правиле, касающемся буквы غ он говорит, что если буква ﻏ соединяется с предыдущей буквой, как в слове يوغه то ее можно писать и в таком виде يوغه, потому что подобное изображение этой буквы гораздо легче для усвоения, чем указанное в первом случае. Следовательно в буквах, похожих на غ автор не мог избежать исключенных им срединных начертаний.

Что же касается замены двух начертаний одним (как в буквах د ر ذ ط и др.), то нам кажется, что автор совершенно не прав, принимая соединительный элемент этих букв, например, ﺮ за их особое начертание- В письме же названные буквы неизбежно должны принимать, согласно указаниям самого же автора, форму ﺬ ﺮ ﺪ и др. Следовательно, исключенные автором формы появляются вновь, хотя и в соединении с предыдущими буквами,

Вообще необходимо заметить, что изгнание начертаний арабских букв с соединительными элементами, во-первых, совершенно невыполнимо, как это мы видим на примере самого автора, а во-вторых, оно очень затруднило бы технику письма. Поэтому эта мнимая реформа автора не может быть одобрена. Вторым преимуществом своего алфавита перед старым арабским, автор считает введение новых терминов. Нам думается, что эти новые термины относятся, главным образом, к буквам „большим и малым“, Например, конечное начертание буквы ب автор называет большой буквой, а начальное начертание той же буквой маленькой. Как известно, в европейских алфавитах большие и малые буквы имеют свое определенное назначение; здесь большие буквы употребляются в именах собственных или же, как в немецком, для отличения имен существительных вообще. В „новом алфавите“ эти названия, как не преследующие определенной цели, теряют свой смысл и не создают ничего нового, что отличало бы их от старого арабского алфавита. По нашему целесообразнее было бы называть их начальными и конечными, как в старом алфавите („начальными“, конечно, с натяжкой, ибо они пишутся и в середине слов).

Общеизвестным является тот факт, что коренной недостаток арабского алфавита заключается в отсутствии гласных букв. Исмаил-Хакки, как и другие авторы-реформаторы, попытался устранить этот недостаток, но не мог достигнуть желательных результатов.

Возьмем из его алфавита знак ﯾ. В первой странице „нового алфавита“ эта буква служит для обозначения звука буквы jot и потому слова

تاباباى ، آى пишутся через эту букву. Однако, в других местах книги эти же буквы служат для обозначения звуков i, ɩ, e; чтобы подтвердить это примером, возьмем из книги следующее предложение которое я напишу алфавитом автора и новым тюркским алфавитом*) Saŋa səjlədiqim lakьrdьjь ynytma ساڭا سويلەديگيم لاقيرديىى اونوتما

В этом примере в слове səjlədiqim سويلەديگيم первое ى служит для обозначения звука j, второе и третье для обозначения—i. В слове lakьrdьjь—لاقيرديىى первое ى служит для обозначения звука ɩ, второе ى для обозначения—буквы j, оба ى для обозначения звука ɩ. Для изображения звука буквы e автор берет алиф с гамзой أ и говорит, что эта буква пишется только в начале крымских слов. Однако, в крымском наречии мы имеем множество слов со звуком e в середине; например, буква ى в слове تيل произносится как e (этот пример заимствован из книги проф. Чобан-заде „Крымско-татарская научная грамматика" стр. 24). Так как в алфавите автора знак أ употребляется исключительно в начале слов, то выходит, что для срединных e у него нет никакого знака. Однако, эти срединные автор изображает через ту же букву ى ، например, в слове كيتدى.

В общем, буква ى служит для обозначения звуков i ɩ j e, что является повторением того же неудачного приема, который нам известен из арабского алфавита. Поэтому нужно сказать, что самый главный недостаток арабского алфавита, а именно выражение двух трех звуков одной и той же буквой, автором не устранен, и его заявление о том, что в его алфавите для каждого звука имеется особый знак, не соответствует действительности.

Третьим преимуществом своего алфавита, автор считает „освобождение знака вав و от необходимости служить" изобразителем четырех букв". Это достигается у автора путем прибавления произвольно взятых им знаков к двум буквам арабского алфавита—алиф и вав او. Таким образом, получаются знаки для изображения звуков o y, ɵ, u. Во-первых, необходимо отметить, что Исмаил Хакки и здесь ничего нового не придумал. До него такой способ изображения этих звуков принят многими турецкими авторами, в частности известным автором турецкого словаря Шемседдин-Сами-беем, но в то время, как Шемседдин-Сами-бей прибавляет эти знаки только к букве вав و, Исмаил-Хакки прибавляет их калиф и вав вместе. Поэтому, например—для звука o, у него имеется одна основная форма, (самостоятельная مستقل) (او и одна комбинаторная) (несамостоятельная—غير مستقل) — و употребляемая только в соединениях.

То же самое следует сказать и о буквах y, ɵ, u. Нет сомнения в том, что термины „самостоятельная" и „зависимая" буква сами по себе представляют большие неясности в особенности для детей школьного возраста

*) Здесь как и в последующих взятых из книги примерах по техническим соображениям я опускаю знаки принятые автором для обозначения o, y, ɵ и u.

Но самым слабым местом „нового алфавита" нужно считать удержание чисто арабских букв, неимеющих соответствующих звуков в тюрко-татарских наречиях, а также арабского правописания. Вследствие этого и без того неудачная реформа Исмаил-Хакки теряет всякое значение. Как и другие реформисты, Исмаил-Хакки по собственному признанию, не мог избавиться от этого лишнего ни к чему ненужного балласта. Удержание этих букв в „новом алфавите" вызвало также необходимость создания и некоторых искусственных, несовместимых с природою языка законов. По мнению автора буквы ع ظ ط ص в тюрко-татарских языках имеют твердое произношение; на самом же деле это правило применительно только к арабскому языку, а с тюрско-татарским звукоупотреблением ничего общего не имеет. По этому вопросу профессор Чобан-заде пишет: „Некоторые различные, по существу совершенно неодинаковые знаки арабского алфавита изображают в тюрко-татарских наречиях один и тот же звук, например, буквы ه خ ح произносятся тюрками как h, буквы ص س ث как س, буквы, ض ظ ز ذ как z, буквы ط ت как t. Что же касается до употребляемого в письме ع, то в произношении оно никогда не выговаривается" (проф. Чобан-заде „Крымско-татарская научная грамматика" стр. 25). Несомненно удержание вышеуказанных и других арабских букв ء ه ذ ث не имеющих в тюрко-татарских языках тождественное с арабским произношением сильно тормозит преподавание по „Новому алфавиту" и требует создания искуственных законов.

Выше мы указали, что Исмаил-Хакки удержал правописание арабских и персидских слов в первоначальном виде. Благодаря этому, кроме принятых для татарского языка гласных букв, им также введены надстрочные и подстрочные знаки, употребляемые иногда в арабском письме для обозначения гласных ضمه٬کسره٬ فتحه. Поэтому, кроме э—о в „новом алфавите" мы имеем э с фетхой آ для таких общеупотребительных в тюрко-татарских языках арабских слов как قدم نفس ولی, кроме i—ای еще i с кесрой اِ для слов كتاب فكر بنا кроме u—او еще v с даммой اُ для слов كل بلبل شكر. Таким образом, самые общеупотребляемые в тюрко-татарских языках арабские и персидские слова сохранили свое особое отличное от тюрко-татарского правописания. Автор советует при обучении письму об'яснять детям, что эти знаки только выговариваются, а в письме опускаются. Ясно, что подобное об'яснение нисколько не облегчает усвоения этих знаков в особенности детьми. Таким образом, в „новом алфавите" мы находим те же трудности, какие имеются и в арабском.

Кроме этих знаков автор вводит в свой алфавит все три вариации гамзы ؤ ئ أ советуя, однако, при этом не смешивать гамзированные алиф- أ арабских слов с буквой أ—е, введенном специально для татарского наречия и татарское о. h с арабским ه ٥. При этом сам автор указывает способ этого „несмешения", например, для ه; он говорит, что эта буква в татарском наречии произносится как начальная буква в слове هند. Ясно, что здесь автор пытается об'яснить одно неизвестное другим, что, конеч

но, никакой ясности в дело не вносит. Думается, что не только одно слово هند, но тысяча таких иностранных слов не в состоянии об'яснить природу этого, чуждого для тюркско-татарских языков арабского звука. Автор великолепно сознает это, но его искусственные законы не поясняют, а путают вопрос.

Считаем не безинтересным отметить еще одну особенность „нового алфавита". Последний составлен не только для первоначального обучения татарскому языку в школах, но и для первоначального чтения Корана. Поэтому в азбуке Исмаил-Хакки имеется особый отдел под названием „подготовительный отдел для чтения Корана". Для этого он ввел в эту часть своей азбуки такую мертвую арабскую букву как الف مقصوره для таких слов, как دعوى, قوى и других.

Подводя итоги ко всему вышеизложенному, нужно досказать:

1) Исмаил-Хакки не мог создать для каждого звука татарского языка отдельные самостоятельные знаки.

2) Одна буква как в старом арабском алфавите выражает несколько звуков (و).

3) Упрощение начертаний букв, как исходящие из неправильного толкования этого вопроса ничего нового не дает, а наоборот создает массу технических трудностей.

4) Термины „большие и малые буквы", как неудачное подражание европейским названиям не приводит ни к какой практической цели и ничего нового не дают.

5) Удержание специфических арабских букв и правописания уничтожает всякое различие между старым и новым алфавитом.

6) Удержание арабских букв требует создания искусственных неоправдываемых природой языка законов.

В общем, „новый алфавит" Исмаил-Хакки является одной из многочисленных неудачных попыток реформы арабского алфавита.

В этом отношении Исмаил-Хакки не первый. И до него много авторов работало над реформой арабского алфавита и создало, быть может сравнительно лучший проект реформы. Но им также, как и Исмаил-Хакки не удалось развязать окончательно этот Гордиев узел. И это не вина этих авторов; скорее *в этом виновен сам арабский алфавит, который не поддается никаким реформам.* Сколько бы ни было потрачено труда, сколько ни было приложено энергии, достигнуть какого-нибудь положительного результата в этом отношении невозможно.

Единственный путь к удачному разрешению вопроса, это отказ от старого арабского и переход к новому латинскому алфавиту. Азербайджанские трудящиеся с уверенностью идут по этому, единственно правильному, пути.

Г. Иманов.

Труды Общества Обследования и Изучения Азербайджана:

1) **Акад. В. В. Бартольд.**
Место Прикаспийских стран в истории мусульманского мира.

2) **Е. А. Пахомов.**
Монетные клады Азербаджана.

3) **Абдул-Лятиф.**
История шекинских ханов.

4) **А. К. Бакиханов.**
Гюлистан Ирям. (История Ширвана и Дагестана).

5) **Проф. Чобан-заде.**
Заметки о языке и словесности кумыков.

6) **Проф. Н. И. Ашмарин.**
Общий обзор народных тюркских говоров города Нухи.

7) **И. Гасанов.**
Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов г. Ганджи.

8) **Проф. И. И. Мещанинов.**
Доисторический Азербайджан и Урартская культура.

9) **Проф. И. И. Мещанинов.**
Основные начала Яфетидологии.

10) **Проф. Б. В. Миллер.**
Предварительный отчет о поездке в Талыш.

11) **Проф. Н. И. Ашмарин.**
Краткая программа собирания грамматических материалов по языкам Дагестана.

12) **Проф. Чобан-заде.**
Положение кумыцкого наречия среди тюркских языков

13) **Е. А. Пахомов.**
О сословно-земельном вопросе в Азербайджане.

14) **В. М. Сысоев.**
Тюркское население Азербайджана в XVII веке.

15) **Проф. В. В. Сладкопевцев.**
Основные разделы программы собирания материалов по вопросам театра.

16) Известия О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана № 1.

СОДЕРЖАНИЕ.

Инстит. Красн.